

Кр 84Р7-26
П14

В. И. БАСИЛОВ

«КОЛЬЦО САТАНЫ»

Часть 2

SHOUT
SHARE **IT**

Annotation

В первой части автор, бывший заключенный колымских лагерей, рассказывал о лагерной одиссее своего героя (кстати, Сергей Морозов — Вячеслав Пальман). Во второй — Вячеслав Иванович повествует о том, как работал по вольному найму в Западном горнопромышленном управлении (ныне Сусуманский район), в частности в совхозе «Сусуман», который прекратил свое существование в середине 90-х годов прошлого века. Как осваивал вместе с товарищами по несчастью колымскую землю, на которой выращивал капусту, картофель, зелень, а в теплицах — помидоры и огурцы. «Описание многих событий страшных лет были получены мною из разных источников, в том числе — слухов. Немало рассказов о том же я слушал из уст людей, прошедших лагерные годы: эти разговоры были, конечно, и явные, и искаженные, мне трудно было отсеять истинное от наносного, отсюда — цепь ошибочных картин, домыслов. Рядом с ними — увиденное своими глазами, услышанное от людей, переживших злые месяцы и годы. Но главное, что стало костяком рукописи, было и остается — личные мои переживания, — все увиденное и услышанное от людей, как и я, прошедших страшные годы. Что-то от таких источников было ошибочно, что-то приукрашено, но основа написанного в романе — мои переживания — не из числа придуманного. И основа-то событий — это явь. Страшная и живая. Явь, которая и ныне, временами, не дает покоя душе.» Вячеслав Пальман (из письма)

- Вячеслав Пальман

- От издателя

- БЕРЕЛЕХ — ВОЛЧЬЯ РЕКА

- 1

- 2

- 3

- 4

- 5

- 6

- ПЕРЕД ВОЙНОЙ

- 1

- 2

- ИЮНЬ СОРОК ПЕРВОГО И ДАЛЬШЕ

- 1

- ТРЕВОЖНО, ТРЕВОЖНО...

- 1

■ 2

■ 3

○ ПРЕДАТЕЛЬСТВО

○ ПЕРЕЛОМНЫЙ ГОД

○ У ГЕНЕРАЛА

■ 1

■ 2

○ ТАКИЕ ВЫСОКИЕ ГОСТИ...

■ 1

■ 2

■ 3

○ ПРОСВЕТ В БЕСПРОСВЕТЬЕ

■ 1

■ 2

■ 3

○ СОРОК ПЯТЫЙ

■ 1

■ 2

○ БЕРЕГ ОХОТСКОГО МОРЯ

■ 1

■ 2

■ 3

■ 4

○ ГОНИМЫЕ

■ 1

■ 2

• notes

○ 1

Вячеслав Пальман
КОЛЬЦО САТАНЫ
Часть вторая. ГОНИМЫЕ

Уважаемый читатель!

Ты держишь в руках вторую часть книги «Кольцо Сатаны», автором которой является В. И. Пальман, бывший заключенный колымских лагерей. К сожалению, в первой части книги мной был указан неверно год смерти писателя — не 1995, а 1998 год. Приношу свои извинения как родным Вячеслава Ивановича, так и читателям.

А теперь об авторе и книге.

Вячеслав Иванович автор таких известных книг, как «За линией Габерландта», «Кратер Эршота», «Песни черного дрозда» и первой части данной книги «За горами — за морями».

В первой части автор рассказывал о лагерной одиссее своего героя (кстати, Сергей Морозов — Вячеслав Пальман). Во второй — Вячеслав Иванович повествует о том, как работал по вольному найму в Западном горнопромышленном управлении (ныне Сусуманский район), в частности в совхозе «Сусуман», который прекратил свое существование в середине 90-х годов прошлого века. Как осваивал вместе с товарищами по несчастью колымскую землю, на которой выращивал капусту, картофель, зелень, а в теплицах — помидоры и огурцы.

В книге «Гонимые» описан приезд на Колыму, в том числе и в совхоз «Сусуман», в 1944 году делегации Соединенных Штатов Америки во главе с вице-президентом США Генри Уоллесом. Читателю будет особенно интересен момент, когда бывший заключенный Сергей Морозов на день стал главным лицом в совхозе-лагере, а его подчиненными на это время оказались капитаны и майоры, их жены и все вольные жители, работавшие в совхозе. Руководство Дальстроя представило Генри Уоллесу агронома совхоза Сергея Морозова как крупного колымского фермера...

Вторую часть данной книги можно считать как продолжением предыдущей, так и отдельным произведением, то есть ее содержание будет понятно читателю даже без прочтения первой части книги.

В заключение, приношу свои извинения дочери Вячеслава Ивановича Татьяне Вячеславовне Кружковой и читателям за то, что с таким большим разрывом во времени выходит вторая часть книги (первая была издана в 2001 году). Задержка была связана с поиском финансов на ее издание.

Иван ПАНИКАРОВ,

председатель Ягоднинского общества «Поиск незаконно репрессированных».

БЕРЕЛЕХ — ВОЛЧЬЯ РЕКА

Машина остановилась.

Истрепанный почти шестисотверстным переездом в кабине и в кузовах попутных машин, устав от бесконечных, пустых разговоров с шоферами — лишь бы не уснуть! — Сергей Морозов, пошатываясь, спустился от шоссе вниз к быстрому ручью с тополями и кустарником по берегам, бросил сверток с одеждой на зеленую поляну и осмотрелся. Тихо, зелено, тепло. Тогда он разделся и с наслаждением вымыл лицо и грудь.

Отступив от ручья, сел, потом лег и с наслаждением вытянулся. Через две минуты он уже спал.

Когда открыл глаза, большое красноватое солнце зависло над мелкими сопками и почти не грело. Сверху, с открытого неба падал холодный воздух, само высокое небо обрело туманную неопределенность. Далекий горный хребет зловеще покраснел.

Морозов встал и потянулся. И только тут, растирая онемевший бок, понял, как холодна земля и трава на ней, как пугающе чужда ему вся эта долина, как диkovаты и равнодушны зеленые сопки и даже величественный Морджот с белой головой.

От ручья потянуло махорочным дымком. Пожилой человек неторопливо подымался к нему. Лицо его было улыбочиво, в губах зажата сигарка с прямым мундштуком.

— Здравствуйте, — сказал он густым прокуренным голосом. — С того берега увидел вас, решил разбудить. Так ведь и простыть недолго. А вы чуткий, сразу поднялись. Откуда прибыли, молодой человек?

— С побережья, совхоз «Дукча». В ваш совхоз.

— Я как раз сегодня дежурный по совхозу, вдвойне обязан встретить. Моя фамилия Орочко, Александр Алексеевич. Топограф, с вашего позволения.

Морозов назвал, сказал, что по направлению в Сусуман — агрономом. Настороженность его прошла.

— Судя по вашему виду, вы не по договору на Колыму прибыли, — топограф оглядел его багаж, одежду.

— Не по договору. После трех лет за проволокой.

— А я после пяти, — Орочко грустно улыбнулся. Его чистое, без морщин лицо и глаза излучали доброту. — Не ошибусь, если скажу, что по пятьдесят восьмой, как и я, грешный.

— По Особому совещанию.

— О-о! — рука топографа с дымящей сигаркой поднялась. — Рангом выше! Благодарите Бога, что живы, что крепки телом.

Ночь все более синеющими красками притушила землю и

небо. Вдоль ручья потянуло холодным ветерком.

— Дело к полуночи, — сказал топограф, посмотрев на часы. — Я провожу вас в контору, переспите там на канцелярском столе. Печка и сторож есть. А вот поужинать... — И развел руками.

— Богат. У меня хлеб и банка сардин. Купил у шофера.

Контора стояла близко, в полукилометре, это была большая, основательно утепленная палатка с круглой высокой трубой. Над ней вился приятный дымок. Желто светились два окна.

Пожилой мужичок в нательной рубахе поверх портов открыл дверь, впустил дежурного и новенького. Волоча несгибающую ногу, молчаливый и недовольный, открыл печку-бочку, подбросил три поленца и только тогда спросил, по-владимирски окая:

— Откель свалились?

— К нам товарищ прибыл, — ответил Орочко. И еще раз оглядел Сергея. — Утром сюда придет начальник совхоза Сапатов, он устроит вас на квартиру, скорее всего ко мне, ну и все другое. А сейчас, с вашего позволения, удалюсь, продолжу свой обход. Спокойной ночи!

В конторе было тепло. Вдоль оклеенных бумагой стен стояли старенькие столы и пузатый шкаф. Пахло лежалой канцелярией, бумагой. В торце виднелась дверь с досточкой, на ней два слова: «Начальник совхоза».

— Поставь чайник, погрейся, — сказал сторож, зевая. — Где отбывал?

Сергей сказал. А когда вынул сардины и хлеб, сторож оживился, сполоснул кружки. Переговаривались они вяло, однако Морозов понял, что в совхозе работают женщины и активированные, иначе сказать, инвалиды, этого народа хватает, а вот чего мало, так это техники, забирают на прииски, у начальника только и разговоры об этом. Семь приисков в округе. А капитана Сапатова назвал крикуном, но без злости, мужик с норовом, а вообще ничего, отходчивый. И главный агроном у них деловой, Александром Петровичем Хорошевым кличут, он и зачинал совхоз. Хозяин, в общем, тоже из бывших.

Уснул собеседник как-то враз, на недоговоренном слове.

Осторожно, чтобы не разбудить его, Сергей вышел, постоял у дверей. На одной басовой ноте гудела трасса, от нее сюда сотня метров. За трассой мигало много огней. Поселок. Черные тополя стояли свечами, через прозрачные конусы крупных лиственниц просвечивало бледно-серое ночное небо. А на востоке уже прорезалась светлая полоска рассвета. Поле совхоза с капустным листом начиналось прямо от конторы, за полем светились огни многих теплиц, а дальше горбатились сопки. Тихо, холодно,

безлюдно.

Спать он устроился на столе у печки. Все видения прошедшего дня исчезли в глубоком сне.

Разбудил его сторож. Печь уже гудела.

— Давай, умывайся, а то начальник заявится. Выйдем, полью теплой водой, сполоснешься.

Первым пришел не начальник, а опять же Орочко. И с ним Хорошев.

Главный агроном казался мужиковатым, толстогубое лицо его освещалось карими умными глазами, на вид ему было больше пятидесяти, телом крепок, руку пожал основательно. Показал на табуретку, сел напротив, прочитал направление, подумал.

— Будем тянуть парой. Я беру на себя поле, вам теплицы и парники, какой-то опыт, как я понимаю, у вас есть. Пышкина знаю, он знаток своего дела и всегда готов поделиться. Так?

Сергей вздохнул, откровенно сказал, что опыта у него мало, что ему учиться и учиться, что ехал сюда и мечтал об открытом грунте, изысканиями куда больше занимался, чем закрытым грунтом. Так что...

И с надеждой посмотрел на Хорошева.

Тот не спешил соглашаться, поджал губы.

— Прошу подумать. На поле у нас бездна проблем, работают на огородах до двухсот человек ежедневно, представляете? Сплошь инвалиды. А тут еще новое задание — удвоить пахотную площадь.

— В Дукче я почти весь сезон занимался освоением новых площадей, возглавлял группу исследователей. Успели ввести в строй тридцать гектаров новой пашни.

— Ну, если так... — и Хорошев вздохнул. — Ах, как нужен нам опытный специалист на агробазу! Ладно. Будем пособлять друг другу. Ваш приезд несколько облегчит проблему. Приказано освоить за два года от ста до полтораста гектаров целины, а лето короткое, потребности в овощах громадные, ведь Сусуман в самом центре целого куста приисков, здесь половина добычи золота всего Дальстроя. А лагеря сидят на жидкой перловке.

Дверь резко распахнулась. Салатов возник в конторе, и атмосфера сразу обрела какую-то напряженность. Все встали. Капитан удивленно открыл рот, показав крупные зубы, и подозрительно оглядел лица; зырнул на сторожа, и тот мгновенно исчез. Взгляд его остановился на Хорошеве:

— Ты калякаешь здесь, а от вахты на агробазу топают полтораста новых работяг, один другого краше. Кто их встретит и работой обеспечит?

— Я и новый наш агроном, — спокойно ответил Хорошев.

— Агроном? А ну...

Он прочитал направление, поглядел зачем-то на обратную сторону бумаги, потом глянул в паспорт.

— Ладненько. Вот как раз тебе дело. Ты, видать, не новичок по совхозам. Что решил? — этот вопрос он адресовал Хорошеву.

— Будет агрономом открытого грунта. Кстати, личное его желание.

— Ну, его желание — это еще не все. Мы решаем. Ты согласен?

— Да, конечно, — главный агроном был невозмутим.

— А где жить устроим? — брови Сапатова сошлись. Похоже, он больше любил задавать вопросы, чем решать их самому.

— Можно пока вместе с Орочко. В избушке за ручьем. Ноги молодые, раз-два и уже на поле за протокой. Столовая в Берелехе.

— Ну, а люди, люди? Ты про них не забыл? Что будут делать? — при всем желании казаться строгим и волевым, на самом деле он был далеко не таким. Кажется, все время ждал руководящих указаний откуда-то со стороны.

Уже от дверей своего кабинета Сапатов крикнул:

— Со столовой кто устроит?

— Романов. Скажу от вашего имени.

Легок на помине, вошел в контору крупный, вальяжный мужчина в приличном костюме, даже при галстукe, переспросил:

— Кому столовую? Отладим. Обеды и ужины. Новенькому? Записывать? Деньги в день получки. Твой номер одиннадцатый, запомни.

— Делец, — сказал Хорошев, когда они шли к тепличным блокам. — Советник Сапатова по всем вопросам, хотя ни тот, ни другой до сих пор не отличают редьки от редиски. Отбывал, кажется, за мошенничество. Но обиды пока не чинит.

Огород, через который шла тропа на агробазу, поразил Морозова. Хорошая, ухоженная земля, крупнолистная капуста на гребнях, сильная морковная и свекольная ботва — все весело зеленело, все выглядело обильнее, чем на Дукче. А ведь ближе к полюсу на полтысячи километров, вон тот хребет на горизонте называется Черским, за ним Оймякон — полюс холода! Что может дельный человек! И он с уважением посмотрел на опередившего его Хорошева.

— Вы идите и устраивайтесь, наработаться успеете, а я с бригадами займусь этапом.

Плотная и жалкая толпа молча сидела у входа на агробазу. Вокруг стояли конвоиры. Хорошев что-то сказал двум проворным мужичкам, подошедшим от теплиц, те кивнули, один негромко крикнул: «Подъем!» — и толпа тяжело стала подыматься.

— На прополку турнепса, — сказал главный, встретив удивленный взгляд Сергея. — Хоть поедят вдоволь, его у нас много насеяно.

Орочко сидел на крыльце домика, ждал Морозова.

— Не Бог весть что, но на первый случай обойдемся. Располагайтесь на диване, он, правда, канцелярией пахнет, мы его из конторы забрали. Если еще одеяло, подушку и простыни, то комфортно. И вид хороший: речка, Морджот на горизонте, зелень в окна. На Дукче, наверное, подобного не найдется. Располагайтесь. А я пойду.

Хорошев без улыбки простился и ушел. Орочко гремел кружками, поставил чайник. Сергей разглядывал большой письменный стол, пригодный явно для кабинета, а не для этого домика. И диван...

— Остатки берзинского тщеславия, — пояснил Орочко. — Боевой латыш любил все барственное. Совхоз расстарался, кое-что забрал при дележе бывшего.

И, закрыв рот ладонью, топограф зевнул. Не удержался.

— Я пройдуся по хозяйству, а вы ложитесь поспать. После поговорим.

— Заприте меня снаружи. Там на подоконнике амбарный замок...

Морозов переоделся, у него сохранился рабочий комбинезон, десятки раз стираный, цвета неопределенного, но со склонностью к первоначальной голубизне. Русые волосы Сергея отросли и кудрявились. Худоват, щеки слегка впалые, но взгляд более или менее уверенный. Он привык ходить без головного убора, так и отправился в ознакомительный поход по совхозу — не через мостик на агробазу, а левей, где была кладка через ручей. Хотел выйти на границу огородов и поглядеть на них со стороны — от леса у подножья пологих сопок.

Река Сальгурья — или ручей? — дальше спрямлялась, бежала по узкой заболоченной долинке, которую километрах в двадцати запирали своей каменной грудью могучий Морджот.

Сейчас, освещенный щедрым солнцем, он сиял снежной вершиной с вертикальными черными провалами, суровый конус удивительно-правильной формы, великан среди мелких сопки. К северу от него далеко за сопками розово светился длинный острозубый хребет. Северная даль, таинственный рубеж, за которым пряталось еще одно дикое царство.

Прозаическое капустное поле разлилось почти по всей долине. Выше под ногами Сергея захрустели остренькие осколки рыжего сланца. Земля посерела, вдоль гребней заблестела вода, растения выглядели слабыми, не зелеными, а рыжеватыми. Да, тут капусте холодно и неудобно. Водоотводной канавы на границе огородной земли не было, только старая колея от гусеничного трактора, по ней тоже сбегала вода; был брусничник и тучи комаров над головой, тот дух тайги — влажный и пресный дух, похожий на запах несоленой каши.

По верхней границе поля Морозов прошел далеко. Еще несколько ручьев доходили до первых гребней и пропадали в глубине. Тут же подрастал турнепс, едва доставал колени жалкий с виду викоовес.

Взору открывались едва ли не все поля совхоза и поселок Сусу-ман в пойме реки Берелех. Этот приток Колымы зеркально блестел в просеках зелени, множество протоков, островов открывалось сверху. Поселок на этом берегу состоял, в общем-то, из приземистых бараков, выделялись только двухэтажный клуб архитектуры первых пятилеток и два таких же дома, возле которых стояли черные легковые автомобили. Западное горнопромышленное управление, которому принадлежал совхоз и прииски.

Из-за реки тоненько запищал гудок какого-то завода. Черные

фигурки людей, работающих на поле, зашевелились, стали сходиться к месту, куда на телеге привезли обед. Сергей вспомнил запертого Орочко и пошел напрямки. Им надо успеть в столовую.

Орочко уже высматривал его в окно. Через пять минут они зашагали в поселок и по пути догнали главного агронома.

— Ну, каково впечатление? — спросил Хорошев. Он оглядел Морозова, его грязные ботинки. — Я видел вас на склоне сопки. Грибы искали? Маслята там бывают, как-никак подспорье.

Сергей смутился.

— Хотел представить себе совхозные угодия в целом. Оттуда как на ладони.

— Представили?

— Да. Вы распахали все удобные земли и прихватили тайгу. Под завязку.

— А прибавить есть что? — Хорошев улыбался: приятная оценка его трудам.

— Слева проглядывается поперечная долинка, надо осмотреть. Возможно, там находится подходящая земля.

— Вряд ли. За сопкой новый прииск «Челбанья». И дорога туда. В общем, вы время не теряли. Если мы составим проект освоения хотя бы двух десятков гектаров, то в управлении примут такое деяние как показатель нашей активности.

— Нужны два тяжелых трактора и рельсовые бороны, — сказал Сергей.

— Рельсовые?..

Всю дорогу до столовой он объяснял, что это такое и как их несложно сделать. С горячностью объяснял. Хорошев и Орочко переглядывались.

— А что, это мысль, — сказал главный. — Тем более, что орудие уже испытано. Тут, за поселком, — завод по ремонту приисковой техники. Готовьте чертеж, размеры, детали, а мы с Сапатовым нажмем на управление. За месяц, наверное, можно сделать такие бороны. И опробовать в поле. Ну и, конечно, начинать съемку целинных площадок. Так, Александр Алексеевич? Геодезистов отыщем в лагере, подключим Сапатова, он из-под земли достанет, если его разжечь...

Рубленый дом на высоком фундаменте, с крытым обширным крыльцом и чистыми окнами выглядел привлекательно. В прихожей умывальник, два полотенца по сторонам. Сергей потянулся к синему, но Орочко предупредил:

— Наше вот это, белое.

— А чье же синее?

— Для других, — и поджал губы. Хорошев загадочно

улыбался. Две двери были почти рядом. И тут Сергей ошибся, шагнул в правую — вслед за высоким очкариком, уже переступившим за порог, но Орочко уже взял его под руку.

— Наша дверь слева.

И они вошли в эту левую.

В небольшой комнате стояли четыре стола под клеенкой. Дверь на кухню, дверь в соседнюю комнату. Из кухни тотчас вышла молодая повариха, поздоровалась, оглядела Сергея.

— Новенького привели?

— Из Магадана прибыл, мой коллега, — объявил Хорошев. — Запишите в нашу артель. Сергей Иванович Морозов.

Официантка пронесла мимо их стола поднос с тарелками, толкнула бедром дверь, за ней открылась вторая комната, столы там были под скатертями, на подоконниках цветы в горшках.

Сергей уставился на Хорошева.

— Да-да, не все вольнонаемные равны. Там — договорники. А здесь наш брат, прошедшие через это самое... Там кормят по второму разряду. Здесь — по третьему.

— А есть и по первому?

— Такие сюда не ходят. У них свой буфет в здании управления. Нам с большим трудом удалось отстоять право на складчину, чтобы не тратить время на щи-кашу по месту жительства.

Вошел плановик Романов, кивнул всем сразу, сел за их стол. Розовое лицо его было безмятежно. Спросил Морозова:

— Как тебе этот ресторан?

— Еще не освоился. На соседей за той дверью посматриваю.

— Что на них смотреть, у них паспорта без штампа. Классом выше. И цена ихних обедов подороже. Я хотел было втиснуться, за деньгами дело не встало, однако не удалось. Сословное предубеждение. А вот и кормилица наша! Здравствуй, Аня, здравствуй. Чем угостишь сегодня? Дух такой хороший...

— Лапша на курином бульоне. Ну и мясо с макаронами. И компот.

— А у тех? — плановик кивнул на дверь.

— То же самое, только погуще, да послаще. Не завидуй.

Сергей проголодался, но ел как-то вяло, хотя и мелькнула мысль, что впервые за три года с лишним ест он не из жестяной миски, а из тарелки, что само по себе уже шаг к прошлому, долагерному. И тут же осой врезалась мысль о неполноценности, такая вдруг реальная в быту, она оскорбляла его, кусок застревал в горле. Не только паспортами, но и в товарищеской столовой отделяют чистых от нечистых. И это что? Навечно?..

Романов уже отодвинул пустые тарелки. Лицо его лоснилось

от удовольствия, он достал папироску и вертел ее в пальцах, дожидаясь, пока кончат обед другие. В столовой было тихо. Еще за тремя столами молча ели девять незнакомых людей.

— Вот тот, — прошептал Романов на ухо Сергею, — что с седой головой, доктор наук, геолог-профессор, ходит в чине заместителя главного геолога, молодого договорника. Тоже недавно вышел после восьми лет. Умница мужик. А живет в общежитии. Это он открыл при иск «Челбанья», там по сорок кило золота в день берут. А профессор по средам ходит отмечаться в райотдел НКВД. Трое его подчиненных обедают в той комнате, потому как договорники. «Все смешалось в доме Облонских...».

Морозов хотел было высказаться, но Орочко толкнул его ногой. И тема вышла из разговора.

Шли в совхоз неторопливо, каждый со своими мыслями. Сергей вдруг затосковал. Он глубоко и огорченно вздыхал. Такое откровенное деление на сословия... Конечно, не на Колыме придумано, бери выше! Новая группировка классов: вчерашние руководители — нынешние рабы, благодарные за то, что оставили их живыми. Вчерашние недотёпы и бездельники — нынче на престижных местах, поскольку идейность выше ума и мастерства. Вот так! После разговора в столовой Морозов отчетливо увидел отвратительную реальность: того Морозова, который был до ареста, уже нет. Послелагерная жизнь, «вольная» — ухабистей и страшней, чем он ее представлял. Светлый взгляд на мир, жизнерадостность, желание до конца отстаивать свою точку зрения, спорить, утверждать себя в труде, творчестве, в жизни, наконец, — сохранились ли они?..

Ну, а если ушли бесследно, то зачем жить? И как жить?

— Вы о чем так тяжело задумались? — Хорошев вдруг взял Сергея под руку. — У вас, молодой друг, все впереди. Это нам, старикам, бесполезно строить какие-то иллюзии. А вы-то, вы?.. Полноте, возьмите себя в руки, подымите голову! Не все так плохо, как это кажется в минуты отчаяния и тоски.

Утром, за те несколько секунд, когда глаза еще закрыты, а мозг уже пробудился для работы мысли, он вспомнил прежде всего о делах, которые надо решить. Сейчас идти на вахту и там дать задание бригадам, сказать, какой инструмент потребуется и как его подготовить. Потом сходить к реке Челбанья, взять почвенные пробы и отправить их на Колымскую опытную станцию; написать заявку на устройство рельсовой бороны, сделать чертеж, чтобы заместитель начальника управления Кораблин дал заводу указание делать срочно — до зимы остаются считанные недели. Ну, и поискать в лагерной картотеке специалистов для более глубокого исследования почвы, как это

делалось на Дукче.

И он проворно стал одеваться. Орочко уже не было. Сергей стоя пил морковный чай, хлеб и сахар у них был; жевал, а сам думал, что прежде всего требуется купить часы. Кто знает, сколько сейчас времени?..

Через мостик молчаливой гурьбой прошли тепличницы с конвоиром, который и на мостике считал их в десятый раз. Затрещал, заработал движок, качающий воду в чаны, где ее подогревают. Работа, работа...

Жажда осмысленной деятельности — прекрасное чувство, оно является не по приказу, а по какому-то прирожденному желанию трудиться, как потребность души и тела, которую приказ, понуждение способны только убить, что и делалось в лагерях. Но теперь-то, теперь?.. Неужели за три года сумеречная пелена успела изменить, затемнить его сознание, или вчерашнее — всего только ядовитая отрыжка прошлого? Сейчас, уходя на работу, Морозов ощущал в себе прежнюю человеческую статью, желание все уметь, все успеть, все хотеть и все знать. Куда еще больше!

Раненный страхом, но не убитый. Раны эти зарастут в осознанном труде, в предвкушении всего доброго, что свойственно созидательному.

Верил, что так.

В совхозе «Сусуман» было где развернуться и поработать.

...С непонятным волнением, ощущая частое нервное сердцебиение, Сергей подымался на второй этаж Западного горнопромышленного управления к товарищу Кораблину, с которым чуть раньше разговаривал из своего кабинета капитан Салатов, разговаривал стоя, с телефонной трубкой, прижатой к уху, и с тем напряженным, полным осознания ответственности лицом, которое возникает у этой касты при общении с вышестоящим. После разговора начальник совхоза посмотрел на сидевшего у него агронома Морозова такими глазами, словно оценивал его возможности:

— Так вот, Кораблин хочет знать в деталях план по расширению совхоза от Хорошева или от тебя. Ждет в двенадцать тридцать. Бери документы, докладную и быстро в управление! Второй этаж. Постарайся объяснить коротко и толково. Дуй! Хорошева не нашли.

На втором этаже было тихо и торжественно, как в приемной у лечащего профессора. Ковер на полу от стены до стены, в две стороны высокие двери, у окон громадный стол, три телефона, на стене портреты Сталина и Берия в золотистых рамах, а за столом капитан, деловито и молча разбирающий бумаги.

— К Кораблину? — он поднял голову. — Морозов? Знаю. Сейчас доложу.

С бумагами в руках капитан скрылся за левой дверью, беззвучно закрыв ее за собой. Щеки у Сергея загорелись, он злился на себя, стараясь перебороть волнение, но ничего из этого не выходило, стоял, переминаясь с ноги на ногу, как в ожидании судилища.

Капитан вышел, оставив дверь открытой. Кивнул:

— Заходи.

Там была вторая дверь, Сергей приоткрыл ее:

— Можно?

И увидел перед собой породистое лицо с двумя подбородками, лицо пожилого человека с седыми висками, в отглаженном шевиотовом костюме, при галстукке. Кораблин внимательно осмотрел Сергея, шагнул к нему и вдруг подал руку. Значит, не чекист, тотчас подумал Сергей, осторожно пожал эту руку с чувством благодарности. «Или не знает, что я бывший зек?», — вдруг подумал он, а хозяин кабинета уже зашел за стол, сел и сказал:

— Садитесь. Дело у нас неотложное, есть указание комиссара

Дальстрою о совхозах.

И приготовился слушать. Морозов, не отводя глаз, начал без предисловий:

— Примерно двадцать гектаров мы признали годными под первое освоение, это при простом осмотре, без отбора и анализа образцов.

И положил на стол план угодий, указав, где и сколько можно освоить под пашню, добавив:

— Но если мы хотим, чтобы новые земли дали урожай уже на будущий год, надо приступать к разработке немедленно. А для этого... И осекся, не понимая, почему начальник улыбается, и улыбка его совсем не служебная, а просто человеческая.

— Сколько сидели и где? — как-то даже весело спросил Кораблин.

И, выслушав, сказал:

— Считайте, вам повезло, очень даже повезло, Морозов. Вижу, что не утратили интереса к жизни. Явление не частое. Берегите свой рабочий азарт, набирайтесь опыта. Здесь и сегодня, и завтра будут цениться такие специалисты. Замах у вас с Хорошевым, прямо скажу, невелик, эта осторожность, конечно, от Хорошева. Надо удвоить, по меньшей мере удвоить, площадь огородов, вот каким мы видим первый шаг. Это и государственная задача, и наша общая обязанность, вы лучше меня знаете, чем и как кормят в лагере, к чему это приводит. Все шестьдесят тысяч у нас сидят на перловке и куске хлеба; цинга, пеллагра, инвалидные городки переполнены. Вы кое-что можете сделать для сохранения людей, по-нашему — рабочей силы. С вашим-то молодым азартом... Будем говорить на первый раз о сорока гектарах. Что нужно для этого?

И едва они склонились над бумагами, принесенными Морозовым, как дверь кабинета распахнулась, моложавый человек, по чину подполковник-интендант НКВД шагнул в кабинет, мгновенно, с ног до головы, оглядел Морозова, не поздоровался, спросил Кораблина:

— Это что, из совхоза?

— Новый агроном. Ему поручено освоение земель.

— Молод. Откуда у него опыт и знания? Впрочем, это мы сами определим. А что это за рогатка?

И ткнул пальцем в чертеж рельсовой бороны.

— Вот, просят сделать два таких сооружения. — Кораблин положил бумагу поближе к начальнику управления.

— Объясни, — теперь подполковник прямо и жестко смотрел на Морозова. Глаза его — чуть навывкате, светлые, жестокие глаза без заметных ресниц, требовательно, не мигая, смотрели на

Сергея.

Морозов объяснил: три бревна, десять кусков рельс, жесткое крепление, прицеп...

— Только и всего? — удивился подполковник.

— Но срок, срок! — кажется, Кораблин хотел подлить масла в огонь. — Я полагаю, что не более десятка дней.

— И того меньше, раз надо, — начальник схватил телефонную трубку: — Завод! Начальника или главного инженера! Быстро! — и, ожидая, еще раз оглядел стоявшего Морозова.

— Из каких краев прибыл?

— Из рязанских...

— «У нас в Рязани грибы с глазами»... — И тут же спросил в трубку: — Ты, Аверьянов? Здравствуй, Нагорнов. Еще бы не узнал, по десять раз на день перезваниваемся по твоей милости. Так вот, срочное задание: сделать бороны для совхоза. Ты помнишь, какой разгоняй устроил Павлов, а потом и Никишов своему заму, генералу Комарову за плохое снабжение? Я устрою тебе почище, если через семь дней — ты записал? — через семь, не увижу заказ совхоза исполненным. Лето короткое, надо успеть расковырять много земли, ты понял? Чертежи? Сейчас к тебе приедет агроном и все покажет. Жди, он у меня, через четверть часа принимай.

И резко бросил трубку.

— Я на «Ударник», там опять этот премудрый Кацман не разобрался в «ЧП». Надо наводить порядок. Обвал, жертвы, а план изволь выполнять. Что еще надо агроному?

И всем корпусом повернулся к Морозову. Все тот же взгляд тюремщика, загадочно-тревожащий. И действия, непредусмотренные человеческой логикой поведения.

Морозов сказал, не глядя в бумаги:

— Еще нужны пять дисковых борон, их в мастерской не сделать. И три овощных сеялки. Катки мы устроим сами. Еще разрешение на исследовательскую группу землеведов, знатоков мерзлоты, с правом жить вне зоны, чтобы работали от темна до темна на целине. А самое главное, нужно привезти в совхоз как можно больше навоза, отовсюду, где он только есть. Все машины с приисков в Сусуман обязательно должны идти с навозом. Удобрить сорок гектаров бесплодной земли — это полторы тысячи тонн навоза — на первый случай.

— Ну да, закроем прииски, к дьяволу добычу золота, все — на навоз! Ты хоть думай, что говоришь!

— Порожняк с приисков бывает, — Кораблин поспешил смягчить напряжение.

— Заготовь приказ: порожняк без навоза с приисковых конбаз

будут оплачивать начальники предприятий. Поставим контроль на дорогах. Нам с тобой, товарищ Кораблин, еще не хватает такого же разноса от комиссара госбезопасности, какой он учинил генералу Комарову. Ладно, я еду. Ты отправь агронома на завод. И контролируй этот заказ.

Он вышел, не прикрыв за собой дверь. Кораблин неторопливо встал и закрыл ее. И тут же взял телефонную трубку.

— Дежурную машину к подъезду. Да, Кораблин.

...Завод был расхристан, огромен, старчески стонал и ухал. Двор завален железом, в проёмах открытых дверей вспыхивали ослепительные огни сварки. Директор выглядел затюканным, со взглядом раз и навсегда испуганным, голос его срывался. Видно, много кричал.

— Не было печали, — вздохнул он, разглядывая карандашные рисунки. — Эту вот гребенку делать? — и ткнул пальцем в чертеж.

— Да, чтобы не ломалась, если пеньки, кочки, чтобы резала до мерзлоты. И не один раз.

— Ты придумал? — спросил Морозова.

— Была такая в совхозе «Дукча», я видел, как работает.

— За семь дней, скажите пожалуйста! В разгар промывочного сезона мы завалены заказами с промприборов, а тут, видите ли, бороны. Сеялок-веялок вам не надо?

Он продолжал бурчать в том же ядовитом тоне, но рядом с ним уже стояли инженер и мастер по сварке и резке с маской на руке, уже переговаривались, как, что и где взять, у Сергея спрашивали о деталях, о прицепе, инженер записывал. И вдруг директор с обидой сказал:

— Хоть бы огурцом угостил, добрый молодец. Такое задание принес, а сам с пустыми руками. У нас так не положено, парень.

— Примем к сведению, — весело ответил Сергей. — Как получим первую рельсу, так беру от вас заявку на овощи.

С завода он шел пешком, далековато из-за реки. Но на душе у него было тепло: провернул такое дело! На мосту он постоял, посмотрел, какая злая и мутная вода катит по камням. Догадался: муть эта — после промывки золота, везде моют, торопятся — и все в реку, а вода скорая, вот и не оседает. Загляделся и вдруг отпрянул от перил, на которые облокотился: чуть сбоку проплывал страшный труп в лохмотьях, голова не видна, тяжело ушла в воду. «Безобразный, труп ужасный...» Господи, откуда этот мертвец, кто он — «горемыка ли несчастный погубил свой грешный дух?..». Стоял и не мог отвести глаз от раскинутой полы телогрейки, все еще мелькавшей в воде. Может быть, сам бросился, чтобы раз и навсегда покончить с проклятой зоной, где

чуть позже все равно...

Ослабевшими ногами прошел Морозов по мосту, шел по трассе — мимо лагеря, мимо здания НКВД с решетками на окнах, мимо другого лагеря, потом в стороне от клуба и к себе в совхоз.

Сапатов и Хорошев сидели на скамейке у входа в контору.

— Как там? — нетерпеливо спросил начальник. Ему ужасно не хотелось ввязываться в новые и непонятные сложности с землей. И так забот через край.

— Нормально. — Морозов присел и рассказал, что произошло за последние часы.

Капитан успокоился. Значит, обойдется без вызова к начальству. Без личных для него хлопот. Хорошев посмотрел на Сергея, на Сапатова. И пошли на агробазу.

— Ваш обед и ужин Орошко отнес домой, — сказал Хорошев. — Проголодались, поди?

— Да уж, ни минуты покоя за день. Разговор у Кораблина, потом с Нагорновым, потом на заводе. Ну и полковничек, скажу вам! Я о Нагорнове, начальнике управления. Не иначе, как спецшколу кончил с отличием. Нас за людей не считает.

— Бог с ним. Все они под бдительным оком то гражданина Ежова, то гражданина Берия. Тоже не сладко, надо полагать, хоть и полковничий мундир носит. Новая генерация людей. И будут воспитывать себе подобных-вот в какое время мы живем, Сергей Иванович. Какой тут моральный климат! Какое милосердие! Да они и слов таких не знают. Ладно. Приятно, что вам удалось так быстро повернуть дело. Сапатов мне говорил, что Дальстрою предложено больше надеяться на собственные ресурсы, чем на подвоз продуктов из-за моря. Японцы тревожат транспорты. Стычки в Маньчжурии, там КВЖД местами проходит рядом с границей. Одним Халхин-Голом, конечно, не кончится. А на западе Гитлер шагает по Европе. Тоже не мед, смотри да смотри... Наше дело обретает первостепенность. Хоть чем-то поддержать жизнь несчастных на приисках и шахтах. Когда вам снова на завод?

— Я сказал, что подъеду с трактором на пятый день. За первой бороной. Просили овощей. Надо как-то найти возможность.

— Вообще-то все это через Кораблина. Вряд ли он разрешит. Но мы придумаем.

— Был разговор и об ученых для исследования целины. Обещали дать лагерю команду.

— А я Александра Алексеевича сегодня в лагерь послал, пороется в картотеке. Сейчас он придет и скажет.

...Топограф был уже дома, лежал, полузакрыв глаза.

— Удалось? — спросил Сергей.

— Можно сказать — да. Трех серьезных ученых отыскал.

— А статьи у них? Первое, что спросят, прежде чем выпустить без конвоя.

— Плохие статьи. А так... Один у Гедройца учился, доктор наук. Другой лично знал Сумгина, автора учебника по мерзлотоведению. Активированные, работали на прииске «Большевик». Заронил в их душу надежду. В лагере теснотища, за три дня привезли почти сотню активированных, прииски не хотят держать их, спихивают. И этап женщин из Магадана, это члены семей «врагов народа». Интеллигентные люди. Но в теплицы их не пустят, я уже не один такой этап видел. Только в поле. Или на лесоповал.

— Поживем — увидим, — загадочно ответил Морозов. Он уже разогрел обед и ужин. Сели вдвоем и быстро очистили посуду. — Так какие там статьи у наших ученых?

Орочко заглянул в записную книжку:

— Владимир Леглер, мерзлотовед, работал в Мурманске, срок десять лет, КРД. Затем Николай Сидоренко из Почвенного института, у него — увы! — пятнадцать лет, тоже КРД. И Альфред Кийк, эстонец, почвовед из Тартусского университета, десять лет по трем пунктам статьи 58. Все имеют опыт работы на северных почвах, все с радостью готовы...

Капитан Сапатов, которому назвали отобранных ученых, ничего против не имел, пока не узнал, за что сидят. И взъярился:

— Не пойдет! С такими статьями и сроками... Вы что, подвести меня собрались? И разговаривать не хочу! Ищите других.

— А если я попробую через Кораблина? — Сергей сказал это неуверенно, сам сомневаясь в успехе.

— Иди! Иди, если такой храбрый! — Сапатов и рассердился, и, кажется, обрадовался: с него эта миссия снимается.

— Лагерный режим не должен мешать делу, — Морозов сказал это резко и настырно. — Мы не Ваньку валяем, а дело затеяли.

— Вот ты и хлопочи. — Сапатов как-то странно поглядел на агронома. И повторил: — Топай к Нагорнову, топай.

Замыкая колонну с общим конвоем, на агробазу утром притащились и три специалиста, отобранные топографом. Были они, что называется, на последней черте: одетые в рванье, худющие, с серыми отечными лицами, с тем мутным, мало что выражающим взглядом, который свидетельствует об утерянном интересе к жизни.

На агробазе колонну принял бригадир, трех последних конвоир усадил на лавочку возле конторки, отступил в сторону и, зажав винтовку между колен, принялся вертеть козью ножку. На подошедших Орочко и Морозова он только глянул. Затянувшись, спросил:

— Этих молодчиков — для вас, что ли?

— Мы потолкуем с ними, — сказал Морозов.

— Валяйте при мне. — Конвоир был вроде бы вальяжным мужиком, а может быть, просто равнодушным.

Сергей рассказал ученым, какая перед совхозом задача, расспросил, знакомы ли они с северными почвами, знают ли повадки вечной мерзлоты и растений на них. И пока он говорил, лица заключенных приметно менялись, исчезал испуг, появлялось то ли изумление, то ли радость, блеснуло что-то светлое, скорее всего, надежда. Понимали, что судьба их может измениться. Эта мысль радовала, она оттесняла пассивность и безразличие к жизни. Им предлагали дело — полезное, знакомое и доброе дело, не с кайлом в руках, а прерванное дело всей долагерной жизни. Эстонец как-то по-ребячески быстро и мелко закивал головой, вдруг снял шапку, как перед алтарем. Прерывисто вздохнув, произнес с акцентом:

— Этим мы занимались всю жизнь, гражданин начальник. Не политикой, не добычей золота, а землей, которая может кормить людей.

И двое других закивали, с надеждой смотрели на молодого человека, вдруг приоткрывшего для них путь к знакомой и близкой работе.

Подошел полевой бригадир, потом Хорошев, разговор продолжался еще минут двадцать, наконец, Хорошев обратился к конвоиру и парниководу:

— Отведите их на грядки, пусть пока пропальывают редиску: хоть узнают вкус овощей.

Конвоир закинул винтовку за спину, пошел следом. Ученые шли гораздо уверенней: к цели...

— Александр Федорович, к телефону вас! — крикнула из

конторки учетчица.

— Начинается, — сказал главный агроном, беря трубку. — Да, это я. Здравствуйте, капитан. Привели и тех трех. Был разговор. Но они очень слабые и пожилые люди. Они, конечно, согласились. Первое время, пока не добьемся разрешения, будут ходить с конвоем. Именно ходить. Поля большие, надо размечать места для шурфов, делать промеры. И следом потащится конвоир. Чушь какая-то. Да, Морозов повторил, что сам пойдет в управление. Или вы?.. Ладно, пусть сделает попытку. Согласитесь, это же чистейший вздор охранять едва передвигающихся, доведенных до могилы стариков! Мы торопимся, через несколько дней привезут первую рельсовую борону. А где начинать? Новый этап? Сто человек? А куда я их пристрою? Это же активированные, разве они справятся с корчевкой? Придется рыть канавы, тяжелые работы. В общем, так. Лагерь их довел до ручки, пусть лагерь хотя бы на ограниченный срок предоставит этапу отдых, да подкормит, чтобы не падали на пути в совхоз. Прикажете начальнику лагеря. Я отказываюсь брать, решительно заявляю. На прополке у нас три бригады женщин, они, по крайней мере, не съедят молодую морковку и свеклу, не оборвут листья у капусты. Уже было, было, вы должны помнить.

Видимо, взбешенный Салатов орал в телефон, из открытой двери конторки слышался его хриповатый голос с надрывом, Хорошев слушал, слегка отведя трубку от уха. Лицо главного было твердым. Снова сказал:

— Нет, не приму. В конце концов, вы же спросите с меня за урожай. И с вас тоже спросят. Чем оправдаемся? Начальник лагеря подчинен вам. Вот вы и дайте ему команду: этапники должны восстановить силу.

Сергей стоял и кусал губы. Только Кораблин! Как убедить его вмешаться, как освободить ученых от конвоя, чтобы они работали по-настоящему, а не под винтовкой? В мечтах он уже видел палатку на склоне сопки, скважины — трубы с термометрами, ряды мелких шурфов. И Орочко с теодолитом и мерной лентой, свежие монолиты земли, образцы которой он повезет на Колымскую опытную станцию, чтобы судить о степени пригодности для пашни. Площадь большая, вслепую проводить освоение нельзя, да и просто рискованно для агрономов. Чуть что — и вредительство, ведь даже малая ошибка здесь сойдет за умысел... Под наносами в долине могут быть ледяные линзы, случаются и замороженные озера. Распаши такое место — и провал, озеро. Чем оправдаешься?

Во второй половине дня небо затянуло тучами, прогромыхал

несильный, вполголоса, северный гром, и начался мелкий и совсем теплый дождь. Отличная погода для урожая! Поля враз посвежели, зелень обрела особенную яркость, капуста разлопушилась, нежилась под дождем. И голоса женщин на агробазе зазвучали мелодичней, посемейному добрей. Совсем мирный сельский пейзаж, слово «Колыма» как-то не подходило к этим светло-зеленым огородам и теплицам с открытыми фрамугами.

Со склада привезли брезентовую палатку на четверых, круглую печурку с трубами. Приготовили топчаны, инструмент для изыскателей. А сама проблема исследований все еще висела в воздухе.

Морозов и Хорошев нервничали, опять был разговор, но Сапатов категорически отказался идти в управление. Просто боялся. Агрономы хотели обойтись без ошибок, но на пути продолжал стоять какой-то параграф законов Севвостлагеря, и обойти его никто не решался.

После ужина Морозов сказал:

— Пойду к Кораблину. Без его подмоги трудно начинать. Нас же могут обвинить.

Хорошев промолчал. Орочко произнес традиционное «ни пуха ни пера». И Морозов пошел.

Долгие летние сумерки с моросящим дождем висели над долиной Берелеха, в поселке горели фонари. Пора бы спать, а тут... Морозов уже убедился, что Дальстрой со своими сотнями тысяч заключенных и десятками тысяч охраны, вольнонаемными спецами и многоликим начальством так запутан и повязан приказами и инструкциями, что ни один человек не возьмет на себя риск действовать по уму и здравому смыслу, такое поведение непременно наткнется на препятствие и принесет беду инициативному субъекту — даже если жизнь докажет, что он сто раз прав! Незримые кандалы повязали всех — и заключенных, и вольных, и самих чекистов в погонах. Может быть, потому так тяжело и со скрипом вращалось трудовое колесо в любом хозяйстве, так инертны и безынициативны были и подневольные, и командующие. Только приказ свыше делал их более подвижными — пока поперек не становился новый приказ.

Кораблин? Тоже живет и работает по приказу, думал Морозов, тогда как ноги несли его к двухэтажному дому.

Кораблин был у себя в кабинете, поскольку напротив все еще сидел Нагорнов, его голос слышался в приемной.

Лейтенант за столом приемной удивленно и подозрительно осмотрел Морозова.

— В чем дело? Документ?

Сергей протянул паспорт. Конечно, лейтенант заглянул и на страничку с черным штампом. Задумался, слушая рассказ о неотложном деле. Нехотя сказал:

— Доложу. Подожди.

И не пригласил сесть.

Вдруг вышел Кораблин, уже в плаще, видимо, собрался домой. Глянул на Морозова и поднял брови.

— Ко мне? Неужели так срочно? Ну, заходите.

Стараясь говорить спокойно, Морозов доложил, что они успели сделать и какая вдруг получилась заминка. Почвоведы нашлись, а вот статьи у них...

Кораблин записал фамилии, статьи, сказал: «посидите» и вышел, оставив дверь открытой. Сюда тотчас вошел лейтенант, принялся лениво перебирать бумаги на столе. С той стороны приемной из-за неплотно закрытой двери вдруг донесся раздраженный крик заикающегося подполковника:

— Ты мне брось привычку тыкать под нос свои приказы! Севвостлаг — слуга Дальстроя, а не его руководитель! Я требую дать указание, слышишь! И если завтра эти зеки не явятся в полевую партию, поставлю вопрос о твоём несоответствии. Понял, майор? Бумажкой от твоего начальника — как его там? — Вишневецкого что ли? — не закроешься. В Западном управлении пока хозяином подполковник Нагорнов, заруби себе на носу! Завтра в восемь ноль-ноль доложишь.

Слышно было хорошо, лейтенант понял это с опозданием, но дверь все-таки закрыл. И, сдвинув брови, глянул на Сергея: не смеется ли? Нет, стоит и безучастно рассматривает ковер под ногами.

Кораблин вошел в свой кабинет, молча сел, дождался, когда лейтенант выйдет и сказал:

— С подобными вопросами должен являться Сапатов, а не агроном-полевод. Почему вы облегчаете ему обязанности? Можете идти. Ваши ученые придут завтра без конвоя.

Сергей не шел обратно, а бежал. Такая победа! И так легко досталась. Понятно, припекло с продуктами на приисках, впереди замаячила хоть какая-то возможность получить из своего совхоза больше овощей, а тут инструкции и приказы по режиму. Для Нагорнова — некая ущемленность его прав, вот и рубанул с ходу...

Ночь. Тихая и не очень темная. Ни души в поселке, только фонари все еще горят — тоже по инструкции. А на мостике через протоку, что недалеко от столовой, облокотясь на перила, стоят Хорошев и Орочко и молча смотрят на вздувшуюся воду, безмолвно убегающую под мостик. Ждут его. Конечно, боялись за

Сергея, встречали.

— Все самым лучшим образом! — он даже руки поднял. — Разрешение на высоком уровне. Нагорнов вмешался. Слышал своими ушами, как он выдавал майору, который лагерями здесь командует. Завтра утром наши ученые придут без конвоя.

Вздых облегчения, и все трое скорым шагом пошли на агробазу.

Над тепличными блоками висело световое пятно. Моросил редкий незлобивый дождь.

Морозов огляделся и тихо сказал:

— Еще одна новость. Из разговора двух начальников я понял, что в Севвостлагере уже нет полковника Гаранина. Какой-то Вишневецкий. К лучшему или к худшему?

— Слух о судьбе Гаранина прошел еще зимой, — так же тихо ответил Хорошев. — Вроде бы разжаловали и сняли. Похоже, что он переусердствовал, много народу отправил на тот свет. И на него свалили ответственность за невыполненный план по золоту. Ну, а расправа здесь короткая. Ежова когда отстранили? Ну, а Берия, на первых порах, конечно же, хотел показать свою демократичность или как там? Гаранин и оказался одним из тех, на кого можно сваливать общие грехи. Мавр сделал свое дело, мавр может удалиться... Но все это для нас, как говорится, сбоку. Куда важнее другое: Кораблин и Нагорнов поверили, что от совхоза можно получать больше продуктов, если дать совхозу больше прав и возможностей. Это и приятно, это и опасно, если мы не оправдаем их ожиданий.

— Как только вытащим первые образцы из шурфов, надо ехать на Опытную станцию и получить полный анализ почв, чтобы не промахнуться с нашей целиной. А завтра с утра — на завод. Вдруг расстараятся и выдадут наше орудие? Лишь бы ЧТЗ был на ходу.

— Механик уверяет, что исправен.

— Еще термометры! Александр Федорович, у вас на метеостанции есть знакомые, попросите штук пять на время. Скважины мы пробуриим быстро. Есть опыт. Два-три лома, кувалда. Нагревать в костре добела и забивать в мерзлоту. Обрезки труб всегда отыщем, вставим, пробки сверху — вот и данные о температуре почвы на разных глубинах. А позже можно и глубинные шурфы устроить.

Следующий день оказался насыщенным до предела хлопотами и работой. Раньше развода явились трое ученых. Лица их выражали растерянность. Первый раз за пять лет вышли из лагеря без конвоя. Сидели на корточках возле конторки, пока не пришел с поля Морозов. Он присел рядом с ними и стал расспрашивать мерзлотоведа Леглера о его трудах и работах.

— Вечная мерзлота? — переспросил ученый. — Мы с Михаилом Ивановичем Сумгиным проехали всю Сибирь, побывали в знаменитой Шергинской шахте под Якутском, ее глубина около ста метров. Вечная мерзлота, как потом выяснилось, уходит в толщу земли более чем на триста метров. Режим температуры в ней довольно устойчивый, минус шесть градусов и летом и зимой.

— А с поверхности?

— В естественных условиях оттаивает на тридцать-сорок сантиметров. Если нет дёрна на песке и гравии, то и на семьдесят-восемьдесят. А вот просадка после снятия растительного слоя непременно, сантиметров до тридцати, все зависит от грунта. На обширных площадках, скажем, при строительстве дорог или жилых кварталов возможно появление мелких озер в местах просадки. Есть в мерзлоте и крупные очаги чистого льда. Тогда бывают глубокие провалы.

— Мы собрались разделить целину под пашню. Вот на том южном склоне и в самой долине, где был лес. Как с вашей точки зрения?

— Идея вполне допустимая, — сказал Леглер и посмотрел на своих коллег. И Сидоренко, и Кийк согласно кивнули: допустимая. — Огороды нужны. В лагере повальная цинга, пеллагра — это уже неизлечимо. Овощи помогут людям по обе стороны колючей проволоки.

Подошел Хорошев и передал Сергею небольшой сверток.

— Осторожно, стекло.

Это были термометры. Пять стеклянных трубочек с серебристыми ртутными и голубыми спиртовыми столбиками.

— Их надо заленивить, — сказал Кийк. — Сделать футляры из дерева и уложить в них. Иначе при выемке температура быстро подымается летом или опустится зимой. Обманет.

— Вот вы для начала и займетесь этим делом, — подсказал Хорошев. — Подберите материал для футляров, ножи и пилки возьмите у столяра.

Вскоре ученые сидели на бревнах около столярки, пилили и

выстругивали футляры. И время от времени, по-лагерному оглядевшись, отрывали от толстого пучка вымытого редиса красные головки, беззубо жевали, шурясь от лечебной горечи. Зеленая промытая ботва тоже казалась им лакомством.

Сапатов расщедрился и выписал со склада для заводских исполнителей зеленый лук и огурцы. С таким пакетом Морозов и отправился на механический завод. Он не вернулся и к концу рабочего дня. Лишь в девятом часу на совхозном поле загремел всеми расхристанными суставами их старенький ЧТЗ. Шёл полевой дороге. На трассу его с подобным грузом не пустили. На прицепе за трактором косо лежала несуразная с виду зубчатая борона.

Утром вся инвалидная команда была направлена к тому месту, где тяжелое орудие уже ломало целину. Позади оставались груды развороченного дерна, кочек, пеньков с рукастыми корнями — клочковатый хаос, не сцепленный с землей. Команда неторопливо разбирала завалы, скатывали в кучи пеньки, корни, мохнатые кочки и поджигала их. Весь склон сопки окутался дымом. Тяжелый треугольник иной раз переворачивался. Тогда десятки людей разом протягивали веревки и ставили борону «на ноги». Как в Древнем Вавилоне...

К концу первого дня на месте желто-зеленого мелколесья, сочившегося водой, темнела оголенная земля, песок, полосы гравия. Пробивал себе дорогу невидимый доселе ручей, проворно строил новое русло.

У этого ручья и поставили палатку, печку в ней. Дров вокруг хоть отбавляй. Можно заняться шурфами.

Два агрегата за неделю успели разорвать, порезать часть склона и два возвышенных острова в долине реки. Кораблин, побывав в совхозе, остался доволен широким фронтом работ. Морозов и Орочко все дни проводили на целине. Сюда привезли тракторные диски, они разрезали сор и дерн, оставляя позади более или менее ровное поле. Сюда же сваливали конский навоз, редко, но поступавший из приисковых конюшен на машинах, идущих в поселок. Совхоз, не дожидаясь распоряжения от высокого начальства, привозил инвалидам редис и лук с зеленым пером. Это было самое щедрое дополнение к постылой баланде и жиденькой каше, составлявших рацион заключенных с первого дня ареста на месяцы и годы. Подобный «рацион» определялся специалистами в погонах и действовал на всей необъятной территории Главного управления лагерей НКВД — от Белого моря до Охотского, от Великого Ледовитого — до рудников в горах у иранской границы. Мизерная однообразная пища убивала людей быстрее и чаще, чем пуля лагерного охранника или палка

тюремного палача. Надо было видеть, с какой радостью, с загоревшимися глазами принимали заключенные уже забытые овощи из рук дающего, как быстро исчезали редис и лук в изголодавшихся ртах...

Все дни Морозов присматривался к лицам работавших. Он все еще надеялся отыскать своих знакомых по этапу, по лагерю, хотя и понимал, что за годы, прошедшие с тех пор, черты людей, конечно, изменились до неузнаваемости. Но чего на свете не бывает! Трудно, конечно, надеяться, что в этой сотне несчастных мог оказаться его знакомый по этапу. Но так хотелось, так велико было желание найти, поскольку он уже мог оказать какую-то помощь.

Теперь они с Хорошевым все больше времени проводили возле палатки ученых. Здесь возник огороженный проволокой «полигон», белели крынки асбестовых труб, врезанных в землю, стояли метеобудка и дождемер, словом, небольшая совхозная метеостанция, приборы которой лежали не только в решетчатой будке, фиксируя погоду, но и находились в деревянных футлярах на разной глубине. Уже бурили пятую скважину. Три временные скважины устроили через весь разделанный склон: хотели знать, нет ли погребенных ледяных линз.

Записи наблюдателей вызывали у агрономов большой интерес. Разделанная земля меняла свою стать. Всего через десять суток после распахки граница мерзлоты опустилась почти на полметра. А прогрев возрос на восемь градусов! И тут с верхней границы склона на новую пашню стала прибывать вода: сопка, пропитанная водой, спускала ее по талому слою почвы.

Леглер предложил:

— Надо устраивать нагорную канаву для перехвата воды. Иначе наша целина превратится в болото.

Все было ново, все наталкивало на неожиданные проблемы. Сама тема «земледелие у полюса холода», суждения Кийка, Сидоренко и Леглера были очень интересны. В разговоре ученых прорезалась раскованность, профессиональная уверенность, способность мыслить смело и логически. Жизнь в палатке казалась им раем по сравнению с бараком. Хотелось шире раскрыть свои возможности, помочь агрономам, вообще делать свое прерванное арестом дело.

Август стоял жаркий, к полудню температура подымалась к тридцати градусам. Неистововали комары. Была устойчивая тишь, свойственная антициклону. В долине, как в яме, накапливалась духота. Даже высокий Морджот стянул с себя снег, почернел. За долгие дни солнце высушило землю под овощными гребнями, река Берелех усохла, в ее протоках оголились обкатанные камни.

Прииски жаловались на нехватку воды для промывки золота. Кажется, именно в те дни на приисках вдруг увеличили рабочий день до шестнадцати часов. Немыслимая нагрузка! К концу дня заключенные просто падали. Многие уже не вставали. Чего не сделают гулаговцы для выполнения плана по золоту!

Из Нагаево пошли новые этапы. В партиях заключенных резко возросло количество людей из Прибалтийских государств, ставших республиками СССР; украинцев, разговаривающих на несколько непривычном языке. То были галичане из областей Западной Украины.

Почему они оказались вслед за поляками в лагерях, здесь никто не мог объяснить. В совхозе и в поселке давно не видели газет, в продаже их вообще не было, радио не полагалось, и тот мир, где назревала война, как-то отодвинулся от колымчан, особенно от заключенных.

В самом конце августа всю команду немного окрепших инвалидов из совхоза увезли. Удержать никого не удалось. У Севвостлага были свои законы. Что там совхоз!.. Как добрая память об умелых землеведах остались три участка новины — разделанной пашни. Эту землю, чтобы не пустовала, засеяли скороспелым редисом и кочанным салатом — в надежде, что успеют подрасти до морозов.

Из управления сельским хозяйством Дальстроя пришло письмо с просьбой послать агронома на Колымскую опытную станцию с материалами по освоению новых площадей. Сапатов побежал с письмом к Кораблину. Вернулся он скоро, вызвал Хорошева и показал резолюцию Кораблина: «Послать агронома Морозова».

— Не возражаю, — сказал Хорошев.

С огорчением осмотрев свои сильно разбитые ботинки, Сергей собрал бумаги с метеоданными, залез в свой неизносимый комбинезон, запасся командировкой и ранним утром вышел на трассу: голосовать.

Вскоре он уже сидел в кузове полуторки, где были попутчики. Но они ехали в Магадан, а на Опытную станцию дорога поворачивала от Дебинского моста. Там Морозов сошел, чтобы дожждаться машины.

На боковой дороге пришлось постоять долго, машины на Эльген шли редко, однако дождался и снова полез в кузов, где стояли, держась за кабину, двое попутчиков.

Трасса шла на подъем, сопки сдвигались все теснее, ложе Колымы сужалось, дорога виляла и подымалась выше. В кузове примолкли, ущелье не располагало к шуткам и разговорам. Наверх, на добрую сотню метров уходил потрескавшийся гранит с

редкими кустиками по щелям, а вниз, почти отвесно — обрыв, темнело у воды, несло мрачным холодом, словно и не было жаркого солнечного дня.

Машина шла тихо, на скрытых поворотах сигналила на случай встречи с другой машиной. Разъезды были далеко не везде.

Постепенно горы раздвигались, ущелье ширилось, а сопки мельчали. И Колыма разливалась, мельчала, она белела бурунчиками, радовалась простору. Открылся горизонт, заросшие сопки волнисто уходили на две стороны. И солнце светило, и на душе стало теплей.

Дорога сделала петлю и легонько пошла вниз. Неожиданно поперек дороги возник голый распадок. Левее трассы сумрачно смотрелся квадрат колючей проволоки. Лагерь был покинут, проволока порвана, каркасы палаток костистыми скелетами неприкаянно подымались среди густого фиолетового кипрея — травы забвения, поселяющегося на покинутых местах и лесных полянах.

— Что это? — Сергей перегнулся из кузова к открытому стеклу кабины.

— Прииск «Майорыч», — ответил водитель. — Изработался. В прошлом годе закрыли, а народ угнали в Северное управление. Кто жив остался.

Машина осторожно прошла по мостику через ручей. Возле него стояли столбы с жалкими остатками промывочного прибора — желоба. А дальше начинался новый извилистый подъем. Боковой ветер сбивал жару.

На очередном вираже с такой же волной воздуха, идущей от близко придвинувшейся сопки, вдруг потянуло тяжелым приторно-сладким духом — хоть нос зажимай. Неслыханная вонь усиливалась, выворачивала, дышать становилось трудно, подступала темнота. Шофер матюкнулся, переключил скорость. Машина дернулась, рывком ускорила ход и через три-четыре минуты вырвалась из зловонно-сумрачной зоны на свежий воздух. И тут же остановилась.

— Сколько раз проезжал здесь, — сказал шофер, вышедший из кабины, — а такого духа никогда не наносило. Вам из кузова, мужики, ничего не видать под сопкой или где там?

С той стороны, откуда только что несло тяжелым запахом, у самого подножья сопки темнела небольшая продолговатая низина. Она отличалась цветом — некое серо-пепельное пятно в окаёмке из мелких тонколистных кустиков ивняка или багульника.

— А-а, понятно, — протянул шофер, разглядев эту низину.

Лицо его сделалось хищно-любопытным. — Айда, посмотрим поближе, благо ветер в сторону относит.

Сергей и его спутники попрыгали из кузова. Шли по сухому шелестящему щебню с островками жесткой травы — щучки. Через сотню-другую метров на них снова нанесло тем же невообразимо тяжким духом, они разом отскочили в сторону и поднялись повыше. С этого места, среди бугристых холмов им открылось понижение, полное темно-пепельной массы. Разложившиеся трупы...

Никаких загадок. Могилицы-блатари из лагерной зоны бывшего прииска «Майорыч», как всегда, не слишком затрудняли себя тяжелой работой с захоронением. Они облюбовали эту низину и по мере надобности разгребали в ней снег, а на мерзлую землю сбрасывали полуголые трупы, надеясь, что метели заметут это место, где в тени сопки даже летом солнце не успеет растопить снега... Но нынешняя жара к августовскому концу все же успела раскрыть несчастных. Погребение оказалось на виду. Трупный запах при восточном ветре понесло через дорогу...

Озноб прошел по спине Морозова. Шофер не переставал длинно и смачно ругаться. Трое попутчиков подавленно молчали. Морозов вспоминал страницы романа о Батыевом нашествии на Русь, опричнину Ивана Грозного и палача Малюту Скуратова... Но те хоть как-то зарывали свои истерзанные жертвы, опасаясь если не людской молвы, то гнева Божьего. До какой же низшей черты бесчеловечности надо дойти, чтобы бросать трупы вот так, на открытом месте, не присыпав землей хоть для виду! Но он промолчал, сработала та самая лагерная осторожность, которая надолго засела в нем. Кто знает, что за попутчики рядом.

Всю дальнейшую дорогу до поселка Опытной станции ехали молча, подавленные зрелищем, непостижимым для цивилизованного двадцатого века. Если тут, почти у дороги, можно натолкнуться на такое надругательство, то сколько же безвестных лагерных трудяг рано или поздно может обнаружиться на всем огромном пространстве «золотой Колымы», где кости бесчисленных людей, в конце концов отмытые от тленного тела, так и останутся белеть в окружении жалкой северной растительности. И не будет на них ни памятного камня, ни — тем более — православного Креста...

Большая долина, обставленная по краям уже не голыми, а лесистыми сопками, открылась взору Сергея и его спутников через час езды от бывшего прииска «Майорыч». Это была долина речки Эльген, впадающей в Таскан — приток Колымы. Из рек и ручьев со всех склонов сюда скатывалась вода, леса хранили ее запасы все лето и только в затянувшееся ненастье потоки воды

могли заливать обширные низины. Один из географических центров золотой Колымы, этого высоко поднятого нагорья, в недрах которого, к несчастью уже двух поколений, переживших Великую революцию и великие напасти, вдруг были найдены золото, олово, свинец, платина и каменный уголь — множество надежно упрятанных кладов, до которых руки бессовестных людей долго не могли дотянуться. До самых страшных тридцатых годов, когда, словно поганки на безжизненных пеньках, пачками вырастали лагеря уничтожения, а возле них и вооруженная охрана, и помощники бандитов — блатари, та самая организация с названием «Севвостлаг» — старший из гулаговских «братьев» без роду-племени, для которых уничтожение людей такое же простое дело, как охота на непуганых куропаatok...

Лагерь-совхоз «Эльген» без преувеличения можно назвать маткой: тюрьмой и производством. Тут выделялся большой поселок с еще большим лагерем для заключенных женщин, десятки палаток, капитально утепленных досками и опилками, все необходимые службы и строжайшая охрана, без ведома которой ни одна женщина не могла выйти за пределы зоны или остаться на ночь вне зоны. На работу и с работы бригады ходили по счету, подолгу выстаивали на вахте, пока два охранника считали и пересчитывали «ряды».

На улицах поселка даже в середине дня было непривычно безлюдно. Редко пройдет по селу бесконвойная женщина, да и ее не раз, и не два остановят и посмотрят пропуск — куда ходила и зачем.

Вокруг центрального поселка-лагеря на расстоянии до двадцати километров были построены лагпункты меньшего размера, довольно точно копирующие центральный поселок. Не все они были на виду или рядом с шоссе. Часть поселков с зонами скрывались в лесах, которые постепенно вырубали. Лагеря-детки были, пожалуй, пострашней центрального. Тяжелейшая работа на лесоповале, на земляных работах по осушению земли для огородов была возложена на тех женщин, чьи «дела» имели трудно читаемый шифр «ЧСИР» или «КРТД». Возраст и состояние здоровья принимались в расчет лишь тогда, как «свалится». Тогда больница, какое-то лечение, мало эффективное для организма, утратившего способность защищать себя или воспринимать помощь.

При таком режиме «члены семей изменников родины» и «троц-кистки» чаще, чем другие заключенные уходили в мир иной, как и было запланировано на Лубянке.

К числу мини-лагерей на Эльгене относился и поселок-зона Колымской опытной станции. Этот поселок имел большие распаханые земли, часть их принадлежала опытной станции. Там научные сотрудники и их помощники — заключенные — проводили опыты на делянках, всю ту необходимую крестьянскую работу, без которой нельзя вырастить никакого продукта на земле.

История Колымской опытной станции, как она стала известна Морозову, не блистала особенными взлетами продуктивности и, тем более, открытиями в агрономии севера. Какая-то фатальная беда висела над этим опытным учреждением, единственным на огромном пространстве северо-востока страны.

Морозову рассказали, что место для строительства поселка, теплиц и полей с самого начала определяли не ученые, а сам хозяин Эльгена майор Калдымов, человек ЧК-НКВД, не имеющий понятия о таких материях, как земля, растение или наука, не говоря уж об экологии, селекции и тому подобных премудростях.

Майору понравилось зеленое местечко в пойме Колымы, и он настоял, чтобы эту долину превратили в пахотное поле. Возражения об опасности затопления при разливах реки он посчитал за «детские». И гордо повторял эту мысль в течение двух лет, когда река смиренно не доходила до полей при весенних и летних разливах.

На третий сезон летний разлив смёл все делянки и гряды, постройки и службы, оставив на этом месте только галечные отмели и бугры из отмытого песка.

Чтобы не привлекать к себе особенного внимания, майор отбыл в командировку, а вернувшись, с ходу накинулся на сотрудников опытной станции, обвинив их в неразумности действий и склонности к вредительству. Спорить с ним желания у работников науки не нашлось, майор еще поскандалил для виду, и дело было предано забвению. А коллективу станции пришлось после огорчительных вздохов и хитроумных сочинений на имя высокого начальства начинать все сначала.

Первый «выход в свет» — совещание агрономов из совхозов «Эльген», «Сеймчан», «Сусуман» и еще трех приморских совхозов — имело своей целью хоть как-то обозначить, обнародовать ход дела в растениеводстве Дальстроя по опыту не только станции, но и всех совхозов. Небольшие работы в Сусумане оказались фактором спасительным, дела эти хоть как-то ограждали молодую сельхознауку Колымы от унижения и разноса на высоком уровне в Магадане.

Представителями Главка на совещании были агрономы Андросов и Табышев, знакомые Морозову еще по совхозу «Дукча». Их ждали.

Сергея Ивановича поселили в новом доме — лаборатории по защите растений. В окно слева сюда косо бил по ночам свет от «юпитеров» на угловой вышке близкой лагерной зоны. Столы и шкафы в лаборатории хранили запах формалина, старой бумаги, высушенных растений и насекомых.

Обычно здесь работал энтомолог Савенков, пожилой, сильно близорукий мужчина, носивший очки с толстыми стеклами. А помогали ему три молодых женщины — лаборантки из числа заключенных.

С Савенковым Сергей познакомился вечером, когда его сотрудницы уже отбыли в лагерь.

— Вот тут и устраивайтесь. Диван и все такое... — Савенков обвел комнату рукой. — Утром подымайтесь пораньше, пока не пришли мои помощницы.

В шесть Морозов был на ногах. Лаборантки уже пришли, сидели на крыльце, тихонько разговаривали. Сергей услышал их, распахнул дверь.

Неловкость, возникшая при первом знакомстве, прошла, они поговорили о погоде, Сергей немного рассказал о себе — кто, откуда, за что и когда.

— Так вы тоже? — спросила чернобровая девушка, с толстой косой. — Мы думали, что вы по договору.

— Договор, приговор, все перемежалось. Все мы просто колымчане. И, наверное, надолго.

— Вот именно, — подтвердила она. — На полный срок.

— У вас много?

— Пять. Три с половиной уже там... — и махнула рукой за плечо. — А у вас? Сколько было? Три?! Это редкость. Или вам Господь помог. Чего не уезжаете на материк?

— Не отпускают нашего брата. Да и штамп в паспорте. Всюду будешь, как белая ворона. Уж лучше здесь, где таких много.

— Я не осталась бы и на три дня! — Она потрянула головой, и коса послушно легла за спину. — Где угодно, лишь бы не видеть эту проволоку!

— Она сейчас, похоже, по всей стране. Нагляделся, когда везли сюда.

Разговор вдруг оборвался. Лаборантки переглянулись, вспомнили о работе. Уселись за столы, достали бумаги, заговорили между собой о деле. Сергей потоптался и вышел.

Дверь в директорском доме была открыта. Руководитель опытной станции кандидат сельхознаук Ларин находился в своем кабинете, пошел навстречу первому гостю.

— Здравствуйте, здравствуйте, товарищ Морозов! Рад вас видеть, — и протянул руку. — Как вам спалось? Давайте почаяевичаем. Ведь вы еще не завтракали? Ну, вот. Я вчера прочитал вашу записку, мне ее передали. Хорошее начало. Мы оказались менее решительными. Опытная станция только-только начала работу. Ни одной проблемы не решено. Ни одной рекомендации не дали. А в Сусумане, как я понял из вашей записки, уже есть кое-что интересное. Я имею в виду исследование почв и способы освоения. Окончательная оценка опытов с землей, конечно, дается по урожаю. Мы только раз, один раз, собрали капусту и все другое, а потом этот паводок. Вынуждены начинать сначала. Честно скажу, руки не поднимаются. Да вы уже знаете, наверное. Ну, а что с урожаями в

вашем совхозе? Где он находится?..

И потянулся за картой.

Карта оказалась мелкомасштабная, на ней были и Хабаровск, и Якутск, и Магадан. Сергей не сразу отыскал свой Сусуман, он не был обозначен, как, впрочем, и Эльген тоже. Наконец, разобрался, нашел реку Колыму, потом Берелех и показал, где его совхоз.

— В долине построили?

— Нет. На второй террасе. Большая вода нас не достает.

— Это важно. Основа для спокойной работы. Как вы управляетесь? Не мешают?

— Знаете, помогают! Все-таки дополнительные продукты. Дополнительное золото...

Ларин слушал, кивал, его внимательные глаза свидетельствовали о живом уме и деловом характере. Он не перебивал, только спрашивал. А когда Морозов рассказал о рельсовой бороне, удивился:

— А почему не плуг?

— Потому что нам не надо переворачивать тонкий гумусовый слой, зарывать его. И потом любой, самый крепкий плуг при работе на таёжной целине быстро выходит из строя.

— Да-да. Вечная мерзлота. Мы это поняли.

Вошел агроном Аронов, второй кандидат наук на станции, пожал руку, сел послушать разговор. Несколько раз он и Ларин переглядывались, а когда услышали, что в Сусумане действует площадка с глубинными термометрами для изучения мерзлоты и ее влияния на пахотный слой, Ларин поднялся, прошелся и, остановившись перед Морозовым, сказал:

— Сергей Иванович, послушайте: не вы должны ездить к нам в Эльген за опытом, а нам надо побывать в Сусумане! Кто руководит делами в совхозе?

— Главный агроном Хорошев. Опытный специалист. Открытый грунт — за мной. Удалось освоить почти сорок гектаров.

— А мы с великим трудом — всего три гектара. Калдымов не очень-то помогает нам. Для него станция, опыты, агрономы — лишние хлопоты. Морозов, главный агроном, сам расскажет вам... Он сегодня будет здесь. Ждем приглашенных из других совхозов. Ну, что же вы так вяло чаевничаете? Виктор Львович, угощайте коллегу, вот печенье...

Подъехал агроном из Сеймчана, подошел Морозов, потом Андросов из Управления сельским хозяйством. Все перешли в зальчик станции, заговорили о расширении пашни на Колыме. И не только в совхозах, но и на каждом прииске. Короткое, но жаркое континентальное лето позволяет выращивать достаточно

приличные урожаи многих культур. Общая помеха — это недостаточно освоенная технология и косность дальстроевских начальников.

Свободного времени у Морозова не оставалось. А ему такое время потребовалось. С лаборанткой Олей они виделись только по утрам, когда она с подругами приходила в лабораторию. Разговоры у них были тихие, не для посторонних ушей. Как-то так получилось... И, похоже, с первого утреннего знакомства они меньше всего касались совхозных проблем. Для обоих куда ближе оказалась их личная жизнь в обозримом будущем. Они понимали друг друга с полуслова, взгляда, намека. Вот так бывает: встретились, познакомились и тотчас же возникла и уже не исчезала мысль — зачем им разлучаться, хотя судьбы у обоих необычные?..

Однажды утром их, как говорится, «застукал» седоволосый агроном Андросов, с пониманием улыбнулся, сказал, посмотрев на покрасневшие лица:

— Вы, милые друзья, чем-то очень походите друг на друга. Это приятно. Так, насколько я знаю, бывает, когда возникает полное согласие, совпадение взглядов и, наверное, чувств тоже. Пожелаю вам счастья...

Агрономы собирались для разговоров и споров с утра, сидели до вечера, потом бывали встречи и за рюмкой спирта, но тут Морозова не всегда видели, ускользал и возвращался какой-то взволнованный, смущенный и не сразу входил в обсуждение профессиональных проблем.

Выяснилось, почему в Дальстрое забеспокоились о совхозах, которых вообще не замечали. Причина тому была серьезная: близкая и, кажется, неизбежная война с Германией. В прочность «вечной дружбы» с ней никто не верил. А если война, то обострятся отношения с Японией и морская дорога в Нагаево станет опасной, ее могут перерезать. Тогда проблема снабжения продовольствием повиснет в воздухе. Никто, конечно, не считал, что совхозы — числом шесть — способны принять на себя все снабжение приисков и лагерей. Но хотя бы овощной стол поддержать — для этого тоже требуется и мастерство, и новые земли, и новые идеи. Смотреть на совхозы, как на мизерный придаток золотой промышленности, уже нельзя. Отсюда — и новый взгляд, и желание узнать истинные возможности.

Агроном Табышев, под рукой у которого находились три совхоза в приморской части, снова и снова повторял Сергею свое предложение — перейти в крупнейший Тауйский совхоз, где никак не ладилось с агрономической службой.

— Согласен переехать, — отвечал Сергей Иванович. Но при

этом он ощущал какую-то неловкость: как оставить все начатое в Сусумане, где создан задел на будущее?..

Дни на опытной станции не прошли даром. Совещание обсудило меры освоения почв, сорта растений, меры борьбы с вредителями и болезнями. Само знакомство друг с другом делало агрономов друзьями. Но пришел день, когда они попрощались и разъехались. И только Морозов нашел причину для лишнего дня, еще и еще раз встретился с Олей; ее начальник Савенков понимал и щадил чувства агронома и своей лаборантки, хотя и делал вид, что ничего не замечает. Подруги Оли уединялись в соседней комнате и вели там свои разговоры.

Оставаясь вдвоем с Морозовым, Оля очень боялась вохровцев, вообще стеснялась всех и вся, вспыхивала и тогда особенно часто тербила свою беззащитную косу, перекинутую через плечо.

Кажется, самой судьбе было угодно, чтобы они встретились.

Правда, встреча эта была слишком короткая, чтобы решить их будущее. Но все-таки значительная для судьбы обоих.

Вот и день разлуки, дальше нельзя... Сергей появился в лаборатории к концу работы, когда лаборанткам нужно было уходить в лагерь. Олины подруги уже стояли на дороге, не решаясь уйти без нее. Она сидела на крылечке, нервничала, сердилась. Неужели он не понимает?..

Он шел быстро, иногда вприбежку: задержался у директора. Оля сделала шаг-другой навстречу, смотрела безмолвно, лицо ее было полно ожидания.

— Хоть увидела перед отъездом... Еще минута-другая и я бы ушла, подруги ждут. Теперь на вахте начнутся расспросы, угрозы и все такое. Утром я уже не увижу тебя?

— В гараже мне сказали: быть к пяти часам. Попутная машина до Ягодного.

— Значит, я не зря ждала. Попрощаемся?

— Нет, Оля, прощаться не будем. До свидания. Так точней. При первой возможности я приеду. Или ты сама приедешь. Буду писать на Савенкова, мы договорились, — голос Сергея срывался. — А сейчас скажу тебе самое главное: не забуду! Я дождусь тебя, твоей свободы дождусь. Дай обещание и ты. Нам просто нельзя друг без друга.

— Я буду ждать. Обещаю. Мне очень грустно... Глаза ее были полны слез.

— Можно тебя поцеловать?

— Что ты! — Она боязливо оглядывалась по сторонам, но придвинулась поближе к нему и ответила на поцелуй.

И сразу же оглянулась. Вдруг кто увидел? Кажется, никто. А лицо уже горело, покраснелось. Все это так необычайно, так

скоро...

— Обещаешь? — Сергей уже забыл, что она дала такое обещание.

— Да, да, до свидания! Я побегу, Сережа, дольше нельзя, никак...

И не приходило в голову, что все их испуги, предосторожности несуразны, противоестественны. Страхиться возникшей любви? Почему?!

Сергей вернулся в лабораторию, постоял у окна, поглядывая в ту сторону, куда ушла Оля, удивляясь, радуясь и боясь за нее. События последних дней, такие непредсказуемые, определяли будущее.

Он постелил на голом диване свою куртку, снял и сложил на манер подушки комбинезон, хотел лечь, как вдруг вошел Савенков. И Сергей замер в ожидании.

— Не удивляйтесь, Сергей Иванович, — несколько смущенно начал разговор энтомолог. — Я специально хотел вас застать одного. Я более или менее догадываюсь о том, как складываются ваши отношения с моей сотрудницей. Так вот, она славная девушка. Но у нее впереди еще много месяцев лагеря, а таким молодым, как вы или она, ждать подолгу не всегда удастся. Вы понимаете меня? Осмелюсь высказаться в том духе, что поберегу ее от всяких там... Но и вас прошу сохранить — как бы это лучше сказать? — привязанность, что ли? Если это серьезно.

И посмотрел на Сергея через толстые стекла очков с каким-то отцовским, добрым ожиданием. Сергей смутился, никак не мог найти слов, просто сказал:

— Я благодарю вас... Спасибо. Большое спасибо, мы действительно... Правда, нам очень сложно думать о будущем, которого не знаешь... Но такое чувство, что мы близкие.

— Я вам верю. Я только потому и пришел, чтобы услышать от вас. Достаточно нам трагедий. За ее судьбу какая-то ответственность и на мне.

Он снял очки, близоруко огляделся, прошелся по комнате туда-сюда и вдруг светло улыбнулся.

— Бог даст. Бог даст. Как это говорят: веруй, надейся и жди... Вы здесь всем понравились. Этот энтузиазм... После лагеря люди почти всегда пришиблены, по себе знаю. А вы словно бы и не прошли всей этой страсти. Характер?

— Мой отец эстонец, а мать рязанка. Может, эстонский характер?

— Вполне возможно. Держите марку и дальше. Твердость убеждений нам очень нужна. Как и творческий дух. Только он спасает от скольжения вниз — от человека к рабу. Мы все

проходим этот нелегкий экзамен — возвращение к человеку разумному, хомо сапиенс, так, кажется? Или хомо фабер, я что-то спутал. Вы утром уезжаете? В пять? Ну, тогда я вам пожелаю счастливой дороги. Вашу руку!

И ушел, осторожно прикрыв за собой дверь.

Сергей улегся на жестком диване, забросил руки под голову. И улыбался. Без этого последнего разговора романтическая история казалась бы повисшей в воздухе. Савенков поступил действительно как отец. Вот снова появился на его пути славный человек, которых, наверное, так немного среди горестных реальностей Колымы, среди зла и позора. Везет ему, что ли?..

Он не проспал. За окном просматривалось серое утро, морось; сквозь нее — унылые, как на похоронах, редкие удары рельсы в лагере, там подъем. Да, скоро шесть. Морозов влез в свои одежды и бегом побежал к гаражу.

Машина уже была выведена, мотор прогревался. Шофер сидел в кабине. Рядом с ним восседал какой-то вохровский начальник.

— Ну, что? Поехали? — спросил шофер и включил скорость.

И снова трасса, мимо покинутого прииска «Майорыч» с его неприкаянным кладбищем, а дальше некрутой подъем на прижим, где дорога узко высечена в крутобокой горе; слева каменный отвес, в туманной глубине катятся воды холодной и страшной Колымы, река причудливо изгибается, обтекая горные выступы и, полная мрачных тайн, уходит к далекому отсюда Ледовитому океану.

Эти видения смутно проносились в голове Сергея. А думал он о другом...

За прижимом то и дело визжали тормоза, машина осторожно спускалась в просторную долину Дебина, затем повернула вправо, оставила позади знакомые казарму и поселок Дебин, лагерь и реку за ним. И, прибавив скорость, покатила на север, домой.

Домой? Это слово вызвало у Морозова печальную улыбку.

Облачность редела, вскоре показалось солнце. Трасса уже пылила, где-то впереди был поселок Ягодный.

Сергей задремал. А когда мимо с грохотом прошли встречные грузовики, он открыл глаза, поднялся, встал за кабиной и увидел черные силуэты тополей — жителей долин.

За двумя плешивыми сопками в сторону от трассы уходила малоприметная дорога. Не она ли ведет на «Серпантин», самую страшную из тюрем Колымы, в которую с приисков свозили — а, может, и сегодня свозят? — обреченных на смерть. Спросить бы шофера, эти ребята все знают. Но как спросишь, если сбоку сидит охранник?..

Вот и Ягодный. Здесь Морозову нужно искать другую попутную машину. Вынужденная остановка.

ПЕРЕД ВОЙНОЙ

В центре Ягодного Сергей постучал по кабине, машина остановилась, он спрыгнул, поблагодарил шофера и шагнул на пешеходную дорожку.

Печать новостройки ощущалась во всем облике Ягодного. Его возраст едва ли перевалил за пять-шесть лет. В этот тихий и теплый день одноэтажные дома плотной рубки, в три и шесть окон, желтыми своими стенами и белыми крышами гляделись на фоне темной зелени очень уютно, даже красиво. Кое-где за двором и штакетником просматривались маленькие огороды, поблескивали стекла самодельных тепличек и парников. Прорисовывались и параллельные улицы, и разномастные цепочки домишек справа и слева от центральной улицы.

Конечно, не всех колымчан держали в лагерях до смерти, бытовиков и кое-кого по пятьдесят восьмой освобождали, когда кончался срок, а при Берзине даже за хорошую работу день засчитывался за два. Так на Колыме постепенно зародилась и оформилась категория советских граждан второго, пожалуй, даже третьего сорта. Вторыми тогда считались несудимые по какой-то причине горожане-работяги и крестьянская колхозная масса без паспортов.

Понятно, что бывшие заключенные не всегда торопились уехать на «материк». Они не искушали судьбу и оставались на месте. Мастерили себе жилье на окраинах поселков. В дело шли брошенные или краденные доски, старый брезент, ржавые листы железа, ломти дерна с ближнего болота. Устраивали крошечные оконца из стеклянных кусков, навешивали дверь, обитую брезентом или мешковиной, и учились жить «на воле», подрабатывая, кто чем может, только не в осточертевшем забое.

Ягодный был центром Северного горнопромышленного управления. В две стороны от него в те годы работали прииски «Ат-Урях», им. Горького, «Хатыннах», им. Водопьянова, «Бурхала», «Штурмовой» с сетью отдельных лагерей и забоев, большая часть из которых шахтного типа. Деревянное двухэтажное здание в центре поселка занимало Управление, оно стояло чуть в стороне от шумной колымской трассы. По ней ежедневно проходили сотни автомашин.

Морозов устал от тряски в кузове, ему хотелось лечь, «покемарить» хоть час-другой. Он огляделся, увидел маленький истоптанный сквер, эстраду, выкрашенную в грязно-коричневый цвет, ряды скамеек перед сценой и жалкие остатки кустов по сторонам.

Минут пять он сидел, оглядывался, зевнул раз-другой и не удержался, положил сверток под голову, ладонь под ухо, колени к животу — классическая поза умудренного невзгодами странника — и уснул.

Менее чем через час его сон был прерван грубым окриком:

— Встать!

Сергей мгновенно сел, еще не понимая, где он и что случилось.

— Руки на колени! — послышалась команда.

Перед ним стояли два охранника, а командовал третий с лычками сержанта на погонах. Широкое скуластое лицо выдавало в нем калмыка или киргиза.

— Кто такой? — кобура на поясе сержанта была отстегнута.

— Проезжий, — хрипло ответил Сергей. — В Сусуман еду.

— Документы! — и протянул лапу.

Сергей полез в карман. Как он ненавидел сейчас этого человека! Должно быть, его чувство отразилось и на лице, было замечено во взгляде; калмык вдруг сделал шаг назад, а ладонь его легла на кобуру.

Командировочное удостоверение старший патруля разглядывал минуты три, его узкие глазки недоверчиво сверкали. Потребовал паспорт. И тоже читал, перелистывал медленно и не без подозрительности.

— Что делаешь в Ягодном?

— Жду попутную машину.

— Она к скамейке подъедет?

— Устал от дороги, уснул. Сейчас пойду на трассу.

Бдительный наряд мог бы и уходить, но черный штамп в паспорте все-таки насторожил сержанта.

— За что сидел? — спросил он.

— За пьянку, — все более сердясь, брякнул Морозов. — Алкоголик я. Когда выпью, не помню, что делаю.

И сержант успокоился, подобрел. Он протянул паспорт. С такими бродягами все просто. А вот с врагами народа, даже если у них паспорт... Скажи Сергей правду, его непременно отвели бы в райотдел НКВД, там очень просто мог отсидеть в камере, до выяснения личности, и день, и неделю. И никто не понес бы наказания «за бдительность».

Наряд ушел, Сергей опять лег, потянулся, но сна уже не было, досада, даже злость владели им. Вот такая жизнь «на крючке».

В шоферской столовой пришлось показывать командировку, после чего ему дали обед. А вскоре он уже сидел в кузове грузовика на тяжелых мешках с крупой. По сторонам мелькали серые и голые сопки, уныло смотрелись в долинах перемытые

бугры пустой породы, лес показывался только в узких распадах. В этом каторжном краю было грустно и просторно.

Впереди замаячила одинокая остроголовая гора; сквозь версты проглянул знакомый Морджот.

На каком-то крохотном поселке дорожников пассажир из кабины вышел, Сергей перебрался на его место. Молодой шофер прежде всего узнал, кто он и откуда. И проявил повышенный интерес. Агроном?.. Первый раз везет агронома. Вдруг придется побывать в его совхозе, где огурцы-помидоры. С некоторой неловкостью сказал мечтательно:

— Слышь, а я уже начисто забыл, какой у огурцов запах. Четвертый год здесь, почти два провел за проволокой, столько же — за баранкой. И все на крупе и всухомятку.

— Куда теперь едешь? — спросил Сергей.

— Далеко. На Аркагалу. Не бывал в тех краях? Шахты угольные и еще какие-то. Одним словом — каторга.

— Лагеря?

— Каторга, — повторил он. — Настоящая. Для тех, кому был дан расстрел, а его заменили пятнадцатью, а то и двадцатью годами. И в шахту. Наручники, цепочка — и к тачке. Хватай-катай-вози. Смена кончается, их по собачьему проходу из проволоки — прямо в барак, на ноги кляц-кляц — железки, лезь на нары. Телогрейки черные, на спине и шапке — белый туз, ну, как в старых картинках про декабристов. Чтобы целиться верней, если оступился и не туда пошел. Сам видел, когда дрова к ним в зону привозил для начальства. Во местечко!

— Не верится, — подавленно сказал Сергей. — Чтобы в двадцатом веке, да еще у нас... Ну, ладно, насильники, убийцы там. А эти кто такие?

— Которые на товарища Сталина покушались. Шпионы которые. Ну, вредители тоже. Грамотные. Только грамота им ни к чему, так я понимаю. Живыми оттуда не выходят. Ногами вперед — и в яму.

— А кто же уголек добудет, когда всех ногами вперед?

— Других привезут. Карусель, будь здоров!

Минут пять ехали молча. Сергей глубоко вздохнул, отогнал страшное видение. Сказал: — Ну, брат...

— Ты вот что. Никому про это самое... Иначе нас обоих, понял?

— Не беспокойся.

Опять помолчали. Шофер прокашлялся и вспомнил об огурцах.

— Если заеду, угостишь?

— Спросишь агронома. — И назвал себя. — Угощу.

— Я не так, не задарма, — поспешил сказать шофер. — Я за деньги. Почему они за кило?

— Не продаются. А угостить — угощу. Вспомнишь и запах, и вкус. Сам-то из каких краев?

— Клепиковский я. Есть такой городок близко от реки Оки. В лесах-болотах. Не слышал?

— Бывать не бывал, а знаю. Я ведь тоже рязанский. Из Скопина.

— Ну, земля! — шофер и ладони от баранки оторвал. — Непременно заеду! Потолкуем про родные края. Вот куда нас турнули. На край света.

— Аркагала — край?

— Была — край. А теперь трасса оттуда пошла заворачивать дальше на запад, еще одна ветка на север, туда нынешним летом везли и везли. Кого только нет! Все из новых областей, потом от Балтийского моря, которые присоединились. Здоровые мужики, а уж напуганные — страсть! Чего не спросишь — ни слова не скажут, только белыми ресницами хлоп-хлоп. И отворачиваются.

— Не понимают нашего языка?

— Вроде понимает. Не хотят они разговаривать с русскими. Во, какую мы славу себе заработали! Потому как — штыком работали.

На Колыме уже ходил слух о том, что происходило на Западной Украине, в Литве, Латвии, Эстонии, куда вошли наши войска и встали лицом к лицу с германскими войсками на новой границе. Вспомнились польские солдаты и офицеры, работающие сегодня на прииске «Светлом». Сколько же лет должно пройти, чтобы редкие уцелевшие, их дети и внуки могли глянуть на русского человека с улыбкой дружелюбия? Холодная Колыма постепенно становилась тюрьмой не только для «врагов народа», но и для соседних славянских народов — международным концлагерем! И это в сороковом году, когда сам воздух уже был пропитан ужасом близкой кровопролитной войны, которой миновать нельзя...

Трасса огибала дальние подступы к Морджоту, снеговая шапка на его вершине с южной стороны была несколько приподнята, с противоположной опускалась ниже, как белая панاما, заливхvatски одетая набекрень.

Перед самым Берелехом Сергей увидел новую дорогу, узкую и щербенистую, в ухабах от множества автомашин. Она уходила точно на север.

— Не знаешь, куда по этой дороге?

— К черту в пекло, — бросил шофер. — Там один за другим прииски. «Мальдяк», «Ударник», «Хатакчан», «Буркандья» и еще

какие-то поменьше, где не был, не пришлось. Веришь, нигде деревца не увидишь, на десяток километров — все порубили, чтобы обогреться. Уголь приходится туда возить. А он курной, без поддувала не горит. Мерзнет народ в бараках, лед на стенах, не согреешься. А начальство новые и новые лагпункты открывает. Чуть становится меньше золотишка на старом, бросают забой, а зеков везут на новые, где побогаче. Сливки снимает, за килограммы им ордена дают, вся грудь у чекистов в орденах. Ну, и стараются, а за спиной у них кладбища вырастают. Да кто эти кладбища приметит — ни холмиков, ни крестов. Сбросят в отработанный забой, пяток зарядов аммонала рванут — и уже ничего не сыщешь, если и захочешь. Концы — в воду.

В Берелехе, где большая ремонтная база и столовая, уже в поздний час Сергей с шофером поели холодной, давно сваренной кеты, выпили чай. Мотор не глушили, забрались в кабину: до Сусумана — рукой подать.

— Ночуешь у меня? — предложил Морозов.

— Не-е... Мне к утру быть в Аркагале. Ты покажи, где живешь, чтобы найти, если придется мимо ехать.

За мостиком через ручей остановились. Над долиной светилось бледно-зеленое безоблачное небо, подкрашенное на востоке жиденькой малиновой полоской. Скоро рассвет. Вышли из кабины, постояли. Воздух был холодный, ядреный. Ветки лиственниц приспустились из-за обильной росы. Метрах в трехстах тускло светилось стекло на теплицах. В нетронутой зелени напротив чернел домик.

— Вот в том домике я живу. Придешь на агробазу, спросишь меня.

Ну, будь! Непыльной дороги!

С трудом разминая моги, Морозов пошел к дому, постучал в окно. Орочко вскочил, закашлялся, открыл дверь.

— Наконец-то! Долго ты там. Рассказывай.

— Потом, потом... — Сергей лениво раздевался. — Никакого «ЧП» не случилось?

— Трактор вчера провалился.

— Куда провалился? Где?

— Прямо на поле. Около дороги на Челбанью. Там такая низинка... К вечеру вытащили. Тракторист живой, но испугался до немоты. Понимаешь, под огородом оказалась ледяная линза. Она успела вытаять, а почва с турнепсом осталась, только прогнулась. «Универсал» с культиватором по этой крыше и пошел. И рухнул. Труба чуть выглядывала. Ну, воды, конечно, хоть отбавляй. Бригада близко работала, вытащили мужика, Хорошев пригнал ЧТЗ, срыли одну сторону, выволокли

тракторишко. Я завтра буду просматривать всю целину, нет ли там просадок. Этот, из НКВД, как его? Ну, Тришкин, примчался на «эмке», допрашивал, почему аварию допустили. Я ему сказал почему: пути Господни неисповедимы. Тем более, на этой неведомой земле, которую мы в пашню превратили. Все-то им надо, к каждой бочке затычка.

— Не в первый раз. Бдительность и еще раз бдительность! Теперь придется объяснительную писать. Дело... Как Александр Федорович?

— Трудно ему без тебя. Все спрашивал — когда вернешься. Он от зари до зари на ногах. Я как-то походил с ним с самого утра и до вечера.

Удивительно, как умело он настраивает на работу людей, как подымает дух человеческий. Потому что сам любит дело и другим старается внушить эту любовь. И как противен ему дух подозрительности, который постоянно исходит от местного райотдела НКВД — прежде всего там, где возникает что-то новое, интересное. Сами того не понимая, Тришкин и его команда выходят «на охоту» за каждым чем-то выделяющимся человеком, вольным или заключенным, только потому, что любые поиски кажутся им опасным явлением, способным поколебать нынешний строй жизни: «от и до, никуда дальше».

Эта мысль давно не давала покоя Морозову; испытал давление и на себе, понимал, что Тришкин не оставит его в покое, как и Хорошева. И все-таки не собирался стать таким — «от и до» — исполнителем приказов. Противно.

Совхоз разрастался. Строили третий тепличный блок. Нашлись мастера в лагере, которым поручили создать большой засольный цех для квашения капусты — со всей возможной механизацией. В любой новизне агрономы находили удовлетворение, выход инициативе, работа в совхозе имела целью улучшить питание в поселках и лагерях, пусть не всем, пусть не до конца, но все же...

Опять удалось привлечь к работе двух ученых со страшными буквами — статьями Особого совещания — и наладить изыскания на новых землях. Ведь «ЧП» с трактором могло повториться и на нови, только что освоенной совхозом. Опять поставили палатку на старом месте, ученые жили в ней круглые сутки, вели таблицы изменения температур — на разных глубинах, в разных местах. Они обнаружили еще два очага чистого льда, погребенного под наносами. И одним этим оправдали свои обязанности и свой хлеб.

При обходе полей Хорошев привел капитана Сапатова к одной из раскопанных ледяных линз и сказал:

— Здесь можно утопить три трактора. Видите, какая глубина?

— Кто нашел? — строго спросил начальник совхоза и приоткрыл рот, как всегда в неожиданных ситуациях.

— Наши ученые, которых взяли из последнего этапа. Знатоки земли.

Он заглянул в палатку, задал несколько вопросов, увидел бедный скарб, истощенные лица двух зеков и, кажется, что-то в его душе стронулось. Ничего не сказал, но на другой день их вызвали в лагерь и там выдали белье, новые бушлаты, одеяла и кое-какие продукты. Даже сапоги. В Севвостлаге сапогами пользовались только охранники и привилегированные блатари.

Вот тогда Морозов и сказал этим ученым:

— Готовьте свою палатку для зимовки в ней. Раз начальник раздобрился, мы поверили в возможность составить годовой цикл почвенной температуры и водного баланса на огородах. Словом, утепляйте, как можно. И о лагере пока забудьте.

Едва ли не через месяц, уже по холодам, к этой утепленной палатке, конечно, в ночное время, прибыл майор Тришкин и три его опричника. Они подняли ученых, приказали одеться, обыскали, перевернули всю палатку и безо всяких разговоров отправили их в камеру тюрьмы при райотделе НКВД. Там им учинили допрос — кто и почему освободил их от предписанного режима, тут же переодели в тряпье и с угрозой дополнительного срока отправили под конвоем в пересыльный лагерь за рекой. Оттуда была одна дорога — на прииск.

Хорошев и Морозов пришли к зданию управления задолго до появления начальства, ждали в подъезде. Первым подъехал Нагорнов и, увидев агрономов, заулыбался: только вчера генерал Комаров в разговоре с ним похвалил подполковника за дела совхозные. По этой причине Нагорнов был в состоянии несколько благодушном и встретил посетителей по-дружески.

— Раненько вы, товарищи агрономы. Ну, пошли...

Через несколько минут, выслушав жалобу Хорошева, разозленный самоуправством майора, он схватил телефонную трубку и, начав с елейных слов о здоровье майора, вдруг обрушил на него такой отборный мат, что агрономы потупились, опустив глаза. Властный чекист на том конце провода услышал, что совхоз исполняет приказ генерала Комарова и самого комиссара Никишова о получении продуктов на месте, а он, муд-дак, ставит совхозу палки в колеса. «Тебе лишь бы инструкция, статья-срок, тебе в башку не придет, что надо использовать знания людей для нашего деда, а за огурцами присылаешь, будто в свой огород...». Тришкин оправдывался, но Нагорнов привык, чтобы его слушали и отвечали: «есть!». Он заявил майору о его несоответствии, о чем

и доложит начальнику секретно-политического отдела, и вообще «кто хочет работать со мной, тот должен советоваться и получать добро, не то...».

— Немедленно исправь свою дурацкую ошибку. Люди эти нужны совхозу и никакие твои доводы, понял?..

— Над-до же, — сказах Нагорнов, положив трубку и как обычно заикаясь в раздражении, — с самого утра испортил мне настроение. Скажите Сапатову, чтобы позвонил мне и доложил о возвращении ученых. Все. Идите. Больше он к вам носу не сунет.

Шли по дороге в совхоз молча, пока не освободились от впечатлений кабинетного разговора.

— Нажили мы себе врага, — вот первое, что произнес Хорошев. — Ведь отыграется...

— Во всяком случае, не скоро сунется к нам в огород, — и Сергей засмеялся. — А хорош он, этот Тришкин! Вот в таких ситуациях и познается человек.

— Вы ему льстите, Сергей Иванович. Человек? Да в нем ни капли человеческого уже нет. Лишите его погонов — босяк, не больше. Из тех людских слоев, что поднялись наверх в тридцатых... Ненавидят всякого думающего. Мы с вами несчастливо попали в годы, когда мыслящие люди были едва ли не целиком зачислены в недруги власти. Смотрите, кто в лагере... Впрочем, это уже отвлеченный разговор. Вы проследите, чтобы наши почвоведы не оставались долго в лагере.

Идти на вахту Сергею не пришлось. Двух испуганных, недоумевающих седоголовых докторов наук конвоир привел на агробазу и ушел.

— Трагедийная ночь, — слабо проговорил один из них. — Шекспировские страсти по-лагерному. Куда нам теперь?

— Идите к себе в палатку. Харчи вам привезут. Потом поговорим, постарайтесь успокоиться. Недоразумение.

— Жаль одежду и сапоги, — вздохнул его коллега. — Теперь не сыщешь.

Шел последний месяц сорокового года.

Немногие люди из высшего эшелона Дальстроя получали более или менее достоверные сведения о событиях, которые происходили в стране и в мире. Вольнонаемные специалисты черпали скудные обрывки слухов и статьи из газеты «Советская Колыма», где информация была тщательно отобрана. Кое-что доходило до Морозова из аэропорта, где работал его друг — радист. Знали, что в Европе будет война, что исчезла на карте Чехословакия, поделена Польша, что Россия прибавилась старыми своими землями в Прибалтике, что Франция понесла тяжкий урон, немцы в Париже, в Компьенском лесу подписан позорный мир, что Англия воюет, с обычным британским упорством наращивает сопротивление фашистам, которые сильно бомбят английские города.

О наших переговорах с Германией просачивались очень скудные слухи; эти сообщения вызывали половинчатость — веру и неверие. Вдруг исчезло в сообщениях имя посла в Англии Майского, кто-то шептал, что он уже на Колыме, но этому не верили. Смутно было от таких безвестий, в головах рождались всяческие предположения, а в лагерях участились аресты «за разговорчики», которые кончались новыми сроками. В поселке не проходили никакие собрания, разобщенность людей была повсеместной, каждый боялся каждого. И не зря.

Наладив работу по массовой штамповке торфонавозных горшочков для рассады, с помощью которых удавалось высаживать весной уже крупную рассаду с пятью листьями, удлиняя лето на две недели, Морозов засел за статью о почвах Колымы. Ларин и Аронов напоминали, что статью они напечатают в первом сборнике на следующий год. И торопили агронома. А он — впервые за жизнь — сел писать не газетную заметку, не статью, а исследование, которое влечет за собой выводы и размышления. В данном случае, о почвах, их генезисе, их воссоздании трудом человеческим, в чем не преуспела консервативная природа Севера. Тем более интересно!

Он засиживался далеко за полночь. Спал Орошко. Гудела печь, пожирая за ночь бездну дров; за покрытыми льдом стеклами стояла невероятная зимняя тишь, от которой звенело в ушах. Изредка снаружи слышался треск: промерзшая до дна Сальгурья рвала лед, как только в глубоких местах накапливалась вода. Мертво смотрелись теплицы, стекла их были засыпаны полуметровым снегом. Скрип шагов слышался в разреженном

воздухе очень далеко.

Сергей вспоминал работу на Дальнем поле в Дукче, на сусуманских землях, напичканных замерзшими озерами, всматривался в страницы с показаниями из почвенных лабораторий Магадана и Эльгена, строчка бежала за строчкой, и не испытывал усталости, скорее, удовольствие, когда мысли обретают форму.

Орочко вдруг глубоко вздыхал, открывал глаза. И, смотря на Сергея, спрашивал:

— Ты не спишь?

— Сплю, сплю. Сижу и сплю.

— Сколько сейчас?

— Второй час пошел. Поворачивайся и добирай, до утра далеко. Утро наставало в десять часов — ленивое, сонное, в туманах, запеленавших долину Берелеха и, казалось, весь мир.

Но бригады приходили на агробазу раньше. Как и летом, развод проходил в лагере с шести и до семи. Шли кучно, быстро, молча, стараясь как можно дольше сохранить тепло барака под бушлатами и ватными холявами на ногах. Над тремя теплицами поднимался дым, сперва робкий, потом столбом.

Сергей вскакивал и уходил к бригадам. Штабеля горшочков на поддонах выносили на мороз. Через полчаса они промораживались, и тогда их складывали в штабеля. До весны. Немало. Два-три миллиона штук.

Столько вилок капусты должно получиться из них осенью. И еще немало огурцов и помидоров.

Чуть позже появлялся Хорошев. Здоровался, ходил по проходам, оценивал работу. И говорил Сергею:

— Идите и досыпайте. Или пойдем в столовую?

Ходили они в поселок не каждый день. Брали обеды на дом. Берегли время. Странное это было время, когда внутреннее напряжение людей достигло прямо-таки критического уровня, недовольство никто не высказывал, оно копилось в сердцах, могло достигнуть самых уродливых форм, тем более, что с продуктами становилось все труднее — и в поселках, и в лагерях. На приисках еженедельно «списывали» умерших; каторжный режим, доведенный до абсурда, делал «доходягами» даже молодых и крепких здоровьем людей. Конечно, все это сказывалось на работе.

Начальник Дальстроя Никишов по вечерам прочитывал в своем громадном кабинете сводки с приисков. Они приводили его в бешенство. Лицо комиссара госбезопасности, страшное и в спокойном состоянии, становилось отвратительным, пугающим. Люди, заставшие его в таком состоянии, рассказывали, что он уже

не отдавал себе отчета в поведении: хватал и рвал в клочья бумаги со сводками, истерически орал, площадная брань сыпалась на помощников, на заместителей — генералов Корсакова, Комарова, Цареградского, Корша, Вышневецкого, Сперанского. Он требовал, грозил, стучал по столу кулаками. Это было бессилье загнанного в тупик современного рабовладельца. Оно имело свое продолжение только в новых репрессиях на приисках. Тут истерики повторялись уже на уровне полковников, майоров, капитанов. И эти чины НКВД ярились, кидались с кулаками на подчиненных, хотя и те, и другие, и третьи знали, что нельзя совместить такие понятия, как труд и голод, дикий режим и возможности человеческой натуры, страх и хоть какой-то рабочий настрой, как нельзя совместить свет и тьму, добро и зло, жизнь и смерть.

Шифровки в адрес Лубянки оставались без ответа. Молчание означало: выкручивайтесь, как хотите... Военное ведомство перехватывало из резервов Берия продовольствие и одежду для армии, которая готовилась к войне, уже неминуемой. Тем более не хотел ничего знать о положении в лагерях Сталин. Ему достаточно было того, что все личные враги либо уже на том свете, либо на пороге туда...

«Там» или «На пороге», к великому сожалению нашей страны, были сотни тысяч советских людей, которые могли бы защищать свою страну от врага, создавать новое оружие на «закрытых» полигонах, выращивать на полях хлеб, поддерживать разгромленные деревни и станицы. Те самые «враги народа», которые в эти страшные предвоенные годы целыми бараками умирали на Колыме от голода, цинги или под пулями озлобленной охраны.

До начала войны оставалось совсем немного.

С газетных полос улыбочиво смотрели на читателя и обнимались Молотов и Гитлер...

Многозначительное фото.

На первый взгляд казалось, что после строгого приказа по Дальстрою об увеличении овощных продуктов на местах, для совхозов наступят светлые времена: будут и люди, и специалисты, и техника, и все, что требуется для доброго и необходимого дела. Только бы сумели развернуться специалисты в совхозах!

И тут же новый приказ, вызванный катастрофическим падением всех объемов работ на приисках. Под угрозой летняя промывка золота, поскольку не подготовлены за зиму карьеры над золотоносными горизонтами. Под угрозой карьера генералов и полковников, всего руководства Дальстроя. Им грозит не отставка, не понижение в звании, а нечто более страшное: на

передовую в случае войны, под бомбы и пули. Чего не сделаешь, чтобы спасти собственную шкуру!

Уже чистят Магадан, снимают вольных и заключенных с заводов и порта, под метлу гонят из городских лагерей, заодно из приморских совхозов, с лесозаготовок, с трассы. И машины везут новеньких взамен погибших или погибающих в четырнадцати инвалидных лагерях.

А Сапатов, Хорошев и Морозов идут к заместителю начальника Западного управления с просьбой укрепить совхоз, чтобы выполнить задачу по удвоению овощной продукции. Такую программу, отпечатанную на машинке, они несут перед собой, как щит, поскольку не очень понимают, что творится в высших эшелонах дальстроевской власти.

Кораблин, с потемневшим от непрерывных забот лицом, мрачновато встречает посетителей и заранее знает, о чем будут просить. Молча показывает на стулья и спрашивает:

— Что у вас?

— Вот, — и Сапатов кладет перед Кораблиным три листа, где машинистка аккуратно перепечатала все, что требуется для совхоза.

Кораблин отодвигает листы от себя. И смотрит на посетителей, как суровый отец на детей.

— На днях, — говорит он, — из совхоза на Мальдяк будут отправлены все заключенные, кто способен ходить и поднимать кайло или лопату. И механизаторы. И плотники. И специалисты. Как вы будете работать, не знаю, но все планы остаются. Управление потребует, чтобы продукция совхоза была не меньше плановой. Вот так. Не вскакивайте, Морозов. Не надо громких фраз. Золото дороже всего, это вы, надеюсь, понимаете? Или нужно докладывать Федору Вячеславовичу?

Сюда, через двери и приемную доносится заикающийся крик подполковника. Он разносит какого-то начальника прииска.

Хорошев понял, что пора уходить. Он встал. Поднялись и Сапатов с Морозовым.

— Возьмите ваши бумаги, — сказал Кораблин. — И не судите меня строго. Ситуация, сами понимаете...

Дверь распахнулась. Влетел красный от волнения Нагорнов с бумагой. Не поздоровался, оглядел мельком, спросил:

— Чего здесь, крестьяне? — и, не дожидаясь ответа, грубовато толкнул капитана Сапатова. — О, а я думаю, кого бы мне послать на место снятого сегодня начальника лагеря на «Ударнике»? Так вот, капитан, двадцать четыре часа. И прибыть на новое место. Приказ получишь завтра. Все! Есть вопросы?

Спускались по лестнице, Хорошев поддерживал Сапатова под

руку. Капитана шатало. Чего-чего, а вот такого фортеля от судьбы он не ожидал. Надо ему было идти сюда?..

Но теперь плакаться поздно.

Через пять дней в совхозе появился отставной командир ВОХРы Седых. Первый раз в жизни он столкнулся с земледелием, о котором знал столько же, сколько об устройстве своих наручных часов. О чем прямо сказал агрономам и зоотехнику с механиком, когда знакомился. А бедняга Сапатов, выписав напоследок три литра спирта из совхозного склада, отправился на самый отстающий участок прииска «Ударник» способствовать увеличению добычи золота.

...Все перемешалось в Дальстрое, построенном на военный манер. Нехватка продуктов питания, перебои со снабжением через Охотское море еще никогда не обострялись до такой степени, как зимой 1940–1941 года. В эту зиму, как потом выяснилось, погибло на приисках несколько десятков тысяч заключенных, другие десятки тысяч были отправлены в инвалидные городки, которые уже сделались обширнейшими из всех лагерных гнезд. Полигоны на приисках обезлюдели, оставшиеся рабочие с трудом передвигались, по десять человек впрягались в сани с коробом и медленно тащили породу к отвалам.

В очередной раз, объехав прииски, подполковник Нагорнов, теперь уже не расстающийся с плеткой на правой руке, решил побывать в совхозе: единственная, хоть и небольшая, надежда на какой-то источник продуктов, в которых лекарство от цинги.

Он приехал на этот раз не один, а с начальником политотдела подполковником Сенатовым, красивым, холемым и подчеркнуто-чисто одетым человеком лет сорока. Политработник, кажется, впервые увидел теплицы, бригады возле парников, где готовили навоз для розжига, — в дыму костров, с запахами скотного двора, с визгом недалекой циркульной пилы. И наморщил нос. Понять здесь что-то доходчивое два офицера просто не могли. Единственное, что успел сказать Хорошев, была полупросьба:

— Если последних наших рабочих заберете, то совхоз не сумеет провести вовремя посевные работы. Они целиком зависят от парников, где выращивается рассада.

Разговор не получился, орать и командовать Нагорнов уже устал. Сказал, когда садились в машину:

— Сегодня в шесть к Кораблину. В шесть.

Он и Сенатов вошли в кабинет Кораблина, когда агрономы и Седых уже достаточно поговорили, выложив все претензии. Первое, что сказал Нагорнов, удивило:

— На Мальдяке сегодня не вышла на работу треть заключенных. Больные и симулянты, убедившие врача в своей немощи. Цинга и истощение. Когда я получу от вас свежие овощи и капусту? Когда вы поймете, что наши склады пустые, а рабочие требуют жратву. Что нас ждет, если мы не откроем к промывочному сезону площади с золотом?

Он зверем заходил по кабинету, размахивая плеткой. Загнанный в угол... Смотреть на него было страшно, а заговаривать — тем более.

— Сколько у нас муки в складах? — спросил Кораблина.

— На сорок дней. Машины идут из Магадана. Триста тонн муки везут.

— И все?

— В совхозе есть полтораста тонн капусты, хотим сохранить до начала промывочного сезона.

— И это все, чем порадуют агрономы?

— Да. Но если мы возьмем из совхоза двести человек, то рассчитывать на рост продукции будет почти невозможно.

— Пугаете? — и угрожающе остановился перед Хорошевым.

— Капуста сама по себе не растет. Провалить посевную опасно. Не намерстаем. Мы просим оставить совхозных рабочих. Специалистов.

— Я тебе не рожу специалистов. Не то устройство, — и похлопал по форменным своим брюкам.

— Наверное, требование совхоза оправдано, — заметил Сенатов.

— Не могу! Уже обещал Челбанье. Вот разве что половину. Но что вы сможете дать теперь, в критические дни?

— Через три недели снимем первый урожай лука. Две-три тонны, — сказал Хорошев.

— Обрадовал! Да эти тонны из поселка не выйдут, их тут же расхватают!

— Мы с трудом удерживаем договорников, — Сенатов говорил спокойно, словно бы показывая начальнику, как надо вести себя даже в критические моменты жизни.

— А вот с июля, — добавил Хорошев, — пойдет зелень уже десятками тонн. Если останутся специалисты, вообще работники.

— Вот положение! — Нагорнов сел на стул, поигрывая плеткой перед собой. Морозов посмотрел на главного и сказал:

— В этом году мы стараемся всю капусту на пятидесяти гектарах посадить в навозных горшочках. Прибавка урожая будет на три-пять тонн с гектара. Добавка — почти двести тони.

— Запомню! — в голосе Нагорнова звучала не радость, а угроза. Иначе он не мог.

А Морозов улыбнулся. Он был уверен. Испытано. А тут на хорошо унавоженной земле...

Когда выходили, Сенатов вдруг сказал, придерживав Сергея Ивановича за рукав:

— Почему бы вам не написать об этом в газету?

— Не напечатают. Ведь я...

— Попробуйте. И передайте через меня. Пусть и другие совхозы...

Седых остался у Кораблина, что-то хотел сказать один на один. Хорошев и Морозов шли домой вдвоем.

— Знаете, они, кажется, в цейтноте, — Хорошев слабо улыбнулся. — Доигрались со своим режимом. Разметали людей. И уже некому работать, пока в центре не наладят новую волну арестов. Но скольких же погубили — трудно представить! Не одна Колыма в стране... Спихнулись, когда некому работать. Не жалость у них, а личная корысть. Золото, как средство самоутверждения, повышения по службе. А ведь у него здесь семья, дети, — совсем тихо сказал Морозов. — Как такой отец семейства может ласкать собственного ребенка? Ужас какой-то.

Помолчали. Сергей вздохнул и добавил:

— Сталин довел до убийства свою жену. Или убил. И ничего. Живет и совесть не мучает. У Молотова и Калинина жен посадил. Тоже тихо-мирно, будто так и надо.

Они остановились. В спину им светило солнце, его тепло уже ощущалось сквозь одежду, как ласковое прикосновение. Сразу вспомнилась Сергею сцена прощания с Олей. Как она там? Сегодня он ей напишет...

— Да, — сказал Хорошев. — Вы афишу не видели в поселке? Кино в клубе. Комедия с участием Раневской. Не сходить ли нам?

— Вы не бывали в клубе?

— Нет. Одному как-то невесело. Чужие вокруг. Отвык от вольных людей, стесняюсь. Какие они здесь — не представляю.

— Сходим, сходим на Раневскую. Я найду за вами.

— Вот так, в телогрейках и пойдем?

— Ну и что? Они же чистые. У меня ничего другого нет.

Оба они ощущали настороженность и подозрительность договорников к бывшим заключенным. Расслоение общества усилилось к концу тридцатых годов. В политотделе и по месту службы нередко проводили семинары для вольнонаемных, где политработники и оперативники НКВД напирали на чуждое влияние, толковали о бдительности, приводили примеры разоблачений групп, где якобы шла антисоветская работа. И, естественно, предупреждали об опасности сближения с бывшими «врагами народа». Разделение подкреплялось и в снабжении:

граждане, прошедшие через лагеря, получали продукты по литере «В», даже если должность их входила в списки литеров «А» и «Б». Все это как бы увековечивало гражданскую неполноценность лиц, познавших тюрьму и лагеря, а черный штамп в паспорте юридически ограничивал саму жизнь освободившихся людей и заменял древний способ отличия чистых от нечистых: тавро на лбу.

В клуб агрономы все-таки пошли. И посмотрели веселый фильм, где блестяще играла Раневская. И смеялись вместе со всем залом. Вот только на выходе у дверей встретили майора Тришкина с красивой дочкой и с каким-то старшим лейтенантом. Взгляды их выразили удивление: скажите пожалуйста, бывшие зеки в клуб ухитрились?..

— Нарвались! — Хорошев вздохнул. — Видели выражение лица у майора? — и помолчав, добавил: — А я ведь подал заявление об отъезде на родину. Так соскучился, такая тоска! Дети вырастают без отца. Только редкие письма. Уеду! Тем более, что есть на кого оставить совхоз.

И выразительно посмотрел на Сергея.

В начале апреля совхоз сдал большую партию овощей — лука, салата, редиса. Все это осталось в поселке, на прииски не попало.

И тут же началась едва ли не главная по сроку работа — пикировка почти двух миллионов сеянцев в перегнойные горшочки.

Для этой работы лагерь выметали подчистую. Даже неходячих привозили. Между парников уложили маты. И люди, недавно привезенные из забоев — с бледно-зелеными лицами без кровинки, с дрожащими костлявыми пальцами, обмороженными ногами и потухшими взглядами, уже неразличимые в своем облике — интеллигенты, крестьяне, аппаратчики партии, рабочие — с робкой радостью понимали, что их привезли не в проклятый забой, не в шахту, а в совхоз, под весеннее солнце, что около них хлопчут женщины, терпеливо и участливо показывающие, что и как делать: лежа на матах, сажать в горшочки крохотные бледно-зеленые сеянцы из теплиц. Кто-то сразу засыпал, пригревшись, кто-то плакал от досады, что на руке у него всего два пальца. Тепличницы приседали рядом и твердили: «Вот так, так, смелей, не бойтесь, палочкой прижмите сбоку землю и скоро из крохотули вырастет большой вилок капусты, и такие щи из нее получатся!..».

Отходить от парников не приходилось. У людей ничего другого не было в мыслях — только еда. Голод преследовал их годами, организм требовал, а перед ними была зелень, несущая

жизнь. Уже кто-то попробовал крохотные сеянцы, сладковато-теплый сок смочил рот — какая прелесть! И тут же услышал голос: «Вот этого делать нельзя, это будущий вилок. Потерпите немного, мы угостим вас редиской. Только нельзя уничтожать сеянцы, нельзя!».

Все тепличницы, все сотрудники агробазы, агрономы ни на минуту не отходили от двух сотен лежавших у парников, сеянцы могли исчезнуть в беззубых, цингой пораженных ртах, работа шла медленно, к концу дня Сергей прикинул: распикировано меньше, чем выдано саженцев, на треть. Остальное съедено. Так можно остаться без капусты!

Из тепличного блока стали носить охапки мытого, еще мокрого редиса с ботвой. Все поднялись, боялись, что обнесут; две-три редиски на человека могли сохранить бесценную рассадку капусты. Как дружно раздался хруст разгрызаемой беззубыми ртами редиски! Как страдальчески морщились лица от позабытого, блаженного, терпкого сока! Жевали вместе с ботвой — впервые за много лет. Всего-то две-три головки, но после предупреждения, что замеченные в уничтожении капустных сеянцев завтра не будут допущены на агробазу, произошла перемена. Работали старательно, лишь очень слабые засыпали на матах.

Сергей ходил по рядам, и в мыслях его была не только забота о будущем урожае, но и о самих этих людях, еще недавно просто хороших людях, в меру сил и способностей работающих на земле, на заводах, в учреждениях. Большинству осталось жить совсем мало, а за плечами у кого десять и все пятнадцать невыносимых лет каторги...

Пикировка проходила больше недели. И каждое утро Сергей стоял у входа на агробазу, пропускал мимо себя колонну, вглядывался в лица: вдруг кто-то из знакомых по этапу, по лагерю... Нет, не нашел никого.

С каждым днем становилось теплей. Май сорок первого получился довольно приятным по погоде, стоял антициклон, солнце на голубом небе подымалось высоко, как в средних широтах, снег исчезал на глазах, дышалось легче, ощущалось единение человека с природой. Но стоило посмотреть на лежащих возле парников людей в рванье, с белыми от истощения лицами, как радость исчезала. Что можно сделать, чем помочь несчастным? Не было ответа, не было сил переломить невесть как сложившиеся обстоятельства, из-за которых тысячи людей обратились в рабов, для которых здесь, на Колыме, уготована могила...

Морозов и Хорошев имели возможность лишь очень

немногим оказать помощь: редиску и зеленый лук раздавали тепличницы. Но сколько они могли? Охранники помалкивали, попадались и среди них отзывчивые. Но завтра могут прийти другие, запретят, доложат начальству, тогда не избежать крупного разговора с Нагорновым, с Тришкиным: «Врагов народа спасаете, благодетели?».

После середины мая все парники были запикированы. В теплицах место капустных сеянцев заняла рассада огурцов и помидоров. От услуг инвалидов пришлось отказаться. Теперь их путь лежал в крупный инвалидный городок в соседнем поселке Чай-Урья. Там уже было новое горнопромышленное управление, прииски и вот этот городок.

Похоже, политика, продиктованная из ГУЛАГа НКВД — создать в лагерях обстановку скорейшего уничтожения заключенных, зашла в тупик: не желали заключенные умирать по первому требованию Берия и его присных; они получали на этом крестном движении статус инвалидов, их становилось все больше. И как ни был жесток режим содержания и питания, совсем не кормить неработающих начальство не могло. Непредвиденное положение: по всей Колыме возникали десятки инвалидных лагерей, для них требовалась пища, хоть какие-то лекарства, охрана, врачи, похоронные команды, загруженные до предела. Продуктов недоставало для вольнонаемных, для работающих заключенных, а тут такая трата хлеба на лежащих, истощенных, безруких-безногих, обмороженных... Боялись — не без оснований — вспышек инфекционных заболеваний, они уже были, в частности, на прииске «Светлом», где содержались польские солдаты и офицеры, захваченные при вступлении Красной армии в пределы Восточной Польши...

Больше инвалидный этап не пришел на агробазу. Седых позвонил и сказал Хорошеву:

— Отправили в Чай-Урию. Так что справляйтесь своими силами.

Кончался май, в долине Берелеха все еще стояла теплая, безветренная погода, паводок на реке пошел на убыль, от мокрой пахоты исходил заметный глазу парок, гребни подсыхали. В тысячах парниковых рам разлопушилась рассада, подпирала стекла, просилась на поле. На агробазе царила свежая зелень, запах ее волновал тепличниц, они ходили и работали с тем подъемом, какой бывает в молодые года и весной. В тепличных коридорах расцветали нежные виолы, запахло резедой — только у резеды на Колыме не пропадал запах. Все другие цветы могли роскошно цвести, но запах теряли. Этому феномену не находили объяснения.

И уже не верилось, что всего в пяти километрах от совхоза, на приiske «Челбанья», куда Морозов дважды ездил уговаривать, чтобы возили навоз попутными машинами, в трех забоях от темна до темна копошатся, подобно муравьям в развороченном муравейнике, черные фигуры заключенных, лязгают лебедки и цепи, покрикивают десятники и охранники — живет та самая каторга, которую Сергей Иванович прошел на приiske «Нечаянный», совершенно неожиданно увезенный оттуда на стройку...

Эти забои, туманная дымка над ними, эти лениво передвигающиеся люди, железный лязг машин, выкрики и редкие выстрелы представляли собой современную картину рабства, просто немыслимую в нашем веке, но реальную, напоминающую картины каменоломен при диктаторе Нероне в Древнем Риме или в царстве Кира, где изготавливали мраморные плиты для увековечения эпохи и деятелей рабовладельческих тираний.

В эти весенние дни сорок первого колымчане ловили каждый маломальский слух с «материка». Война бушевала в Европе, неумолимо захватывая все более близкие к России районы. Тревога охватывала и вольных, и заключенных. Понимали, что война для них — это угроза изоляции от «материка», откуда идет поток продуктов и машин, горючего и товаров. «Опровержения», прочитанные по радио о «злонамеренных слухах», распространяемых классовыми врагами и агентами всех мастей», не настраивали на оптимизм, равно как и запрет для договорников на выезд из Магадана даже по истечению срока найма. В ловушке...

Предвестие чудовищной бойни двух диктаторских режимов за власть над Европой, даже над миром, докатывалось за два моря на Колыму. И каждый думал, не в силах заговорить вслух: а что будет с ним? С его семьей на материке?..

ИЮНЬ СОРОК ПЕРВОГО И ДАЛЬШЕ

В середине дня двадцать второго июня Колыма замерла. Выключили моторы, прекратилось движение на трассе, вода на промприборах хлестала впустую, учреждения словно вымерли. Громкоговорители во всех поселках от Магадана до Чукотки передавали выступление наркоминдел Молотова о вероломном нападении на наше государство фашистской Германии.

Страна, пораженная с 1934 года гробовым молчанием, подозрительностью, страхом, начисто разъединенная страна слушала дрожащий от волнения голос наркоминдел, еще неделю назад бодро известившего народ о полном спокойствии на восточных и западных наших рубежах, о добрососедстве, даже дружбе с Германией. Неготовность сталинского Политбюро к такому развитию событий была очевидной. Растерянность слышалась в голосе Молотова.

Генералы Дальстроя НКВД немедленно объявили военное положение на всей территории Колымы. Севвостлаг резко ужесточал режим содержания заключенных, а сами заключенные, среди которых было свыше трети бывших членов ВКП(б), ВЛКСМ и военных всех рангов, уже несли лагерному начальству клочки бумаги с одной и той же просьбой — послать их на фронт сражаться за свою Родину, за Россию.

На эти просьбы никакого ответа не последовало. Ни в первый день, ни позже. Если в лагерях война что и изменила — то к худшему. Конвоиры все настойчивее, все громче, железно выкрикивали: «Шаг вправо, шаг влево — стреляю без предупреждения!». Рабочий день увеличился — до выполнения нормы, чего никогда не было. Конечно, возросло число застреленных, случайно сделавших этот «шаг вправо или влево» от колонны или дерзнувших сказать в лицо охраннику, что его место сегодня не здесь, а на фронте.

Ни один солдат и командир из войск НКВД, из ВОХРы не был призван на фронт. Десятки тысяч крепких здоровьем, «морально и политически устойчивых», обученных стрелять по своим, безоружным, получили на Колыме освобождение от святой обязанности — защищать свою страну от внешнего врага.

Они продолжали бдительно охранять «врагов внутренних».

Никто из специалистов, завербованных на трехлетний срок Дальстроем, тоже не поехал на фронт, хотя почти у всех был воинский билет и мобилизационный листок.

Топограф Орочко, агрономы Хорошев и Морозов в первый же день отнесли в приемную подполковника Нагорнова заявления с

просьбой отправить их на фронт. Ответа они не получили. Гора таких заявлений лежала в управлении.

На Колыме от прямого участия в Великой Отечественной войне оказались отстраненными не менее пятидесятишестидесяти тысяч. И несчетно числом заключенных разных национальностей, большая часть призывного возраста, множество бывших военных — от лейтенанта до генерал-полковника. Словом, несколько дивизий, способных защитить потенциально опасный восток страны или часть западной границы.

Проговоривши о страшных событиях до глубокой ночи, Сергей уснул, но сон его был беспокойным. Сквозь зыбкую дремоту он вдруг слышал какие-то странные звуки и проснулся. Плакал Орочко. Отвернувшись на своем клеенчатом диване к стене, он по-детски всхлипывал, постанывал, что-то бормотал и опять всхлипывал, судорожно стараясь унять рыдания.

Сергей поднялся, налил в кружку воды и подсел к топографу.

— Выпейте, Александр Алексеевич. Повернитесь, подымите голову. Еще, еще. Ну, чего вы, право... Эта война кончится нашей победой. Подумайте, разве можно одолеть Россию? Такую громаду!

Орочко послушно затих, кулаками вытер мокрое лицо и сел. Дышал он тяжело и вдруг заговорил каким-то странным голосом, трудно ворочая языком:

— Беда за бедой. То дикое истребление крестьян при коллективизации, то голод и бессмысленные смерти, то аресты и расстрелы, каких еще в нашей истории не бывало. Удары по интеллигенции, по самым лучшим людям Отечества. Теперь прольется еще море крови. Ну почему, почему у России такая судьба? Мало нам Батя с Тохтамышем, Ивана IV с Петром, императора Наполеона? Теперь схватились два тирана, они своих родных детей не пожалеют, не то чтобы народ жалеть... Чувствую, что и здесь будет не одна кровавая баня. И нас всех могут упрятать за проволоку. Мы же — с точки зрения НКВД — потенциальные враги, которые не сдаются, и потому их надо уничтожать. Боюсь я, Сережа, сон бежит от меня, какие-то кошмары перед глазами. Апокалипсис... Господи! — он впервые вот так открыто, при Сергее широко перекрестился. — Господи, спаси и помилуй несчастную страну нашу! Защити и помилуй, на тебя вся надежда, Спаситель наш!

Слова пожилого друга, его трагический голос, которым выговаривал он молитву, это откровение в предрассветной ночи — тихой и прохладной — все так подействовало на Сергея, что и он поднял руку с трехперстием и широко перекрестился, наверное, впервые после многих лет, отделявших его от детства,

когда ходил с матерью в церковь, а с ребятами славил Христа в рождественскую и пасхальную ночи.

Светало. Дни летнего солнцестояния на этих широтах делали ночи на редкость короткими.

Второй день войны. Что услышат они сегодня по радио?..

Первыми на агробазу всегда приходили женщины. Их выпускали из лагеря без конвоя, цепочка неспешно идущих тепличниц и парниководов растягивалась по тропе на сто и больше метров. В этот день они пришли на час раньше и плотной колонной по четыре в ряд, с двумя конвоирами — винтовки со штыками наперевес.

Агрономы приняли работниц как всегда, поздоровались. Конвоиры разошлись и стали по углам тепличных блоков. Почти следом, тоже побригадно подошли полевые рабочие, чуть-чуть окрепшие доходяги, которых привезли в совхоз неделю назад. Шесть вохровцев, посчитав заключенных, остались на поле, где шла прополка. Молчаливая, покорная людская масса разошлась по рядкам.

— Кучней, кучней! — тотчас раздалась команда. — Следить за флажками! Шаг за флажки — стреляю!

Сергей стоял на дороге и недобро щурился. Все эти новшества предвещали осложнения.

Подошел взволнованный Орочко, сказал, сдерживая негодование:

— наших изыскателей загнали в бригаду. Как вести наблюдения в скважинах?

— Возьмем это на себя. Плетью обуха не перешибешь. Пройдет время и все станет как было. Потерпим. Лагерь действует, конечно, по приказу сверху, спорь — не спорь...

— Этак и нас в зону?

— Ну, если они круглые идиоты... А, впрочем... Теперь любая глупость пройдет.

От конторы шел, размахивая руками, начальник совхоза. Бледное лицо его было испуганным, видно, только что с инструктажа. Не поздоровавшись, сказал:

— Чрезвычайные меры. Всех — только с конвоем, даже доярки и телятницы. Строжайше! На Челбанье расстреляны пять «контриков». Вроде бы вышли из барака с флагом, демонстрация. Застрелили на месте. Твои ученые где?

— Под конвоем. А ведь дело делали.

— Ты это... Не встревай. Майор Тришкин лично расстрелял утром двоих прямо в камере. Вроде песню пели, услышал — и в упор. Военное положение все оправдывает.

— А как же возчики на конбазе? Заготовка дров? Сенокос?

— Агробазу и фермы приказано огородить проволокой.

— И вышки? Но коров надо выводить хотя бы на прогулку, вы уж разъясните им, пожалуйста. Коровы приказа не понимают, а скотники за них отвечают, побегут — и под пулю.

— Скажу, конечно. Но вы с Хорошевым должны знать. Надо, чтобы колышки ставили, размечали территорию под ограждение. Голова кругом, не знаешь за что браться! Побегу в лагерь, там новенькие.

Начавшаяся война предвещала колымчанам новые тяготы. Из поселка до агробазы уже доносилась громкая и бравурная музыка. По трассе шли редкие машины. На зеленых капустных полях резко выделялись черные квадраты бригад.

В клубе состоялся митинг, пригласили и агрономов. Выступил начальник политотдела Сенатов. При каждом упоминании имени Сталина зал вскакивал, гремели откиннутые сидения, аплодисменты. Сенатов говорил о скорой победе над фашизмом и о мировой социалистической революции, которая грянет за победой. И о стойкости пограничников, воспитанников Берия, о незыблемости западной границы. Выступил и Нагорнов, заикаясь более обычного, он требовал безусловного выполнения планов по золоту, поиску новых месторождений и подал мысль, чтобы ни одно подразделение не прекращало работы, пока не будет выполнен план. Ему тоже хлопали и кричали «ура».

Нагорнов эффектным жестом показал на кучу бумаг, завалившую длинный стол:

— Выражением всеобщего патриотизма и веры в дело Сталина, его соратников Берия и Молотова являются вот эти заявления с просьбой послать на фронт. Наш фронт сегодня здесь, товарищи! Вы даете золото, необходимое для фронта. Мы не позволим, чтобы добыча этого стратегического металла уменьшилась хотя бы на один грамм. Мы берем новые обязательства...

Тотчас же захлопали, но без особого энтузиазма. Это уже не лозунг, а приказ. Понятно, никого отсюда на фронт не пошлют. Дело не только в золоте...

Ближе к вечеру в совхозный лагерь прибыл женский этап, почти двести человек. Совхозу повезло. А у Сергея ёкнуло сердце: вдруг из Эльгена? Вдруг и Оля?..

Он отправился на вахту.

Новенькие были еще в бараках. Начальник УРО лениво перебирал стопку карточек, вздыхал: работаем...

— Откуда этап? — спросил Сергей.

— С бору по сосенке. Очистили пересыльные пункты, камеры теперь под фрицев готовить надо. Эти бабы сидят давно, все

больше от «седьмого-восьмого», которые за колоски по восемь годов получили. Ну и члены семей врагов тоже. «Индиگیرка» привезла. Берешь к себе?

— Сперва зоотехника позови, пусть отберет доярок, телятниц, жаловался, что недобор. А потом уже на агробазу. Работа есть. С материка продукты не скоро получим.

Перед сном Сергей написал сдержанное письмо в Эльген. Взвешивал каждое слово. Знал, что до адресата письмо прочитают проверяющие. И не один раз прочитают. Сообщал, что задуманная им поездка на опытную станцию пока что невозможна. Такие обстоятельства.

Кораблин вдруг вызвал к себе Хорошева и Морозова. Он сидел за столом неузнаваемо изменившийся, видно, день получился не очень складным, лицо темное, под глазами мешки, на вошедших посмотрел медлительным стариковским взглядом. И показал на стулья.

— Мы получили предписание генерала Комарова. Требуется оперативно организовать на каждом прииске и предприятии подсобные хозяйства. Поставка овощей и картофеля в Нагаево с «материка» прекращается. Полагаю, что полностью. Вы обязаны помочь приискам наладить у себя производство. Пашню, парники и все такое. Придется поехать.

— Но в совхозе нас только двое, — сказал Хорошев. — Нельзя оставлять без присмотра и поле, и тепличное хозяйство, строительство, — и посмотрел в глаза Кораблину: понимает ли?

— Значит?..

— Будет проще, если начальники предприятий поищут агрономов в своих лагерях. И отправят их к нам на стажировку. Мы покажем поля и теплицы, научим азам северного земледелия и поможем обустроиться. Друг друга агрономы поймут с полуслова. И нам не надо отлучаться, беды наживать.

— Вы уверены, что в лагерях есть агрономы?

— Из управления, где я работал до ареста, в тридцать четвертом году выхватили — в смысле посадили — полтора десятка очень серьезных специалистов, самых знающих и опытных. Сразу после ареста Чаянова и Кондратьева. Так что на Колыме нашего брата предостаточно, есть выбор. С радостью пойдут на любимое дело. Если живы, понятно...

— Существует у нас и Управление сельским хозяйством, — сказал Морозов. — У них немало писем от специалистов из лагерей. Вы можете позвонить в Дукчу начальнику управления Швецу. А нам разъезжать, да еще летом... — и он развел руками.

— Да-да, — как-то очень легко согласился Кораблин. — Так и сделаем. Но это лишь первый шаг. Теперь вот что: виды на

урожай в этом году? Что скажете, Хорошев?

— Лето сухое. Корнеплоды быстро стареют, выбрасывают цветоносы и уже не набирают вес. Капуста развивается нормально, кое-где мы ее поливаем, у нас всего две установки, теперь в ночную смену запрещено по режиму. Соберем две тысячи тонн, около половины можно сдать в свежем виде, остальное заквасим на зиму. Вот тут проблема ёмкостей на четыреста тонн. Постройка чанов идет медленно, пособи́те заполучить столяров-бондарей.

— Где будет засольный пункт?

— В большом сарае за ручьем.

— Позвольте, но там же склад селитры! Сто с чем-то тонн?

— Нет, только тридцать, — поправил Хорошев. — Мы потратили ее для удобрения полей.

— Как вы смели! — Кораблин вдруг вскочил, щеки его затряслись. — Эта резервная селитра числится у нас, как взрывчатка! Мы добавляем ее в аммонал, которого все более не хватает! Почему тратили?

— Не знал.

— Чтобы ни грамма больше! Ни грамма, слышите! Под замок! И личная ответственность. Как это я оплошал?..

И он уселся, обхватив голову руками.

— Селитра мешает нам строить, — тихо сказал Хорошев. — Дайте команду, чтобы вывезли. Она превратилась в монолит, работы с ней много.

— Монолит, монолит... С аммоналом туго. Везти его мимо Японии невозможно, при досмотре — международный скандал. Селитра в смеси с аммоналом хорошо взрывается. Я расписал по приискам семьдесят тонн, полагая, что вы ее не используете. А там тридцать. А может и меньше того. Не трогайте!!!

— Заберите, пожалуйста, — примирительно сказал Хорошев. — Мы ускорим постройку чанов.

— И отпускайте ее приискам без веса, — вдруг подсказал Морозов. — Это все-таки не мука и не картошка, чтобы считать на килограммы.

— Ах, Морозов, Морозов! Не заведи я этого разговора, так был бы в диком положении перед Федором Вячеславовичем. Представляю себе... Воспользуюсь вашим практическим советом, Морозов.

Через неделю селитра исчезла из большого сарая. Теперь здесь с утра до ночи слышался стук топора, визг пилы и шорканье рубанков по дереву.

Страницы 66, 67 отсутствуют — типографский брак

га — с колена, вторая — стоя, заряжай, огонь! Поначалу посмеивались над артикулом, потом попривыкли, команды исполняли серьезно, окапывались, перебегали — уже не на площади, а на лугу за совхозным полем. Спустя две недели взводы прошли перед Нагорновым и Сенатовым хоть и с деревянными ружьями, но довольно стройно, печатая шаг, с почти одновременными поворотами и остановками. Странно, что Тришкина на учениях не было. Быть может, много работы в следственных камерах?..

Комбат объявил, что после пяти лекций по теории и практике военных действий они начнут стрельбы, обучение с гранатой, тактику боевых действий против германских войск. Строго и четко он высказал собственный взгляд на события у западной границы, где было не то, чтобы неудачно, а катастрофически плохо.

— Хочу напомнить вам, товарищи бойцы, что война с немцами, которых я знаю не понаслышке, а по опыту — это не легкая прогулка с песнями, а тяжелая и страшная война, о чем вы уже слышаны по радио, читали в газетах. Немцы упорны, дисциплинированы, умеют воевать, в чем я убедился лично еще в четырнадцатом году. России предстоит трудный ратный путь, возможно, такой же, как в незабываемом 1812 году. Война потребует от каждого из нас бесстрашия, мастерства, дисциплины и владения современным оружием, чтобы разбить неприятеля. Будьте готовы ко всему этому!

Сергей вдруг увидел, как изменилось лицо Нагорнова, какая-то странная улыбка передернула его. Из-за спины Сенатова возникла фигура Тришкина, они переглянулись с Нагорновым. Красовский четко повернулся к ним, откозырял и спросил:

— Прикажите закончить сегодняшнее занятие!

И, заметив небрежный кивок подполковника, обернулся к батальону.

— Вольно! Р-разойдись!..

Совхозные «солдаты» шли по домам, говорили больше всего о комбате, сошлись, что Красовский — тот еще командир, с таким и в настоящее сражение можно идти с приподнятым чувством и

побеждать. А Морозов опять вспомнил налившееся кровью лицо Тришкина и непонятную усмешку Нагорнова. Чем они недовольны?..

Все прояснилось на следующий вечер.

Также собрались, без команды построились взводы, командиры их приготовились к рапорту. От подъезда Управления шли Нагорнов, Кораблин и вохровский командир дивизиона с двумя кубиками в петлицах. Батальон притих. Нагорнов прокашлялся и сказал без нажима:

— Исполнять обязанности комбата сегодня будет комдив охраны Затупин.

По взводам прошло какое-то движение. Никто не решался задать вопрос, который вертелся на языке: «Где Красовский?». Вохровец выпятил грудь и осевшим дискантом выкрикнул «смир-р-на!», после чего поглядел на подполковника. Не знал, что ему делать.

— Строевые занятия сегодня отменяются, — произнес Нагорнов. — Батальону приказано следовать в клуб, где будет прочитана лекция.

Совсем не по-военному, не в ногу, взводы зашагали в клуб. В рядах шептались, вохровец остренько, как на разводах в лагере, приглядывался, кто там перешептывается. Говорили, конечно, о Красовском. Хотелось знать, почему сменили и где он? Все это тихо, чтобы слышал только сосед. Хорошев прошептал на ухо Сергею:

— Понимаете, что произошло?

— Догадываюсь. Вчера он не так говорил о немцах...

В клубном зале прогремели откидные сиденья. На сцене возник еще один вохровец с тремя кубиками в петлицах, постучал карандашом по графину.

— Я прочту вам лекцию о боевых отравляющих веществах, которые применяют фашистские захватчики на фронте.

Говорил он косноязычно, запинаясь и повторяясь. В зале минуты три было тихо, потом послышался шепот, кашель, скрип сидений, слова со сцены уже не доходили, такие лекции читались сотни раз. Ничего нового лектор не знал, он только повышал голос, срывался. И тут на сцену вышел Нагорнов. Зал мгновенно притих. Докладчик приободрился:

— Теперь я расскажу вам еще об одном вредном газе. Он обладает сойвообразным запахом и...

Раздался смех. Кто-то поднялся и вежливо спросил:

— Повторите, каким запахом обладает газ?

— Сойвообразным, — громко ответил лектор. В зале грохнул оглушительный смех. Нагорнов насупился, встал и, заикаясь

более, чем всегда, крикнул:

— Тихо! — выждав, когда затихли, сказал: — Лектор ошибся, а вы подняли его на смех. Это мальчишество может кое-кому обойтись очень дорого, — и обернувшись к лектору: — Продолжайте.

Теперь лектора вообще никто не слушал. Редкое слово «сойво-

--

Страницы 70, 71 отсутствуют — типографский брак

--

капустный лист — все приводило заключенных к утраченной надежде на выживание.

Никто не запрещал есть овощи: любой запрет не остановит голодного человека — даже под угрозой расстрела. Ели все, что было рядом, милосердная пашня и солнце гнали новые листья, наливали морковку и свеклу. Агрономы по-своему реагировали на эту отчаянность работающих: они сеяли больше, чем показывали в отчетах. Кто проверит?..

Из двух этапов удалось отобрать четверых крестьян, смыслящих в огородничестве. Обучили их особенностям работы на севере. На приисках из них получились неплохие организаторы подсобных хозяйств. Маленьких хозяйств, но все-таки... При обходе каждого этапа Морозов внимательно вглядывался в лица. Угадывал здесь украинцев, казахов, окающих владимирских и вологодских; поляков, прибалтов, евреев. Вся страна была представлена в лагерях, каратели соревновались — кто больше отыщет врагов — тот и на коне! Но не встретил он ни одного, с кем ехал сюда в товарном вагоне, на корабле, жил на пересылках. Уж очень велика людская масса, двигавшаяся в тридцатые годы на восток и север!

Бывал на агробазе и начальник лагеря, заносчивый старший лейтенант НКВД, который взирал на агрономов и вообще на «бывших» свысока, с оттенком презрения, считая, вероятно, что все они рано или поздно окажутся в подведомственной ему зоне или в тюрьме. Подойдя к агрономам, начальник вдруг сказал, глядя мимо них:

— Тут один из прибывших вчера освобожден по окончании срока. В деле у него написано: «агротехник». Может, нужен вам?

— За что сидел? — спросил Хорошев.

— Ну, это... СОЭ, социально-опасный элемент, пять годов. Грамотный видать.

— Пусть придет, поговорим, — сказал главный.

На другой день, после развода, у конторки агробазы на лавочке сидел черноволосый и темноглазый человек, малого роста и с худым несчастным лицом. Увидев агрономов, вскочил, поклонился.

— Я к вам, Александр Федорович.

— Заходите, поговорим.

Его звали Михаилом Семеновичем Берлавским. Последний год перед арестом работал агротехником в подсобном хозяйстве под Одессой, где и родился. Там и загребли в общий невод, как ставриду.

— На прииске побывали?

— Нет. В дорожном управлении. Рабочим. Потом завхозом. Хотел бы у вас... Кое-какие знания остались. И специальность эту люблю. Вот только парники и теплицы не знаю, не приходилось.

Он производил впечатление человека рассудительного и трезвого ума. Хорошев раздумчиво барабанил пальцами по столу. Сергей вдруг спросил:

— Вас с группой судили или одного?

— Пять лет. Была группа.

— Семья, дети — в Одессе?

— В тридцать шестом были в Одессе. Где теперь — не знаю. Одесса в окружении. Если там немцы, то семьи, конечно, нет.

Только сейчас Морозов понял, что Берлавский еврей. В словах его чувствовалась отчаянная тоска. Одиночество в сорок лет...

— Давайте определим его в поле, агротехником. А то у меня ноги по вечерам отказываются служить.

— Ну что ж. Идите к начальнику с заявлением, — Хорошев подумал и вдруг спросил: — А чего это за вас ходатайствует начальник лагеря? Вообще-то он не слишком внимателен к бывшим. Или у вас с ним дружба?

Берлавский жалко улыбнулся.

— Я его не просил. Просто вызвал, дал расписаться, протянул справку для паспорта. Между прочим, полюбопытствовал, куда поеду. Я сказал, что в Одессу. Он посмотрел, как на дурака. Вот и все. А почему к вам заходил — не знаю. Клянусь — не знаю.

Агротехник поселился на агробазе, была там подсобка. Все дни новый работник проводил в бригадах, поручения выполнял скоро и с пониманием, голос не подымал, не раздражался. Но и

не улыбался. Замкнутость его можно было объяснить постоянными мыслями о семье.

Привыкал к новичку и Хорошев, новый работник нравился ему своей несуетной деятельностью, всюду успевал, схватывая мысль с полуслова.

Однажды он сказал Хорошеву:

— Встретил сегодня начальника лагеря. Знаете, о чем заговорил? Чтобы я устроил ему огурчиков и помидоров. Не просил, а требовал. Услуга за услугу. Я признался, что сам еще не пробовал таких овощей. Он ничего не ответил и удалился с обидой. Психология, как я понимаю, простейшая: ты — мне, я — тебе.

— Доложу начальнику совхоза, — резко сказал Хорошев. — Он даст ему огурчиков!

--

Страницы 74, 75 отсутствуют — типографский брак

--

опустился на землю, ноги не держали его. Сидел, а в сознании проносились какие-то обрывки прошлого: набережная в Одессе, бронзовый Дюк. Вот они, жена и сынишка; комната — приемная, где он работал за большим секретарским столом. Посетители, бумаги, тихий звонок из кабинета, куда он входил и выходил с бумагами, короткие доклады шефу — председателю облсовета, пожилому и маститому... И тот же шеф, но уже неузнаваемый, с кровоподтеками на лице, в черных пятнах побоев — уже в кабинете следователя. Тоскливый и просящий его взгляд: не подведи!.. Басок следователя: «Подтвердите свои показания, Берлавский». Резкая, как молния, новая картинка. Он сам лежит, очнувшийся, на каменном полу, над ним голос: «Еще добавить?». И боль, боль во всем теле. Да-да, подтверждаю... А затем очная ставка, протокол допроса, снова тот же голос: «Вот здесь, пониже, разборчивей, тверже». Снова взгляд шефа, слова: «Как ты можешь, Миша?..»

Много позже он узнал, что шеф расстрелян, что сам он получил пять лет, эти вот СОЭ...

Все всплыло вдруг, как всплывало не раз, когда что-то

напоминало ему — как вот эти глаза чекиста Нагорнова. Похоже, не забудется до конца дней. И нет спасения от жутких воспоминаний, от давно пережитого. Страх перед каждым, кто приближается в мундире с ромбом, на котором щит и меч.

ТРЕВОЖНО, ТРЕВОЖНО...

Середина октября, грозное предзимье затяжной зимы.

Никаких осенних дождей, хлипкого ненастья и листопада. Просто мороз при свете низкого, негреющего солнца. И очень короткие дни. И мертвая тусклость листьев, убитых на ветках, по ночам они шелестят, жалуется на свою судьбу. Хвоя на лиственницах так и остается, чтобы упасть от первого снежного вихря. Земля и небо сжимаются и каменеют, холод хватается за уши, нос, забирается за оголенную шею и студит все тело.

Снега в долине нет, но белая шапка с вершины Морджота уже сползла до самого низа, белая изморозь легла по всему мелкоколесью на малых сопках и уже не исчезает. Тихо. Звуки над замерзшей землей разносятся далеко; в совхозе слышно, как за два километра перекачиваются под колесами машин кругляши на мосту через Берелех. Дымы из тепличных труб поднимаются вертикально и стоят неподвижно, как палки. Дымы над поселком Сусуман сливаются в одно темное облако. Берега речушки Сальгурьи блестят ледяными закрайками, на разливах закрайки сходятся, под ними вместе с водой бегут, лопаются прозрачные водяные пузыри.

От недалеких скотников доносится тоскливое мычание коров: просятся на волю. Поля голые, проглядываются насквозь до самого аэропорта.

А тут еще радио...

Орочко многозначительно подымает палец, когда на фоне трескучих разрядов прорезается привычное «передаем последние известия». Осадное положение в Москве. Немецкий прорыв к Волге. Бои в Воронеже и Ростове. Всего ожидали, но такого углубления фронта в центр России... Какая же тоска на сердце у каждого!..

В совхозных теплицах созревают мелкие верхние помидоры. Печи гудят и днем и ночью. Сергей вместе с Хорошевым делает утренний обход. У многих тепличниц заплаканные глаза: мысль об исчезнувших мужьях, отцах, братьях, мысль о детях, иные из которых в неизвестных детских домах. Хорошев успокаивает, говорит, что фронт стабилизируется, но правда доходит какими-то путями и в лагерь, разговор этот прерывается рыданиями. И слова успокоения повисают в воздухе.

— Закройте все стекла матами, — приказывает главный. — На дворе минус двадцать семь, пусть будет и темновато, зато теплей. Почта у вас когда приходит, Зина?

Да, письма хоть и редко, но приходят, цензура жирно

замазывает черным половину строк, женщины по очереди разглядывают листки на яркий свет и прочитывают или просто догадываются, что за краской. Кто-то из близких пропал на фронте, кто-то убит. Чем больше зачерненных строк, тем тяжелее, горше слезы. Разрушенные семьи, утерянные дети. О своей судьбе уже не говорят, хотя знают, что сами они живы и в тепле только благодаря настойчивости Хорошева: убедил лагерное начальство, которое не разрешало «врагам народа» теплую работу.

Но жизнь берет свое, желание чекистов как можно больней прибить заключенных к земле наталкивается на скрытое, а то и прямое сопротивление хозяйственников. Обходят они правила режима, отбирают настоящих работников на посты, далекие от «общих работ», ценят творческий подход к делу.

Теплицы — тому пример.

--

Страницы 78, 79 отсутствуют — типографский брак

--

Дописал и с извинительной улыбкой спросил:

— Устали?

— Знаешь, мне вообще не спится. Гложет и гложет одна мысль: как уехать? Как оказаться в родных местах? Семья... Дети взрослеют без отца. Тебе это трудно понять. Уже пять лет... Что там, как жена, как старая мать?.. Вот и ворочаешься с боку на бок. Из писем трудно что-нибудь понять, пишут и знают, что чужой дядя их вперед почитает. Душу ему выкладывай — уже учены. И сдержанны. Тревожно, очень тревожно, Сережа! Они под Москвой, а немцы где-то рядом. Возможно, уже эвакуировали.

— Не отпустит вас Нагорнов.

— Теперь, когда ты завоевал его доверие...

— Это неполноценная замена, вы знаете. И он знает.

— А у меня уже мысль вперед забегают. Прежде всего перевестись поближе к Магадану, заручиться поддержкой Дукчинского управления. Чем ближе к порту, тем больше шансов для выезда. Ты останешься здесь. Слава Богу, уже не новичок. Действуй в том же духе. Ну, а Нагорнов... Ведь человек он все же. Кораблин может подсказать и ему. Хочу просить тебя: не

отказывайся, возьми мою ношу.

Хорошев вдруг резко поднялся и вышел. На глазах у него были слезы.

Ближе к весне Александр Федорович рискнул на откровенный разговор с Нагорновым. Грубая, темная душа этого властного человека дрогнула, слова агронома разбудили в ней какие-то добрые чувства. Быть может, оказал влияние и доверительный разговор с Кораблиным, позиция пожилого заместителя. Выслушав, уставился невидящим взглядом в стену напротив и забарабанил пальцами по стеклу. Наконец, сказал:

— Вот что, Хорошев. Мы долго работали вместе. Ты заслужил мое уважение. Скажу так: не торопи меня. И сам не торопись. Я могу отпустить, но это еще не все. Перед тобой рогатки и рогатки, перескочить через них нелегко. Есть один выход: в отпуск. По здоровью. И с возвратом. А там уж как сумеешь.

— С радостью, Федор Вячеславович! В отпуск, так в отпуск. Увижу семью, успокою душу и можно опять.

— Ну, на «опять» я не рассчитываю. Все! Иди. Удастся — не поминай лихом подполковника Нагорнова.

Об этом разговоре Хорошев не сказал даже Сергею. Но слухом земля полнится. Романов, во всяком случае, узнал. От комментариев воздержался. И на том спасибо. А вот как узнал Берлавский...

Теперь он все чаще сходилась невзначай с Хорошевым, темы для разговоров находились, хотя Хорошев больше слушал. Да, надо бы усилить надзор за выдачей капусты на складах. Да, печи менять пора во многих теплицах. Согласен, что надо заменить кой-кого из тепличниц. И всякое такое.

Заходил он и в теплицы, уже спокойно. Разматывал длиннющий шарф, улыбался, здоровался.

— Вы опять не бриты, Михаил Семенович, — Зина Бауман с укоризной осматривала агротехника. — Не забывайте, что здесь женское общество.

— Простите, пожалуйста, не успел. С утра ездил на лесоповал, выбирал бревна для стропил. Опять же для теплиц, — тон заискивающий, мягкий.

Она посмеивалась. А когда приходил Морозов, выбирала момент и говорила так, чтобы слышал только он один:

— Не могу понять, чем несимпатичен мне этот агротехник. Хочет казаться несчастным или такой на самом деле? Воли в нем нет. Мужского характера. И взгляд у него...

— У мужиков только одно на уме.

— Я не о том. Я о самостоятельности. Когда нет твердой воли, мужчина уже человек наполовину. Если наследственное, то

можно жалеть. А при обстоятельствах, нам известных... Когда сломался, не выдержал, это совсем другое.

И многозначительно умолкала. На эту тему женщины в теплицах говорили жарко, ведь многие из них прошли через страшные и унижительные допросы, вспомнишь — жить не хочется. Удивлялись про себя: да неужели это было со мной? И выдержала? Страшный сон? Нет, реальность, тем более, что многие не выдерживали, жить оставались, но глаза поднять уже боялись.

Зина такие разговоры не поддерживала, просто слушала. А ведь ей перепало всего, даже в камере смертников сидела, прислушиваясь к каждому звуку за дверью. Было — прошло. По ночам вдруг схватывало сердце, почти до обморока, ни вздохнуть, ни позвать на помощь. Лежала, прикусив губы до крови, почти не дыша, пока не отпускало, пока не удавалось вздохнуть полной грудью. Ее не сломили, это поняла уже в лагере, увидев и поняв других, которые не выдержали и потянули за собой ниточку. Было это концом личности, человеческого достоинства и веры в жизнь. Что-то такое она видела в лице агротехника... Видела пришибленного, потерявшего волю и достоинство человека, готового пасть на колени перед голубой фуражкой и смотреть в рот чекиста... Ее передергивало от всего такого. Не могла ни простить, ни понять.

Сама она держалась надеждой на близкий конец этого средневековья, так странно вдруг проявившегося в России, самой милосердной и христианнейшей стране. Это была вера, она поддерживала узницу, потерявшую и мужа, и двоих детей, о судьбе которых ничего не знала.

Узнала, что Морозов помногу часов проводит над книгами. И попросила у него что-нибудь агрономическое. Он принес. В свободные минуты она уходила в дальний конец теплицы, читала и прислушивалась — не войдет ли кто, чтобы успеть спрятать книгу.

Не без улыбки вспоминала жестянщика агробазы Дениса Ивановича, к которому навевывалась, носила на ремонт прохудившиеся лейки-ведра. Милый добрый старик с аккуратно подстриженной бородой и белыми длинными волосами. Его грустные голубые глаза светло оглядывали посетительницу, он усаживал ее и пока осматривал инвентарь, они успевали рассказать друг другу немало горького, но без той злой обиды, которая почти всегда возникала в разговорах на такие темы.

Денису Ивановичу было за шестьдесят, руки золотые, с утра до ночи стучал железом по железу в мастерской, которую соорудил собственными руками из досок, горбыля, ржавых

листов, фанеры, и тем не менее опрятной мастерской, где и жил, получив разрешение от начальства в обмен на поделки для лагерных служб. Тут он поставил свой топчан и принес домашнюю подушку, которая так хорошо пахла мятой. На ней ему снились и голубые сны...

От мастерской до домика Морозова и Орочко всего-то было метров сто. Конечно, Сергей сразу же побывал у Дениса Ивановича, иногда сживал полчаса, узнал его «дело» — обычные в те годы судьбы священников — и поверил, что отец Денис мог сказать следователю, что «от веры в Бога, Иисуса Христа Спасителя он не откажется ни устно, ни письменно», хотя к тому времени его приволакивали к следователю уже под руки, поскольку был доведен голодом до полного изнеможения. Конечно, очутился на Колыме и вот уже два года как вернули его с прииска, бросили в совхозный лагерь, где он несколько поправился благодаря своему умению к жестяным работам, с удивлением вспоминая, что и осталось-то ему чуть больше года лагерной жизни, после чего... Не знал, что будет после этого. И как-то смирялся с будущим.

И доярки с фермы, и тепличницы с агробазы помогали Денису Ивановичу за его труды, приходили не с пустыми руками. Он благодарил, крестил пищу и брался за инструмент.

Зина чаще других навещала жестянщика — по праву бригадира. Нашла для себя тропу извилистую, вдоль речки и в обход агрономической избы. Хоть на десять минут оставалась одна среди зелени прирусовой черемухи и тальника, даже садилась там на холодную траву, ощущая полузабытую радость воли. И однажды услышала тихое пение: старый священник работал, помогая себе молитвой. Постукивал молотком, пилил напильником и одновременно неторопливо, с чувством произносил нараспев умиротворенно слова молитвы: «...радуйся, падшего Адама воззвание, радуйся, слез Евиных избавление, радуйся, высота неудобовосходимая человеческими помыслами, радуйся, глубоко неудобозримая и ангельскими очима...». Или в такт ударов: «Помяни, Господи, плодоносящих и доброделяющих во святых твоих церквях, и даждь им яже ко спасению прощения и жизнь вечную...».

Зина сидела, слушала, поглаживала листья зелени у ног своих, и что-то безмятежно спокойное, тихое и благодатное коснулось ее сердца, и она заплакала. Встала, оглядела дальние, за полем, сопки, гордый Морджот и встряхнула головой. Подходила к кладке, нарочно громко стукнула ведром по ведру. Пение прекратилось, в открытом проёме показалось белобородое лицо, глаза Дениса Ивановича загорелись приветным огоньком.

— Добро пожаловать, дочь моя светлая!

Денис Иванович знал от самой Зимы, что была она партийная, что и муж ее — вечная ему память!..

— Имя его, имя како?

— Илья Петрович, — ответила она, почему-то заробев.

— Помяну его, мученика, за упокой души. Не возропщешь?

— Да, за упокой. Спасибо, Денис Иванович. Спасибо.

— И тебя помяну, Зинаида, во здравие. Вот и работу ты мне доставила. У, каки худые ведерки! Приходи завтра, днища новые соделаю.

Уже с порога она сказала:

— Вы поосторожней, далеко слышно. Вдруг кто чужой...

— Бог милостив. Привык так-то, работаю и пою, на душе покойней. Кому помеха?

— А все-таки. Разные люди ходят...

Морозову об отце Денисе рассказал Орочко. Сергей ходил в мастерскую, сидели они на бережке, откуда хорошо видно вокруг, вели неторопливую беседу, у Морозова с детства еще остались в памяти и рождественские ночные походы «Христа славить», и посещение собора, староста которого был их соседом, по этой причине Сергей знал архиерея Симеона, приезжавшего в гости к старосте. Оба они погибли насильственной смертью, а собор взорвали. Денис Иванович слушал, осенял себя крестным знамением, а голубые глаза его блеснули от стариковских слез.

Осенью Морозов спросил:

— Зима близко. Отец Денис, пожалуй, уйдет в лагерь, холодно здесь.

— Что это ему в лагерь? Мы поможем, утеплим хибару, пусть живет.

Лишь однажды, возвращаясь пешком с поля вдоль речушки, Сергей услышал пение в два голоса. В мастерской пели слаженно, молитвенно. Он не заглянул, чтобы не помешать, прошел в конторку, что-то там сделал, в окно увидел Орочко, вышел и сказал:

— Александр Алексеевич, вы с отцом Денисом неосторожны.

— Что такое? — Орочко испуганно смотрел на друга.

— Шел тем берегом, а вы во весь голос... А если кто другой услышит? Здесь сам воздух пропитан подлостью.

— Да, увлеклись. Праздник сегодня. Вознесение.

— Ты предупреди отца Дениса. Да и сам...

Зима уходила лениво, была ветреной и злой. По ночам в трубе люто завывало. Агробаза дымилась только четырьмя теплицами. Хорошев и Морозов чуть не каждый день ездили по приискам, договаривались брать навоз, обещали и даже сами возили квашеную капусту в бочках, от этой «меновой торговли» зависел будущий урожай. Навоз забирали подчистую, благо на всех приисках были лошади. От собственных подсобных хозяйств начальники постепенно отказывались: хлопот у них и с золотом было предостаточно. Лагеря сидели на штрафном пайке, заключенные все более умирали, а подвоза свежей рабочей силы с «материка» в эту зиму не было, лагерей и по пути сюда на долгой дороге через Сибирь хватало. На фронте трудно понять, что происходит. Украина, Кубань и Дон у фашистов, от Москвы немцев отогнали, но недалеко. Шли самые трагические месяцы войны, теперь никто не повторял бодрых слов «о победе скорой и легкой», даже невероятное обращение Сталина к народу со словами «братья и сестры» не вызывало вдохновения. Ведь едва ли не у каждой третьей семьи братья и сестры в те года заполняли лагерные бараки на северах, землянки в продуваемом Казахстане и тюрьмы чуть ли не в каждом городе. И на фронтах гибели несчетно.

После отъезда на запад лучших дальневосточных армий все тихоокеанское побережье страны казалось японским военным довольно легкой добычей. А Колыма с ее более чем полумиллионным населением сама собой могла остаться у захватчиков. Кто сумеет сдержать здесь до зубов вооруженного агрессора? Уж не вохровцы ли?.. Только оглядка на американскую мощь как-то охлаждала опаснейшее стремление союзников Германии.

На Охотское побережье, а потом и на материковую Колыму пришла весна. Она была ленивая, туманная и, кажется, больная. Охотское море никак не могло осилить толстые торосистые льды, это произошло только в июне месяце.

Первый теплоход встречали в бухте Нагаева с флагами и криками «ура!». Как спасение.

Но на теплоходе не было ни хлеба, ни сахара, ни мясных туш. Он привез аммонал, без которого нельзя взять из мерзлых грунтов драгоценный металл. И второй теплоход прибыл с взрывчаткой и машинами, лишь в третьем, в начале июля, оказались мука и продукты. Лагерную пайку немного увеличили, но в совхозах еще весной подгрести последние остатки капусты, в

горных управлениях по-прежнему кормили заключенных только перловкой. На радость разгулявшейся цинге. Теперь при входе в пищеблок каждого заключенного заставляли пить отменно-тошнотворную коричневую настойку из хвои стланика. Считалось, что это лекарство помогает от цинги. Увы, у большинства заключенных цинга была необратимой. Шатались в белых деснах зубы, выпадали почти безболезненно. Те из «доходяг», что попадали в совхоз на прополку, жевали все зеленые растения подряд: осот, лебеду, свекольный лист, пырей, хвощи...

Морозов все больше времени проводил в теплицах, чаще с Хорошевым, присматривался, расспрашивал его, старался глубже познать это сложное хозяйство, которое знал недостаточно, — хозяйство сильно постаревшее, с просевшими борами и дымящими трубами, тусклыми стеклами и завалами кирпичей под стеллажами. Все здесь требовало капитального ремонта.

— У Кораблина давно лежит докладная записка на эту тему, — говорил Хорошев. — Хода моей бумаге так и не дали. Нет стекла, нет досок, всего на свете нет.

— А если заговорить о новом блоке? Поле у нас прибавилось, рассады требуется все больше.

Хорошев вздохнул. Не о том у него дума. Он ждал ответа из Дукчи, хотел уехать. Новый блок пусть строится без него. Он достаточно поработал здесь.

Морозова вызвали в управление. Кораблин протянул ему бумагу.

— По вашей части.

Сергей Иванович прочитал и вспыхнул. Колымская опытная станция приглашала агронома Морозова на семинар.

— Вас так волнует это совещание? — спросил Кораблин.

— Обмен опытом, встреча с коллегами, это всегда полезно.

— Ну что же, поезжайте. Пяти дней, думаю, достаточно?

...Сергей стоял в кузове попутного грузовика и улыбался. Теплый воздух хлестал его по разгоряченному лицу. Без остановки проехали Ягодный, а ближе к вечеру, соскочив с машины, он уже «голосовал» на эльгенском повороте, пока не нашелся добрый водитель и не притормозил.

Где-то к полуночи, когда только-только сгустилась темнота, он уже подходил к зданию опытной станции. Там светились окна, слышался громкий разговор. Коллеги из совхозов.

Они почти не спали, эти шесть агрономов из Сеймчана, Дукчи, Тауйска, Олы, Эльгена и Сусумана. Сергей был самым молодым из них. Несмотря на поздний час, компания с воодушевлением опустошила бутылку спирта. В разговоре

выяснилось, что из шести специалистов только один был договорником, костромич Туманов.

— Да, — не без гордости заявил он. — Земляк императора Российского, вот так?

— Ну, так завтра расстайся, императорский земляк, достань горячее, отметим. Смотри-ка, тюрьмы миновал! Полагается с тебя.

Утром все проспали. Аронов вошел, грустно осмотрел коллег и отправил всех на речку, чтобы поплескались в холодной воде и уняли головную боль.

Подымаясь от реки, Сергей увидел лаборанток. Они стояли над откосом, и, конечно, дожидались его. Две вдруг исчезли. Сердце у Сергея сделало сбой, он одним махом одолел крутизну, подскочил к Оле и обнял ее.

— Рада, что здоров, что у тебя все в порядке, раз приехал. Только отпусти, пожалуйста, твои друзья уже смотрят. Не забыл?..

— Я даже знаю, когда ты приедешь. Через сорок три дня.

— Не сглазь. Не от нас с тобой зависит. Надолго?

— На три дня. Семинар. Все коллеги здесь.

— Виктор Львович говорил мне. Заходи к нам в лабораторию, — и Оля, резко повернувшись, побежала к соседнему зданию. Подруги ждали ее у крыльца.

На семинаре Сергей сидел рядом с Табышевым и не подымал глаз. Тот тихонько сказал:

— Поздравляю. И когда успел?..

Семинар вел Аронов. У него нашлись интересные материалы из Якутска и Соловков, толстый том работ Костычева и Докучаева и какая-то потрепанная рукопись. Говорить ему долго не дали, завязался спор о поведении вечной мерзлоты после распахши дернового слоя, сшиблись разные взгляды, а когда директор станции спросил, на какую площадь можно рассчитывать Дальстрою, все примолкли и задумались. А высказавшись, сами неприятно удивились: всего-то на тысячу гектаров.

— Нет, — вдруг сказал Табышев. — Нет, это не так! Только на по бережье можно освоить полторы тысячи гектаров, в этом я уверен! Иначе и говорить о нашем вкладе в снабжение Колымы нет смысла. Капустой и то не обеспечим. Я — за четыре-пять тысяч гектаров, не меньше. Правда, в Тауйске почти вся земля под лесом. Корчевать много...

Открылась дверь и на пороге возник начальник Эльгенского лагеря и совхоза Калдымов. На животе у него прилипла кобура пистолета, с которым чекист, похоже, не расставался; широкое монгольское лицо было исполнено собственной значимости, он небрежно кивнул всем сразу и уселся. Но слушать долго не мог.

Поднялся и сам заговорил о значении сельского хозяйства, о зависимости добычи золота и работы совхозов, об освоении края. Осанна вождю всех времен и народов повторялась каждые три минуты. Без этого Калдымов просто не мог.

Слушали его, опустив глаза. Скучно. Ларин поглядывал на часы, но не прерывал. Присутствие этого «эсэсовца» на семинаре казалось оскорбительным.

Когда он ушел, посчитав, что дал направляющую линию специалистам, никто не проронил и слова, пока Ларин не сказал:

— Прошу извинения, коллеги, но без такого ритуала обойтись нельзя. Мне с ним работать. Вы понимаете... Вернемся к деловой части.

Хочу сказать, что мы с Ароновым готовим сборник о методах освоения почвы, есть три рукописи, среди них и Морозова. От всех вас ждем хотя бы небольших статей о собственном опыте. Поговорим об этом. Мне очень хочется услышать от вас, Табышев, более подробный план освоения приморских земель по обе стороны от Магадана, особенно в бассейне реки Тауй. Это единственный регион Колымы, где можно выращивать картофель. Пожалуйста, Михаил Иванович.

Табышева привезли на Колыму раньше других агрономов. Он оказался «на крючке» у сотрудников Ягоды и Ежова вскоре после «дела» Чаянова и Кондратьева. Его понизили в должности, сделали рядовым сотрудником отдела овощеводства. Он понимал, что это значит, «сушил сухари», но тогда его лишь отправили в дальний от Москвы район. Казалось, что на этом все плохое и кончилось. Но в 1935 году за ним все-таки приехали и повезли уже в фургоне с надписью «Фрукты-овощи» в Лефортово. Без особенных церемоний он получил пять лет и поехал в Нагаево. Какая-то добрая душа с этапного двора в Магадане записала его не в приисковые списки, а в только что нарождающийся совхоз в Балаганном, на берегу Охотского моря. Стоило Табышеву познакомиться с архивами местной метеостанции и увидеть распаханную равнину в устье реки Тауй, как он поднял шум: при восточных ветрах море не пускало воду широкого Тауйя в Тауйскую губу, каждые три-пять лет равнина основательно затапливалась вместе со всем, что на ней вырастало. Какое тут «расширение площадей»? Сумасшествие...

С явным желанием отыгаться на специалистах, райотдел НКВД стал искать инициатора «вредительского плана». Он нашелся. И оказался... генералом Комаровым, заместителем комиссара госбезопасности третьего ранга начальника Дальстроя Никишова. Как истый чекист, он, не задумываясь, дал команду распахать низину под огороды и его команду выполнили. А

летом, в период дождей, все пашню затопило.

Дело, конечно, замяли, а Табышев тем временем уже корчевал лес и распаивал хорошие вейниковые поляны в двадцати километрах от Балаганного. Там строили поселок и зону, поднимался будущий центр большого совхоза. Балаганное осталось как отделение совхоза.

На семинаре Михаил Иванович изложил программу: побережье Охотского моря к востоку и западу от Магадана может стать крупным картофельным и овощным комбинатом Дальстроя. Там можно облагородить сотни и сотни гектаров приличной естественной земли, освоить и улучшить много лугов, они способны прокормить молочное стадо и бычков, будут снабжать Магадан молоком и мясом. Значит, будет и навоз для пашни. Он настаивал на создании в этой зоне филиала опытной станции.

Слава Богу, что еще оставались на Колыме такие люди, как Табышев, с идеями по-русски размашистыми, убежденные в правоте высказанного, способные зажигать сердца бесспорной истиной и логикой доказательства!

Гораздо скромнее оказались предложения агрономов Сусумана, Сеймчана, Эльгена. Они могли увеличить пахотные земли на сотню-другую гектаров, построить еще десяток теплиц. И все.

Дальнейшие разговоры о почвах, климате и о возможностях земледелия на этом семинаре переместились в область освоения колымской Ойкумены, где природа предоставляет гораздо лучшие условия для деятельности человека: побережья.

Вот такие проблемы и возникли на этом скромном семинаре, чтобы дать ход практическим делам. Фигура Табышева, его идеи поднялись над скромными предложениями агрономов. Небольшие совхозы не могли решить проблемы продовольствия для заключенных, и об этом было прямо сказано и принято специалистами.

Как ни грустно вспоминать, но тогда превосходная мысль Табышева не нашла настоящего развития. Планы оказались на столе генерала Комарова, а затем и комиссара госбезопасности Никишова, но были отодвинуты скорее всего по политическим мотивам. Приоритетной оставалась однажды заданная цель: заключенные должны умирать после того, как из них на приисках будут вытянуты последние силы. За год-другой каторжного труда они дадут немало золота. На место погибших привезут других. Страна большая, на ее людских ресурсах можно поддерживать своеобразное, четко разработанное движение людских масс. В данном случае ускоренное движение, подгоняемое тираническим режимом к смерти всех неугодных режиму. Кстати, уже

испытанное при коллективизации и вселенском голоде начала тридцатых годов...

Во все дни семинара Морозов ухитрялся встречаться со своей невестой, как называл он про себя Олю. Чаще всего они виделись в лаборатории энтомологии, реже — в основном здании опытной станции, а то и просто в укромном уголке поселка, где меньше любопытных глаз. Подруги Оли в таком случае стояли на страже, чтобы парочку «не засекли» вохровцы.

— Как только ты распишешься в получении справки — немедленно телеграмму мне, — в который раз наказывал Сергей.

— Ты знаешь, я очень боюсь, — шептала она. — Всего на свете боюсь. И повода нет, а вот страх, он просто сковывает меня. Ты еще раз объясни, как ехать в Сусуман, вдруг моя телеграмма не придет вовремя... Все бывает.

Он еще и еще раз объяснял, как ехать, просил, чтобы непременно с утра, дни стояли еще долгие, можно было доехать за день. Ни в коем случае не в ночь! Люди на трассе такие, что...

Она с готовностью соглашалась, в испуганных глазах ее стояли слезы, волю сковывала какая-то неуверенность: придет в этот Сусуман, а Сергея там нет... Откуда эта вздорная мысль, объяснить не могла. Стадное существование в лагере, где плохо, сумеречно, но все-таки не в одиночестве, где женщины понимают движение души каждой, особенно молодой, где заступятся, защитят — эта жизнь грозила отодвинуться, оставив ее, одинокую, в страшном мире, населенном не только людьми, но и чудовищами.

— Да-да, я извещу тебя заранее. Число ты помнишь?

И вдруг заплакала. Подумала — а почему, собственно, она уверена, что ее освободят? Скольких уже из их барака вызывали, давали расписаться в бумаге, где написано: «по отбытию срока наказания», а потом оперчек ленивым, рассчитанным движением руки открывал свою папку и подкладывал постановление о втором сроке, определенном «тройкой» или Особым совещанием. И снова барак, истерика, утешение соседок по нарам, напрасное утешение, которое не доходит до сознания, затемненного страхом. Сколько самоубийств по ночам!..

Она уходила, а Сергей с растрепанными чувствами шел к коллегам, которые уже собирались к отъезду.

Табышев самым энергичным образом заявил Морозову:

— Ты вот что... Не засиживайся в Сусумане. Надо собирать силы в единый центр на побережье, там место для агрономов. Хорошева мы заберем в Дукчу, это почти наверняка. А потом и тебя двинем ближе к Магадану. Просись на фронт, добывай

справку о непригодности климата при плохом здоровье, подбирай себе замену. Мы такую работу развернем на побережье, чтобы все лагеря получали овощи, ведь это великое дело — поддержать народ своей картошкой, капустой, рыбой! Ты знаешь, как горбуша и кета идут на нерест по Тауйе? Воды не видно, сплошные спины! Только успевай таскать. А земля! Ее в ладони возьмешь — родиной запахнет, почти как огородная в Подмоскowie.

На другой день радостно-приподнятый и слегка ошарашенный событиями Морозов вернулся в Сусуман.

Вечером перед сном сказал Александру Алексеевичу:

— Кажется, я нашел себе жену.

— Как это? — Орочко привстал на диване.

— Так вот и нашел. В Эльгене. Она освобождается в первых числах августа. Я поеду за ней. Или сама приедет.

Топограф с чувством пожал ему руку.

— Поздравляю. Сердечно поздравляю. Ваше дело молодое, семья и все такое. Но никому ни слова, прошу вас. Есть такая примета...

— Это точно. Но вам-то я не мог не сказать.

— Спасибо.

Слух действительно не просочился, никто и ничего в совхозе не знал. Через несколько дней Орочко перебрался в домик, где жил Берлавский. Дверь в дверь с его комнатой.

— Что-нибудь произошло? — спросил Михаил Семенович.

— Решительно ничего. Я давно собирался. Вы знаете, наверное, как Сергей Иванович работает по ночам? Трудно спать при свете... Да и тесно.

— А здесь? — усомнился Берлавский. — Разве просторней?..

— Ну, все же. Хоть и фанерные, но перегородки.

...Как это в жизни бывает, все произошло совсем не так, как было задумано и предполагалось.

Подошел и прошел день, которого так ждал Сергей. Дважды был на почте — телеграммы нет. Естественно, почти не спал ночь, ехать в Эльген поздно, опасность разминуться в дороге очевидна, оставалось только ждать, мучительное состояние! То и дело ходил к трассе, провожая глазами машины. Что же случилось? Решил, что подождет еще день и отпросится у начальника для поездки в Эльген.

Работал, ходил-ездил по полям, вдруг накричал на Берлавского, по вине которого простоял трактор. Тот побледнел и чуть ли не бегом бросился на заправку, а Сергей сходил на конюшню, оседлал своего коня и крупной рысью пошел по дороге на Челбанью, где в двух километрах от последнего поля нашли они с Орочко подходящее место под парниковое хозяйство. Там

корчевали пни, работали плотники. И здесь он обнаружил беспорядок, сорвался, едва удержался от грубости и, ничего по существу не сделав, усакал в поселок, на почту.

— Вам ничего нет, — сказала равнодушная дама.

Под вечер, измученный неизвестностью, Сергей сам отвел коня и неторопливо пошел домой, решивши завтра ехать в Эльген. Самые мрачные мысли рождались в его голове. Не выпустили?.. Или, отчаявшись ждать, поехала на свой страх и риск сама? И где-то, почему-то застряла. Боже мой!..

Опустив голову, он сошел на мостик и здесь, сняв потную рубашку, заплескался в холодной воде, пытаясь остудить разгоряченное тело. Так в одной майке и поднялся к домику, темневшему за деревьями.

На крыльце лежал узелок, а рядом с закрытыми глазами сидела, прислонившись плечом к двери, его Оля. Она не услышала шагов, видимо, задремала. У Сергея гулко забилося сердце, он подошел и взял ее за руку. Она вскрикнула и вскочила. Глаза ее широко открылись, чего-то хотела сказать, но слезы уже полились и она уткнулась лицом в плечо Сергея.

— Что с тобой? Как ты решилась ехать одна? Почему не известила? Когда приехала, как отыскала? Ну, не надо плакать, я тоже не знаю, как пережил эти часы. Собрался завтра ехать в Эльген, искать...

Они вошли в домик, сели, обнявшись. Страхи потихоньку отходили. Эта проклятая почта... Телеграмму она дала еще позавчера. И ждала его сколько могла. Не дождалась, и вот сегодня чуть свет...

— Уже часа два сижу здесь. И ни одного человека! А за ручей идти боязно.

— Ведь за ручьем агробаза! Показалась бы там.

— Страшно. Чужие люди. Охранники.

— А что они тебе? Ты свободна.

— В это сразу и не поверишь. Мне бы теперь помыться. Я вся в пыли. Ведь в кузове тряслась.

И тут Сергей с удивлением, с какой-то даже тревогой провел ладонями по ее голове.

— А где же коса? — не сказал, а закричал.

— Коса? Вырастет. Очень скоро. — Но зачем ты?..

— Дикая история. Я откупилась именно своей косой.

— От кого?

— От дамы в учетно-распределительном отделе. Она дала понять, что документ об освобождении не может выдать, пока... Ну, в общем, кого-то нет, она, конечно, решится побеспокоить начальника и дома, если я... А у меня всех денег четырнадцать

рублей. Вот она и предложила, чтобы косу... Цвет волос, видишь ли, у нее подходящий, ей так хочется, а свои не растут. На том и сошлись.

— О, глупая! Могла бы меня подождать, ведь договорились.

— Лишний день в Эльгене? У чужих? Ни за что! А коса — она вырастет. Девчонки сказали, что с такой прической я... Ну, в общем, не проигрываю. Или ты не так думаешь?

Сергей представил себе, что она пережила. И не к месту засмеявшись, только махнул рукой.

— Ты со мной, а все остальное... Посиди пять минут, плита теплая, ставь чайник, в столе хлеб, сало, все другое. Я — мигом. У нас есть душ, схожу распоряджусь, и ты вымоешься, а я покараулю тебя, чтобы не украли.

Никакой-такой свадьбы, никакого праздника по этому поводу в совхозе не состоялось. Не то время. И совсем не обычные отношения. Тихая радость не сразу заполнила их сердца. Правда, приходили и Хорошев, и Орочко, и Берлавский, поздравляли, выпивали и закусывали, но Оля чувствовала себя очень стеснительно, говорила мало, смеялась сдержанно. Отвыкла от нормального общества. Теплота общения, начисто срезанная долгой лагерной жизнью, еще не вернулась к бывшей студентке педагогического института. И не скоро еще вернется.

Совсем по-другому получилось, когда Сергей повел свою жену на агробазу, чтобы показать, чем они тут занимаются. Любопытство тепличниц было, конечно, бескрайним. Удивлялись: почему это агроном не нашел себе жены в Сусумане, а привез издалека, хотя тепличницы не раз могли наблюдать, как заигрывали с Морозовым даже поселковые дамы, приезжавшие за овощами или цветами...

Зина Бауман очень радушно поздравила и своего начальника, и его супругу, подарила им отлично подобранный букет и проводила до мостика, отказавшись зайти к ним.

— Можно я буду работать у вас? — вдруг спросила Оля сразу и мужа, и Зину. — Я так люблю цветы, готова всю жизнь ухаживать за ними, любоваться ими!

— Это желание надо высказать нашему агроному, — Зина улыбнулась. — Они с главным подбирают кадры. У вас есть шанс...

Забот у Морозова-мужа явно прибавилось, и таких забот, о которых он вообще как-то не думал. Дом молодых был пуст, как далекая лесная сторожка. Ни стульев, ни посуды, ни белья, не говоря уже о самой необходимой одежде. Денег в столе куча, но купить на них ничего нельзя, все по талонам, по карточкам, и вообще самого нужного в поселке — кот наплакал. Слово

«купить» на Колыме с самого ее начала обрело иронический смысл. Можно было только достать, но это уже особая, сложная и скрытая наука. Сергей да и Хорошев как-то обходились без доставания, но вот теперь суеты добавлялось.

И тут Морозов вспомнил, как можно достать. Плановик Романов, делец...

Тот словно знал, что Сергей Иванович рано или поздно обратится к нему с поклоном. Выслушав его с лицом значительным и озабоченным, плановик помолчал, словно решая в уме алгебраическую задачу и, наконец, молвил:

— Попробуем. Конечно, в пределах возможного. Но запасись встречным продуктом, без этого никак не обойтись. Так на так. Придется просить начальника, чтобы выписал огурцы, помидоры, лучок. Думаю, тебе он не откажет, ведь в крайнем случае ты и сам можешь...

Кланялся Сергей и начальнику, и Хорошеву, выписывал, краснея от непривычных просьб, но куда же денешься! И относил купленное плановику, тот осматривал, говорил «принято, первый сорт» и прятал в свой стол.

Вскоре в домике агронома похорошело. Появились занавески, белье, скатерть и посуда. Оля взялась шить себе платье и, похоже, просто наслаждалась этим забытым трудом, таким желанным для каждой женщины.

Шла уборка урожая, день и ночь возили, рубили, квасили капусту, пряный дух лаврового листа, перца и уксуса стоял у кладовки, где мастерицы-тепличницы готовили маринады для закусок и солений, предназначенных для стола высокого начальства.

В один из таких насыщенных дней на агробазе раздался звонок: Хорошева срочно в управление. Главный был на дальнем поле, тогда приказали явиться Морозову. Около управления стояли черные «эмки» и громадный тоже черный «ролл-ройс», машина начальника Дальстроя Никишова. Понятно. Тоже гурман...

В приемной прохаживался Кораблин, сидели незнакомые военные с дерзкими, ощупывающими глазами.

— Наконец-то! — Кораблин поздоровался и подтолкнул Сергея к раскрытым дверям своего кабинета. Сказал с почтением в голосе:

— Комиссар госбезопасности товарищ Никишов пожелал откушать наших продуктов. Что можете предложить?

Морозов перечислил, что у них было.

— Качество гарантируете? Ведь это, понимаете ли...

— Хорошие маринады, только что приготовленные.

Бочоночки по семь-восемь кило.

— Значит так. Два, нет, три бочоночка. Помидоры, огурцы, что там еще найдется?

— Пикули, маленькие огурчики, цветная капуста, лук-репка.

— Прекрасно. Садитесь в машину, туда-сюда за десять минут.

Он ждет, сидит у Нагорнова.

В приемной Кораблин кивнул одному из военных, майору:

— Вот с ним, агрономом. И привезите сами, Морозов, чтобы я видел.

Впервые в жизни Сергей Иванович с какой-то опаской сел-утонул на пышном заднем диване «ролл-ройса», сказал майору куда. Машина неслышно и стремительно рванулась. Хорошев уже был на агробазе. Сергей сказал ему, услышал «не в первый раз», и через несколько минут в багажнике уже стояли бочонки, а он снова сидел, не ощущая толчков на избитой дороге, дивясь совершенству машины. Главный палач Колымы не переносил дорожных неудобств.

Кораблин стоял у подъезда, вместе с майором он осмотрел груз, почувствовал острый запах, вызывавший аппетит. Из подъезда вышел короткий и толстый человек в плаще, лицо его было пятнисто-лиловое, суровое. Нагорнов шел чуть позади. Около Сергея тотчас появился еще майор, никишовский взгляд скользнул, царапнул по лицу Морозова и с вопросом на Нагорнова, без слов.

— Агроном совхоза, Иван Федорович, — сказал Нагорнов тем сладким голосом, который в нем и не подозревался.

— Ага! — комиссар сунул руку Нагорнову, запахнул плащ и сел в раскрытую машину. Она исчезла, как привидение.

Несколько напряженные начальник совхоза и Хорошев стояли у конторы, ожидая Морозова.

— Ну, что он? Сюда не приедет? — спросил начальник.

— Кажется, нет. Пошел по трассе.

— Слава Богу, — вдруг сказал начальник. — Чем реже встречаешься с таким начальством, тем лучше.

В тот теплый и безветренный вечер Морозов с Олей пошли в кинотеатр.

— Я была в кино более пяти лет назад, — сказала Оля.

— Я, кажется, тоже пять. Если не больше. Такой фильм, столько разговоров о Лоллите Торес! Мы себе не простим, если не посмотрим, да?

И в фойе, и в толпе Оля держалась за руку Сергея очень крепко, боясь оторваться даже на секунду. На них оглаживались. Пара была хороша: молодые, красивые, опрятно одетые. А уж фильм смотрели, слушали обаятельный голос всемирно

известной певицы просто застыв от счастья. Господи, оказывается, еще существует широкий многоликий мир, он живет и радуется, люди там ходят свободно, без конвоя, веселятся, щеголяют прекрасными одеждами, строят красивые дома и даже дворцы — пусть это и очень далеко, но кино способно передать и сюда картины благополучного общества, поколебать уверенность, что унылое проживание в бараках, где в скотском состоянии ютятся рабы, — естественно... Рабы, если и думают о чем-то, то лишь о хлебной пайке, о теплой печке, о возможности поспать при двенадцатичасовом рабочем дне. И не оглядываться на вышки, откуда на тебя нацелен ствол винтовки...

Морозовы не спеша шли домой, а радио передавало вечернюю сводку с фронтов войны. И хотя голос Левитана был спокоен, фразы расчетливы, сводка оставляла гнетущее впечатление. Немцы все еще недалеко от Волги... Бои на Кавказе. Бои за Вязьму и Ржев, Ленинград вызывает жгучее сострадание — кто там остался в живых после суровой и голодной зимы? Все чаще произносилась фамилия Рокоссовского. Сергей сказал:

— Он тоже сидел в тюрьме. А другие самые видные военные отправились вслед за Тухачевским в мир иной... В лагерях и сегодня много командиров, и ни одного не послали на фронт, хотя заявления были ото всех... Понять невозможно. Почему? Для какой цели подобная жестокость и недомыслие?

— Не надо об этом думать, Сережа. Опасно. Где-то найдется ухо... В Эльгене только что «разоблачили» группу женщин — родных уничтоженных командиров. И всем добавили срок, отправили на лесоповал, это уже безвозвратно. Я заклинаю тебя: не вступай в разговоры о войне, о политике. Здесь всюду доносчики. Нам с тобой надо пережить эти дикие годы. Не вечно же они будут тянуться?!

Они говорили вполголоса, Оля часто оглядывалась — не подслушивает ли кто. А Сергей все говорил.

— Ты знаешь, в первые дни войны у нас началась была военная подготовка. Ну, обучение перед тем, как отправить на фронт. А потом вдруг отменили, военрука посадили, хотя он был опытным офицером в мировую войну и в гражданскую. Только-только освободили. И опять... Мы поняли, что подготовка кому-то показалась опасной: ведь мы можем с винтовкой и на своих палачей повернуться... Так и закрыли всеобуч.

— Не надо об этом, — Оля ласково прижалась к его боку.

— Хорошев как-то сказал, что скоро начнется перелом в войне, что немцы никогда не смогут осилить Россию, даже такую расхристанную, как нынешняя. Идут переговоры о более тесном союзе с Америкой. Американцы все сильнее бомбят Германию,

разрушают ее промышленность. Представляешь, вдруг однажды радио объявит: победа! Победа! Вот тогда и лагеря распустят, в такие радостные праздники всегда отпускают даже настоящих преступников. А уж нашего брата!..

Они свернули с трассы и шли по полевой дороге к агробазе. Вокруг в три стороны открывались совхозные поля, сразу за полем — аэродром, где нечасто появлялись маленькие «У-2», летавшие по местным маршрутам.

...Грохот, который, нарастая, обрушился на долину сверху, — неслыханный и тяжелый — заставил их остановиться в смятении. На северо-востоке небо ослепительно засияло, грохот перешел в свист, и они увидели, как на бетонные плиты аэродрома в полутора километрах от них сел самолет. Следом приземлялся второй, в свете его прожекторов уже катившийся по полосе первый выглядел отчетливо: он был непривычно-горбатым, высоконогим и хищным, как коршун. За вторым садился третий, еще два...

Зрелище пугало. А вдруг это японские или немецкие? Но поселок был по-ночному тих, сумрачен и спокоен. Никто оттуда не бежал; по шоссе как всегда двигались грузовики, яркий свет на аэродроме погас, рокот поутих. Кажется, сели шесть или больше самолетов.

— Сейчас узнаем, — сказал Сергей и ускорил шаг. — Это что-то новое...

У конторки агробазы стоял Хорошев, рядом ночной сторож и охранник. Опередив вопросы, главный сказал:

— Вечером сюда приезжал ваш дружок Ондрюшенко с аэродрома. Весь сиял от счастья. Они получили открытым текстом радиограмму: из Сеймчана к нам вылетела первая партия американских истребителей. Они следуют на фронт. С нашими летчиками. Проводят здесь ночь. Оказывается, действует Особая воздушная линия из Аляски в центр России. Друг ваш приезжал за овощами для летчиков. Я его нагрузил, чем только мог. Это же такая радость: великая держава за океаном становится нашим союзником! Рузвельта не остановила не примиримость двух систем, понял, что надо объединиться для победы над диким фашизмом. Вот такие дела, мои дорогие. Переломный момент войны. И мы с вами — первые свидетели этого.

Оля вдруг опустилась на ящик. Она плакала. Сергей поднял и обнял ее.

— От радости не плачут, а ты...

— Еще как плачут, — сквозь слезы сказала она. — Это надежда и для всех заключенных.

Теперь через день, а то и каждый день, чаще к ночи, над

совхозом и домиком Морозова вспыхивал ярчайший свет прожекторов. Истребители освещали посадочную полосу и, выпустив растопыренные колеса шасси, садились один за другим, чтобы тут же разбежаться по краям полосы, освобождая ее для самолета-матки, большого бомбардировщика, от рева которого дрожала земля под ногами. «Матка» садилась, подруливала к аэродромной гостинице, и огни там гасли. Темень. Тишина. До утра.

Чуть свет группа машин поднималась, первой взлетала «матка», истребители догоняли ее над Морджотом и уходили на запад.

В совхоз постоянно стала приходить машина, забирала для столовой аэродрома свежие овощи, молоко и творог.

С какой надеждой, даже со слезами на истощенных лицах, встречали и провожали заморскую технику тысячи заключенных в Омсукчане, Сеймчане, Среднекане, Бурхале, Спорном, Хатыннахе — везде, где в небе пролежала Особая воздушная линия! Знали, что самолеты водят наши летчики, они проходили курс ознакомления с новой техникой где-то на Аляске и через весь азиатский материк летели к фронту. А обратно набивались в грузовой «Дуглас» и снова принимали машины. Стало известно, что начальником ОВЛ назначен популярный в стране полярный летчик Илья Павлович Мазурук, Герой Советского Союза.

Это наглядное сотрудничество приближало победу над фашистами. С этим днем все заключенные связывали надежду на свое освобождение. Победа не может не вызвать акта милосердия.

Несколько позже прошел еще более добрый слух: между городами Сан-Франциско и Магаданом намечено установить постоянно действующий «морской мост». С нашей стороны для хождения за океан выделяется теплоход «Джурма» и назначен Уполномоченный. Им стал генерал-майор Корсаков, один из заместителей начальника Дальстроя.

Для совхозов — событие особенное: появилась надежда на получение семян овощных культур раннего созревания. Адлерский совхоз, снабжавший страну такими семенами, уже не мог выполнять договорный порядок, и пришлось использовать всякие семена, даже позднего созревания.

Звонок из Магадана, заставший Морозова в конторе совхоза, оказался тем первым сигналом, за которым последовали новые события.

— С кем я говорю? — кричал сквозь шумы Магадан.

— Морозов, Морозов, агроном совхоза!

— Сергей, это ты? Вот удача! Табышев говорит. Нам повезло. Слушай и записывай: сейчас же, срочно — я сижу над бумагой —

передай заявку на семена всех овощей на сорок третий год.

— Записывай! — кричал Морозов, а плановик уже подсовывал листок с цифрами. — Диктую, Михаил Иванович. Капуста номер один... Повторяю. Точно. Редиса... Лук-севок, редька.

Когда диктовка завершилась, Сергей закричал в трубку:

— Почему этим делом занимаешься ты?

— Теперь я главный агроном Маглага, слышишь, Магаданского управления, ну, как ваше Западное. Ему передали все три совхоза. И в главке организовали отдел сельского хозяйства, там Пучков, ты его не знаешь.

— А как же Тауйск?

— Ведем переговоры. Твоя кандидатура на первом месте.

— А Хорошев, Хорошев? — Сергей скосил глаза на стоявшего рядом главного, на начальника совхоза.

— Он хотел в Дукчу, — слышалось в трубке. — Будет в Дукче, передай ему. Больше никому, понятно?

Кто-то врезался в разговор, требовал соединить с портом, многого-лосица прервала разговор, потом возник затухающий голос Табышева: «Вышли заявку почтой, сегодня. А Хорошеву скажи — будет там...».

Морозов положил трубку, вытер вспотевший лоб.

— Что там? — начальник не сводил с него глаз. — При чем здесь Тауйск? Кто говорил с тобой? Почему о Хорошеве?

Александр Федорович отвернулся. Он был бледен от волнения. Вдруг проговорится? Но Сергей сообразил:

— Почему о Хорошеве? Потому что он подписывает заявку на семена, хотели убедиться, что я говорю от его имени. А Тауйск? Тамошний агроном уже в Магадане, вот с ним я и говорил. При Маглаге сельхозотдел.

— Ух ты! — начальник совхоза вдруг выпрямился. — А ты знаешь, кто начальник Маглага? Нет? Капитан Гридасова, Александра Романовна. Все начальство увивается вокруг нее. Даже сам...

И прикусил язык, глянув исподлобья на Романова. Тот и бровью не повел. Не слышал — и все.

— Как удачно, что вы взяли трубку, — говорил Хорошев, когда они с Сергеем Ивановичем шли на агробазу. — И заявку продиктовали, и о нашей судьбе поговорили. А теперь давайте по порядку, что там и как?

— Я вам рассказывал о Табышеве, когда вернулся с Опытной станции. Умная голова, энергичен, настойчив. Как ему удалось освободиться из лагеря?.. Теперь он ведает всеми тремя совхозами Маглага: Тауйским, Ольским и Дукчей. На нас обоих у него особые виды. Велел передать вам: будете в Дукче. Будете!

— Но мое желание и его помощь — это не все. Нужно еще твое, Сергей Иванович, согласие занять мое место. Ради Бога, соглашайся, благо тебя в Управлении знают. Догадываюсь, что и ты хотел бы уехать. Но позволь сначала мне... Не сплю ночами, вижу семью, которая ждет не дождется. Даже могилы отца-матери сняты, там вся родня... Ты знаешь, как тянет человека к месту, где он появился на свет, где его родные и предки! Крестьянская — суть христианская, тяга к своему роду-племени, прямая преемственность пронизывает всю историю России, отсюда берет начало общинное землепользование. Кажется, это понял и умнейший из министров Петр Аркадьевич Столыпин. Столыпинское родовое поместье Середниково недалеко от нашего села. Не поместье — груды битого кирпича и заросших пустырей, но память, память... Между прочим, наше село дольше других держалось при массовой коллективизации, пока не разогнали мужиков по лагерям. И меня чуть позже. А какие огороды у нас были! Как мы гордились пудовыми кочанами капусты, огурчиками один к одному! Э, да что там говорить!..

— Вот потому и здесь у вас получается, — вставил Сергей.

— И у тебя получится, поверь старому огороднику. Придет к тебе и высокое мастерство, и опыт. Он уже есть!

— Как на это посмотрит Нагорнов или Кораблин?

— По секрету: у меня уже был разговор с Нагорновым. Прямого согласия на отъезд не дал, но обнадежил.

— Ведь и я хочу...

— Повремени. И поедешь, куда тебя тянет.

ПРЕДАТЕЛЬСТВО

Чуть свет к Морозовым в окошко осторожно постучали. Сергей хмуро поглядел на часы. Половина четвертого, еще не рассвело. Он быстро оделся, сказал Оле, чтобы заперла за ним дверь, добавил:

— Я тут, на агробазе, не беспокойся.

У порога стоял ночной сторож. Осмотрелся и тихо сказал:

— Орочко арестовали. Только что. И увезли.

— Бог ты мой! Кто?

— Они приехали на машине, трое. Ворота агробазы были заперты. К домику Орочко шли пешком. Там свет зажегся, какой-то разговор. Берлавского вытолкали. Долго рылись, чего-то искали. И Орочко увезли с собой.

— Давай к Хорошеву. Разбуди и скажи.

Застегнув плащ, Сергей пошел к домику Орочко. Берлавский сидел на пеньке у входа. Голова опущена, подбородок на груди, руки висели. Поза высочайшей печали.

— Кто приезжал? — спросил Морозов.

— Из НКВД. Оперчек и еще двое. Меня прогнали, чтобы не мешался. Вот и сажу, не знаю, что делать. Все у нас перевернули, чего-то искали. Александр Алексеевич был не в себе, руки у него дрожали. Свой нагрудный крест поцеловал — и тут же у него крест отняли. Меня лихорадка била, не могу и сейчас успокоиться.

Сухие черные глаза его были широко открыты, взгляд безумный.

— Как ты думаешь, за что?

— Не знаю. Вот так и за мной могут приехать.

От водокачки быстро шел, спотыкаясь, пожилой моторист. Не доходя несколько шагов, остановился, поманил Морозова. И когда тот подошел — с предчувствием чего-то недоброго — услышал тихое:

— Дениса Ивановича увели. Нет, не лагерные, а которые в шинелях до пят. Я ночевал у него. Вошли, фонариком осветили, Дениса Ивановича поставили в углу, обыскали, взяли из карманов какие-то бумажки и увели. А мне приказали идти на свое место и помалкивать. Я постучался к вам, супруга сказала, что вы ушли.

Берлавский с трудом поднялся. От первого блока теплиц скоро шел Хорошев. Не здороваясь, спросил Берлавского:

— Что вы дрожите? Непривычная ситуация? Идите досыпать. Идите. Мы как-нибудь разберемся.

Кивнув Сергею, главный пошел в конторку.

— Там же никого, — сказал Сергей.

— А нам никто и не нужен. Дождемся шести и позвоним начальнику совхоза. Если кто и способен что-то предпринять, так это он, чекист. Живем, как на вулкане. Строим свои планы, на что-то надеемся, а тут приходят, руки за спину и пожалуйте с нами... Сегодня двух, а завтра кого? И сколько по их разнарядке?..

Чувствовалось, что Хорошев вне себя, говорил он раздраженно, даже гневно. Еще бы! Забрать старика, необходимого для хозяйства топографа, словно им и дела нет до совхоза, до его будущего!

Начальник совхоза появился скоро после звонка, молча выслушал короткий рассказ, схватился было за телефон, но тут же встал.

— Нет, это не телефонный разговор. Попозже пойду к майору Тришкину в райотдел. Это их работа. Что-то у вас на агробазе неладно. Дыма без огня не бывает...

Пока он выяснял, из райотдела позвонили в совхоз и приказали передать Морозову, чтобы явился. Сергей с упавшим сердцем все-таки сходил домой, попил чай, объяснил Оле, что «ЧП» в теплицах, все уладили. И ушел с похолодевшим сердцем. Сидел чуть ли не час в полутемном коридоре, о чем только не передумал. Страх, тот самый страх, вроде бы изгладившийся, ушедший, родился снова, он сковывал, как и в тридцать седьмом, когда его впервые заперли в камере. Вызвал его следователь Овчинников, старший оперчек. Романов как-то показывал на него: «Тот еще чекист...».

— Морозов? — и оглядел с ног до головы. — Заходи, Морозов. Вот сюда садись, потолкуем. Ты не баптист, случаем? Нет? А не куришь. Ну, конечно, верующий. Чего молчишь? На вопросы следователя надо отвечать. Так вот... Как же это у тебя под носом действовала секретная церковь? Свои грехи отмаливал там?

Этот тон, усмешка, намеки вывели Сергея из себя.

— Вы либо сон плохой видели, либо начитались детективов. Какая еще церковь, да под боком? У меня под боком агробаза, которая вас кормит, у меня дел по горло, а я сижу и бред какой-то слушаю. Объясните русским языком, без всяких этих...

— Ты мне не указывай, что делать, — уже другим тоном отозвался следователь. — Как-нибудь семь лет... Ладно, начнем сначала. Дениса Ивановича Волошина знаешь?

— Отлично знаю. Жестянщик совхоза, мастер. Жестяная недалеко от моего дома.

— Бываешь там?

— Ну, а как же. Дела. И старик он приветливый.

— О чем же разговоры?

— О ведрах-лейках. О железе, которого не хватает. О желобах в теплицах, словом, о работе.

— На жизнь он не жаловался?

— Нет. Не в забое все же. И не в зоне. Летом ночует в мастерской. И производству польза, всегда под рукой.

— Ну, о войне-то разговаривали, конечно?

— Представьте, нет.

— Могли бы и о даровании победы помолиться. Называется молебен.

— Какой еще молебен? — Сергей вспыхнул. Отец Денис однажды пел молебен, точно.

— А чего зарумянился? Врешь ведь.

— Вы вот что... Я выдумывать для вас сказки не намерен. Других ищите.

— Ну-ну, найду и других. Вдруг укажут на тебя? Какое-то время Орочко жил с тобой? Ты знал, что они с жестянщиком друзья?

— Орочко от зари до зари в поле. Проверка термометров на площадке. Топографическая съемка.

— Знал, что они дружили? Отец Денис общительный человек.

— Почему отец Денис?

— Потому что он поп, священник. Тоже не знал? И Орочко не говорил?

— Нет. Может, и Орочко священник? И начальник совхоза? Кто их знает?

— Пошути, пошути. Жили вместе и все молчком. Странная жизнь. По утрам не крестился он?

— Не замечал. Стеснительный интеллигент. Да и разница в возрасте... За что же вы Орочко арестовали? Ну, Денис Иванович, по-вашему, священник, хотя это не преступление. А Орочко кто? Архиерей?

— Ты больно остер на язык, Морозов. Смотри, как бы не загреметь... Итак, к делу. Возле тебя, в дружбе с тобой два антисоветчика. Они вот тут, за стенкой, по камерам сидят. А ты передо мной. Вот бумага, вот перо, выкладывай все, что знаешь об арестованных. И как они молились, пели. И как к ним ходили, кто ходил. А вот эти листы — протоколы допроса, подпишешь сейчас, при мне.

И зачем-то вышел. Но в кабинете сразу же возник младший лейтенант, сел с книгой в руках, все поглядывал на Морозова.

Уже прошедший эту «школу», Сергей не спеша читал протокол, жирно вычеркивал все, что прибавил от себя

следователь. И расписывался. Три листа. На последнем приписал: «Знаю Д. И. Волошина и А. А. Орочко как отличных работников, они хорошо помогают сельскому хозяйству Дальстроя. Прошу разобраться в недоразумении и вернуть их на работу».

Больше ему делать было нечего. Успокоившись, стал поглядывать на своего сторожа, взгляды их встретились и оба улыбнулись. Но младший лейтенант тотчас вспомнил о службе, нахмурился и уткнулся в книгу. А Сергей смотрел в зарешеченное окно, там был двор и проволока, а за ней ярко-зеленое поле капусты. Тот еще натюрморт. В клеточку...

Вошел Овчинников, облизывая губы. Видно, пообедал. Просмотрел листы, нахмурился.

— Приписка-то зачем? Она для них, как мертвому припарка.

— Истины ради. Бьете совхоз по больному месту.

— Выдержит. Не таких брали. И ничего, живем. Ладно, пока можешь быть свободным. Потребуешься — вызовем.

Сергей шел домой, как побитый. Годы проходят, война, голод, каждый старается работать за двоих, лежат под пулями, копают золото, а в этих сволочных организациях ничего не меняется! Все то же, как в тридцать седьмом. Те же кадры, будь они прокляты! Стражи революции, а в сущности палачи и шкурники, занятые сочинением «врагов народа» и успешно избегающие фронта.

Боже мой, что сейчас переживает Оля! Ведь ищет его, никто не знает, где он, что с ним! И Сергей побежал, чтобы скорей добраться до телефона и позвонить на агробазу. Скорей. Скорей!

Позвонил из клуба с полдороги. Трубку взяла Оля. Она сидела в конторке, ждала.

— Ты? Откуда? Где пропал?

— Иду, иду, не волнуйся. В управлении был, задержался. Голоден, как крокодил...

И услышал вздох облегчения. Гудки. А сама плачет, наверное. Уже кто-нибудь сказал о происшествии.

От клуба он шел спокойно, пока не вспомнил о допросе снова. Кто же проследил и выдал двух стариков? Какая мерзость у них на агробазе скрывается?! Кто? Пока это не будет выяснено, покоя не жди. Он перебирал в уме всех, кого видел в мастерской Дениса Ивановича. Вспомнил прораба совхоза, моложавого техника-строителя. Видел он его с Денисом Ивановичем, сидели на берегу ручья, свесив ноги к воде, жестянщик что-то доказывал, а прораб кивал и слушал. Увидел Морозова, вскочил, отряхнул брюки и быстро ушел. Что за человек? Уж не его ли работа? Кто еще? Зина Бауман? Она вне подозрений. Да, еще Берлавский. Конечно, знал, кто такой Денис Иванович, о дружбе Сергея

Ивановича с Орочко тоже знал, но не может же он... И тут ему вспомнились слова Хорошева о страхе. «Трусливые могут стать исполнительными и во всем другом, что прикажут с угрозой». Берлавский чаще всех бывал в жестяной мастерской, мог слышать пение, сходное с церковным, этого уже довольно для доноса. Спросить у агротехника прямо? Он тут же «заложит» и Морозова. В конторе плановик сказал:

— Искали тебя, звонили. Где пропадаешь?

— В поле. Кому нужен?

— У вас там «ЧП». Орочко вашего и жестянщика забрали.

Сергей промолчал и вошел в кабинет. Капитан выглядел рассерженным, злым.

— Ты где был?

— На допросе. У следователя Овчинникова.

— Ну и что?

— Требовал разоблачить служителей церкви, которые и в лагере верят в Бога, молятся и поют. Но я следователям не помощник. Не подслушиваю.

— Майор Тришкин звонил мне. Упрекал в потере бдительности.

Хорошев прохаживался по кабинету. Лицо его было строгим.

Сказал:

— Специалиста потеряли. Где найдем такого?

— Раньше надо было думать! — капитан вдруг повысил голос. — Теперь и я уже виноват. Заступаюсь за арестованных.

— До нас с Морозовым доберутся, вы уже не заступитесь, — съязвил Хорошев.

Начальник совхоза посерел. Упрек попал в цель. А что он может? Доложить Нагорнову, только и всего. Тот отмахнется. Тришкин не в его подчинении, в Магадане есть секретный отдел, там полковник Сперанский.

— Кто же у вас капает? — уже другим тоном спросил капитан.

Но ответа не получил. Агрономы молчали. Ведь и на капитане была форма НКВД...

И вдруг услышали:

— Пока на агробазе не было новенького, ничего такого не случилось.

И оглядел одного, другого.

— Новенький, новенький... Сами уже думаем, — ответил Хорошев. — А доказательства? Увы...

— Суд будет, свидетели предстанут, — добавил Сергей.

— Какой там суд! — взорвался капитан. — Тройка, шито-

крыто, в кабинете. Отправят в тартарары, вот и весь суд.

— Мы пойдем, товарищ капитан, — сказал Хорошев. — Других дел полно.

На полевой дороге главный остановился, прищурился.

— Знаешь, надо присмотреться к этому Берлавскому. Он ведь будет встречаться со своими «работодателями». Очная ставка и все такое. Возле райотдела у нас капуста, там звено работает. Попроси-ка знакомую женщину, чтобы присмотрелась.

Через день сообразительная крестьянка подошла к Морозову, сказала с обидой, чтобы слышали все:

— Вчерась агротехник пришел сюда, мы пожаловались, что тяпки затупились, он пообещал и забыл, видать. Вы уж подскажите...

— Непременно, — подхватил игру Сергей. — Он от вас на агробазу пошел, через поле?

— Вышел на трассу, вон туда, в обход тюрьмы.

— И не оглянулся?

— Оглянулся. И не один раз. Даже постоял. Потом ушел.

Отозвав женщину в сторону, Морозов тихо сказал:

— Загулял он. Бабенка у него здесь. Надо бы ему выговором за безделие, да не пойман — не вор. Ты погляди, куда он на трассе заходит, его красotka тут живет...

Чушь городил, сам себя ненавидел, но как-то надо добираться до истины! Если Берлавский заходит в это учреждение, то улика весомая. Одно дело по вызову, как вызывали Морозова, другое, когда идет тайком.

Вместе с Хорошевым они чаще стали бывать на том поле. И однажды старшая звена пошла им навстречу.

— Опять тупые тяпки? — спросил Морозов.

— Вострые, вострые, Михаил Семеныч расстарался. Был два раза, даже сам поработал с нами. И все туда посматривал, на трассу. Потом и сам пошел, мы как раз сели отдыхать, оттель всю улицу видно. Зашел в первый дом, с крыльцом который. Долго не выходил, выскочил — и в поселок...

— Да, присушила его краля, — с недобрый смешком отозвался Морозов.

Когда остались одни, переглянулись.

— Не улика, но все же. Наверное, надо его прямо спросить.

— Нет. Расскажем капитану, пусть разберется. Иначе райотдел отыграется на нас с тобой. Они своих сексотов оберегают. Если капитан «расколет» Берлавского, то станет известен и второй мерзавец. Видимо, это все же прораб, его в совхоз перевели с прииска, тут и освободили. Я поговорю с капитаном. Ты ничего не знаешь и не ведаешь, тебя допросили,

второй раз с ними лучше не встречаться. И, ради Бога, ни слова об этой истории жене. Вы еще не расписались?

— Нет. Оля что-то откладывает. Не могу понять почему.

Минула еще неделя, другая. Никого и никуда не вызывали. Капитан, конечно, имел разговор с Берлавским, но агрономов о том не извещал. Судьба арестованных его уже не занимала, знал, что «тройка» в своей «работе» брака не допускает. Но осведомителей в совхозе терпеть не хотел, они могли оклеветать кого угодно, даже его самого.

В день заседания «тройки» ни Берлавского, ни прораба Муханова на работе не оказалось. Они появились к вечеру. Капитан пришел на агробазу, поманил Берлавского в конторку и запер за собой дверь.

Кто видел, как вышел после долгого разговора агротехник — с потухшими глазами, неровным шагом, как, спотыкаясь, добрел до своего жилья и не выходил оттуда до ночи, — тот сделал для себя вывод: это раздавленный человек. И не капитан был тому виною, а собственный зловещий поступок, который нельзя оправдать. Сказавшись больным, Берлавский передал через пилорамщика заявление Хорошеву с просьбой об увольнении. Приказ был написан в тот же день. Больше этого человека в совхозе не видели.

Капитан намекнул, что агротехник, кажется, получил разрешение на выезд с Колымы. Иудины сребреники помогли...

— Другого доносителя он назвал? — спросил Хорошев.

— Нет, конечно, тем более, что мы уже угадали его. Прораб Муханов. Как его обрабатывали и где — не знаю. Берлавскому больше досталось на следствии. Били его. Прораб у нас не задержится. Черт знает что делается! — вдруг вырвалось у капитана. — Опять взялись сажать. Конца-краю не будет!..

И прикусил язык. Хорошев взял его под руку.

— Спасибо за доверие, за вашу позицию, Николай Андреевич. Вы правы в своем гневе. Чем это грозит обществу, даже представить трудно. Война, а они... Дело надо делать, а мы все ходим и переживаем: вдруг в совхозе остались еще сексоты? Работа на ум нейдет.

ПЕРЕЛОМНЫЙ ГОД

Между осенью и зимой на Колыме устанавливается недолгая пора, когда трудно понять, что за время года на дворе.

Замерз и не опал побуревший лист на деревьях. Небо неделями не меняло своего пепельного цвета. Ни ветра, ни солнца. А ночные морозы доходили до двадцати ниже нуля. Промороженный грунт таил под собой и талую землю: когда по полю шел трактор, то стоял гул — это содрогалась корка мерзлой поверхности.

Именно таким был октябрь сорок третьего в Сусумане. Поля оголились, в теплицах добирали последние помидоры, из коридоров выносили охапки ботвы и стеблей, а печи еще топили; впереди была тяжелая работа — смена почвы на стеллажах, зимняя приборка и очистка парников от сгоревшего навоза: отдав тепло растениям, навоз превратился в черный и жирный перегной. Место его было на полях.

В этот месяц почта принесла в Западное управление запрос из Магадана о переводе главного агронома А. Ф. Хорошева в совхоз Дукча.

Кораблин побывал с бумагой у Нагорнова, тот вспыхнул, оскорбленный, и тут же вспомнил свой разговор с Хорошевым, добрый, даже товарищеский, что редко бывало с подполковником. Он обещал Хорошеву отпустить его. И, к удивлению своего заместителя, сказал:

— Да, у нас с ним был разговор. Я в принципе согласился. При условии равноценной замены. Кого на место главного?

— Тут проблемы нет, — ответил Кораблин. — Морозова.

— Справится? Молодой еще. И без высшего.

— Зато с головой. Вы его статьи не читали? В журнале?

— Нет. Он писал? Смотри-ка, я не знал...

— Но ему надо помощника. Запросить?

— Конечно. Дел много. Смотри-ка, почти на сорок процентов урожай прибавили. Даже Комаров похвалил. Вызывай Морозова, как он посмотрит на такой перевод?

Через несколько дней Сергей Иванович Морозов стал главным агрономом совхоза Сусуман.

Хорошев уехал в Дукчу. Одолеl первый этап на пути почти в десять тысяч километров от места рождения, от детей, от семьи.

В октябре домик Морозова почти целыми днями пустовал.

Сергей уходил рано, поэтому и Ольге приходилось подниматься чуть свет. Она растапливала плиту, кипятила чай, разогревала оладьи и мясные консервы. Подавляя зевоту,

накрывала на стол, они завтракали, поглядывая в широкое окно, где через оголенные кусты и деревья был виден второй тепличный блок и парники перед ним.

Уходили вместе, дверь запирали на два замка. Двое оконных ставен не открывали, свет проходил только через окно, что на агробазу. Считалось, воры забраться с этой стороны не могут: близко конторка, где постоянно толклись люди. В общем, на виду.

Сергей встречал бригады тепличниц и парниководов у ограды, уточнял — кому и что делать. Зина Бауман докладывала, кто не вышел на работу и кем можно заменить. Часто на замене оказывалась и Ольга, она довольно быстро освоила не только приемы цветоводства, но и все тепличное искусство. Во всяком случае, Зина была довольна ее работой, ее настроением — Оля была от природы музыкальна, любила потихонечку петь за работой и знала бесконечно много хороших песен.

После обхода теплиц Морозов исчезал с агробазы, заходил в контору, шел на конюшню, на стройку еще одного склада овощей почти посреди поля, врытого в бугор с десятком листовенниц. Теперь у агронома была верховая лошадь, славный рыжеватый красавец, по какой-то причине списанный из воинской части. Всадника видели то у бригады, где разгружали навоз, то у другой, где корчевали пни, у механизаторов, прилаживающих бойлеры для подогрева воды, где клепали из листов железа печи. Даже зимой у агронома хватало дел. Домой приходил голодный, веселый, работа ему нравилась.

Оля выглядела все более светлой, глаза ее искрились радостью, вся ее сдержанность, даже некоторая отчужденность, заметная в первое время по приезде, теперь исчезла. Она не огорчалась, когда что-то не удавалось, посмеивалась над своими хозяйственными неудачами.

Перемена в ее настроении произошла непонятно для нее самой, как-то враз, словно открылось в жизни нечто новое и доброе, доселе не замечаемое. И домик их вроде бы осветился изнутри, в нем слышался смех, дружелюбная перепалка и даже молчание было, кажется, наполнено смыслом.

В один из вечеров, когда они лениво болтали перед сном, Оля неожиданно для себя сказала:

— Знаешь, кажется, у нас будет маленький.

И заплакала, уткнувшись в подушку. Сергей растерялся, но мгновение спустя обнял ее, вытер мокрые щеки, поцеловал и спросил:

— Ты уверена?

— Иначе не сказала бы. Я так ждала и так боялась, что эти

проклятые лагерные годы лишат меня материнства. А поделиться с тобой...

Ну, ты понимаешь...

Поднявшись на локте, заглянула сверху в глаза Сергея:

— Ты не раздумал назвать меня своей женой?

— Я тревожился, ведь ты отнеслась к предложению сходить и зарегистрироваться как-то очень равнодушно. Помнишь?

— А я боялась, что бездетная. Кому нужна такая жена?

— Глупая, да какая ни на есть... Завтра и пойдем в этот, как он там...

— ЗАГС. Совсем нелепое слово, а вот прижилось. Но не завтра. Пальто мне сошьют на этой неделе. Обещали. Уже примеряла. Хорошее пальто. И платья есть. А будущее... Да какое оно ни будет, проживем вместе, не одни мы из мышеловки...

В ЗАГСе, который был и паспортным столом, сидели две бледные девицы с равнодушными лицами. За другим столом — рябой пожилой чин в ненавистой для всех форме. Посетителям не предложили сесть, на них просто глянули — красивая молодая пара — затем посмотрели в документы: надо же, недавно оттуда, контрики... И молча занялись бумагами, Ольге Викторовне выписали паспорт — уже с фамилией Морозова, не забыли тиснуть в этот паспорт черный штамп «минус 38» и также молча вручили, не сказав даже приветливого слова.

— «Наш век жестокий, равнодушный»... — уже за дверью продекламировал Сергей Иванович. Но улыбки не вызвал. Ольга не могла успокоиться, вспоминала девиц и рябого, их оскорбительное казенное отношение к новобрачным. Вдохновили, называется, семью. Сказала с какой-то удивившей Сергея решимостью:

— Мы с тобой, Сережа,ждемся светлых дней, рано или поздно, нождемся. Не век же... Ты обратил внимание: на окнах ЗАГСа — решетки. Подумать только!..

Этот вечер они провели вдвоем. Что-то не хотелось приглашать гостей. Да и не было у них, в сущности, близких. Вспоминали Хорошева, Орошко, Савенкова, Аронова, Зину Бауман, Дениса Ивановича. За всех друзей можно только помолиться да выпить, пожелать им добра, где бы они сейчас ни находились. В домике крутился патефон, на столе стояла бутылка с голубичной настойкой, был пирог — наконец-то удался! — с брусникой. Стол, что надо.

Утром Сергей проспал и к разводу не успел. Опоздала на работу и Оля.

Уже в теплице Зина удивленно посмотрела в ее глаза.

— Что-нибудь случилось, Олечка?

— Да, Зина, случилось. Поздравьте. Ольга Викторовна Морозова...

— Сердечно поздравляю, дорогая! Островок радости в общем разгуле скорби. Мы все этого ждали и удивлялись, что вы так долго...

Морозов появился в теплицах за час до конца работы. Через пять минут их окружили тепличницы. Огромный букет Оля едва удержала. Среди смеющихся, задорно возбужденных женщин они прошли до перехода через ручей. Сергей помог жене пройти по мостику, а когда глянул на свою хату, то обомлел.

Вместо окна чернел квадратный провал. Аккуратно выставленная рама стояла у стены. Ахая и охая, Оля взбежала по тропке, сунула букет Сергею, открыла дверь.

Конечно, не было ни нового платья, ни пальто, не было и одежды Сергея. Все съестное исчезло. Зато на столе стояли два стакана до половины налитые настойкой, между ними тарелка с двумя кусками вареной оленины из супа, которого тоже не было. Лежали две вилки, два кусочка хлеба. Воры не хотели, чтобы заместитель начальника совхоза Морозов и его жена легли спать голодными.

Оля и плакала, и смеялась над выходкой грабителей. Сергей сидел на табуретке растерянный: поздравили... В доме стоял чертовский холод.

— Ты хоть бы раму вставил, — проговорила Оля, глотая слезы.

— Да, это мы сейчас... — он схватил клещи, молоток и выбежал на улицу.

Утром к ним пришли начальник совхоза, плановик Романов, механик и зоотехник. Поздравили, поохали, узнав о краже, пожелали счастья, наследников. Уже за полночь на агробазу позвонил Романов и сказал Сергею:

— Давай сюда вместе с женой. Скоренько. Начальник приказал. И деньги возьми, тут покупка предполагается.

В конторе им вручили фанерный ящик. Там было два отреза, разное белье, красивая скатерть, бутылка отличного вина и много банок консервов.

— Кораблин распорядился, когда узнал о происшествии, — начальник совхоза стоял, выпятив грудь. — Вот его поздравление. Тут и сколько-то денег на обзаведение. А этих гавриков-юмористов мы накроем, за свой юмор им придется расплатиться.

— Да оставьте вы их, — неуверенно сказала Оля. — Они по-своему отметили день нашей свадьбы. У них иное понимание жизни.

Самое подробное письмо Оля написала подругам по Эльгену.

И просила сообщить о переменах в ее жизни доброму Савенкову, Аронову и Ларину, которые так много сделали для нее, избавив от тяжелых общих работ. Ведь именно на Опытной станции они встретились с Морозовым. На громадной, как вся Европа, Колыме нашли друг друга...

Через месяц получили письмо и от Александра Федоровича Хорошева. Он работал в совхозе Дукча, дружил с Табышевым. Словом, двигался по тому пути, который наметил для себя. Уехать. Уехать!..

А где-то очень далеко, почти на другой стороне планеты, с ожесточением, дошедшим до предела, все еще продолжалась страшная война. Там гибли люди. Здесь гибли люди. Сколько литься крови?..

О войне на Колыме слышали только по радио. Реальным напоминанием о войне оставались почти ежедневные перелеты военных летчиков на американских «кобрах». В огнях прожекторов, в грохоте моторов, сбросив на подходе к аэродрому опорожненные под брюхом баки, машины проносились над домиком Морозовых, сотрясали всю агробазу и садились, чтобы рано утром снова взять курс на запад, на фронт, потесненный, наконец, отчаянным натиском русских армий.

В тюремной атмосфере Колымы, на каторжных разрезах и вахтах за эти месяцы что-то изменилось. Уже не ходили слухи о массовых расстрелах «за невыполнение норм», все реже видели на трассе машины с фанерными кузовами из Магадана: поток заключенных с материка явно потерял свою страшную размеренность и постоянство.

Зато увеличились перевозки между дальстроевскими предприятиями.

Положив последние силы на каторжных работах, едва живые заключенные попадали в разряд «активированных». От них на приисках спешили избавиться. Только в совхоз «Сусуман» за последний сезон прибыло около полутысячи человек, доведенных до границы между жизнью и смертью. Легких работ в совхозе зимой было мало, выручали теплицы, где всю зиму, по крайней мере в тепле, слабые и больные люди получали посильную работу: прессовали перегнойные горшочки под рассаду. Они получали забытую на приисках пищу — капустные щи с рыбой. Их не держали на морозе, не стояли над душой с проклятым «давай-давай!». Они боялись только весны, когда их, несколько поправившихся, снова могли отвезти на прииски к началу промывочного сезона.

Морозов обходил теплицы, где прессовали горшочки. Он разрабатывал разные составы смеси, добавки к перегною для

ускорения роста. Производство это имело перспективу для всего севера. Обо всем новом, что таила в себе технология горшечной культуры, журнал «Колыма» печатал статьи, в том числе и Морозова. В Сусуман приезжали агрономы из подсобных хозяйств, которых стало больше на приисках; хотели видеть, как это можно наладить у себя.

Всякий раз, проходя по узким дорожкам между стеллажами, Морозов оглядывал лица этапников, искал знакомых, прежде всего Орочко и Дениса Ивановича. Но не было их среди сотен...

Прошел слух, что начальник Дальстроя Никишов провел в Магадане совещание руководителей всех приисков и предприятий. В обычной своей манере стучал кулаками по столу, грозил, громил, требовал. Дело в том, что годовой план по золоту остался невыполненным. Резко сократилось число заключенных на основных работах, зато разрослись ранее не предусмотренные на Колыме крупнейшие инвалидные лагеря, где содержались и умирали десятки тысяч заключенных, убивать которых даже у завзятых палачей не подымалась рука. Магадан уже был связан морской линией с Сан-Франциско, а по воздуху — с Аляской; реальной стала опасность, что слух о массовой гибели заключенных, о казнях пойдет по миру, достигнет союзников. И уже не слухи, а факты станут обсуждать во всем мире, как осуждали геноцид в Майданеке, Бухенвальде, Дахау и в других гитлеровских лагерях. Станут известными и имена колымских заплечных дел мастеров. И его имя, Никишова...

— Мы обязаны, — кричал он, — во что бы то ни стало выполнять планы, подписанные великим вождем и полководцем, товарищем Сталиным! Мы должны рассчитывать только на имеющийся контингент заключенных. И пора подумать о таком режиме, при котором дольше сохраняется способность к работе у добытчиков золота! Отсев в команды инвалидов достиг критической цифры! С кем будем работать, хотел бы я вас спросить... — и тянул короткопалую руку в сторону полковников Сперанского и Вишневецкого. — Я самым решительным образом предупреждаю, что вы оба понесете ответственность за работоспособность личного состава лагерей!..

Говорили, что начальник Севвостлага сидел на совещании, опустив голову. Быть может, вспоминалась ему судьба предшественника, полковника Гаранина, чья патологическая жестокость не знала границ, а расстрелы и вообще гибель десятков тысяч заключенных в 1937–1938 годах были оценены двумя орденами. Но вспоминался и финал. Гаранина все же отстранили, а спустя какое-то время нашли далеко за Аркагалой труп с двумя дырками в черепе...

Да, странная и страшная жизнь у колымских чекистов! Похожая на переход по болоту, где надо расчетливо прыгать с кочки на кочку, а при малейшей ошибке можно и уйти с головой в трясину.

В начале сорок третьего на Колыме вовсе не оказалось хлеба. Корабли везли аммонал, горючее, горное оборудование, запасные части, но не продукты. Шли с конвоем военных судов через враждебные воды пролива Лаперуза, в пределах видимости их сопровождали японские военные корабли, над ними летали самолеты японских камикадзе.

Подобно засыпающим муравьям люди едва копошились в забоях. Остановилось строительство колымского шоссе от Аркагалы на Артык и Усть-Неру уже на Индигирке. Там тоже было и золото, и свинцово-оловянные руды. Через эти места должна была проходить дорога в Якутию — сухопутная связь Магадана с Якутском.

Но когда это будет, если нет хлеба?

И вдруг в поселках появился... белый хлеб. Настоящий ситный — пышный, ароматный из муки высшего сорта! По карточкам, конечно. Кое-где белый хлеб стали выдавать и в лагерях — золото требовало.

Это была американская мука. Ее везли через Тихий океан. Путь был много длинней, чем из Находки в Нагаево, но безопаснее, морские суда шли, огибая Камчатку, из международных вод прямо в свои, территориальные.

В эти дни Морозов поехал на очередное совещание в Магадан. В Берелехской долине стояла не очень страшная зима с морозами около сорока градусов, а такой мороз при полном безветрии считался благодатью. Над долиной висел плотный туман, откуда он брался, объяснению не поддавалось. Снег, выпавший с большим опозданием, так и лежал непереметенный, целомудренно-чистый. Туман мешал летчикам переправлять самолеты. Армада за армадой облетала Колыму где-то северней. Фронты требовали поддержки, бои шли, не стихая. Немцы отступали в одном месте, наступали в другом, сражались с какой-то фатальной обреченностью. Сводки Совинформбюро стали более пространными. Наши наступали, и этого было довольно, чтобы уверовать в победу.

Магадан встретил Сергея неприятной сырой оттепелью. И тоже туманом. В крохотном кабинете Михаила Табышева было накурено, душно, через открытую форточку в комнату вползал холодный пар. Табышев обнял Сергея, спросил о домашних делах, вдруг ударил себя по лбу и, схватив бумагу со стола, громко объявил:

— Сергей Иванович, ты же в лидеры вышел! Мужики, вот сводка по урожайности. Сусуман всех обошел, даже прибрежных. Двадцать три тонны капусты с каждого гектара! А метеослужба считает Сусуман вторым, после Оймякона, полюсом холода. Боженко, ты в своем Сеймчане, на благодатном месте, и едва двадцать тонн собрал. Старик, подтянись! Да и наша Дукча что-то не блещет. Впрочем, об этом поговорим завтра, начальство до пяти часов занято. Пошли ко мне, братие, семинар начнем с утра.

Жил он в пятиэтажном доме на улице Сталина, у него с женой были две комнаты, еще в двух — соседи, какой-то нелюдимый майор, «мешком стукнутый» — по характеристике Михаила Ивановича. Кажется, он ведал одной из городских тюрем и, естественно, о должности своей помалкивал.

Табышев вполголоса жаловался коллегам:

— Я здесь, как инфузория на стеклышке под микроскопом. Слежу за каждым своим словом. А сосед — за мной. Не жизнь, а малина, тишина гробовая. Долго с таким соседом не выдержишь. Но терпим, куда же денешься? Даже улыбаемся друг другу...

Жена Табышева была сноровиста, нрава веселого. Она тоже провела в Эльгене пять лет, выдержала и осела в Магадане. Стол накрыла мгновенно, и все на нем было соблазнительно, все заморское, дивное, либо неизвестное, либо забытое.

— Так, — глухо сказал Боженко. — Значит, связь с капитализмом налажена. Смотрите-ка, а они, оказывается, и хорошую колбасу еще не разучились делать! А это что? Фарш? Убиться можно, какой запах! И кофе! Его едят, сосут или пьют? Забыл начисто!

В те месяцы Магадан жил почти полностью на заморских харчах. То, что выдавали здесь по карточкам, на трассу еще не дошло.

— К нам идет только спирт, — вздыхал эльгенский агроном Савельев. — А вся закуска оседает здесь. Вчера пошел на рынок: ну, как при НЭПе, глаза разбегаются. И торгуют юнцы, такие шустрые, франтоватые, ой-ё-ёй! Спросил одного, оказывается, морячок, с теплоходом ездит на ту сторону. Папа устроил, даже школу велел бросить, когда такой фарт. Его через год-другой раскулачивать придется.

— Попробуй, займись! Они два раза съезжают на тот берег — и уже денег девать некуда. Не подступишься, да еще папа сам когда-то раскулачивал, порядок знает.

— Кое-что перепадет и на трассу. Два ледокола работают в бухте, колют метровый лед у самого пирса. И два транспорта подходят оттуда. Моряки возят, что душе угодно, их там принимают, как родных, вот и нагружаются, как только можно.

Средняя школа в городе полупустая. По согласию родителей бросают — и в плавание, по благу, конечно. Новая элита создается в обществе. Ну, кому что, как говорится. Нам интересно другое. Со дня на день привезут семена, учитеесь разбираться в сортах и названиях, чтобы прокола не допустить. Говорят, что из Аляски, северные формы.

— Пришел его благородие, — тихо сказала Тоня и кивнула на дверь.

— Пригласим соседа? — спросил Табышев.

— Не пойдет, — сказала Тоня. — Вы вот тут о здравии людей беспокоитесь, а он — за упокой. О чем с ним говорить?

Михаил Иванович вышел. Из прихожей раздавалось «бу-бу-бу». Вернулся обескураженный.

— Не хочет. Боится, конечно. Расспросов, подначек, а то и встречи с кем-то из бывших подопечных. Было бы предложено. Они сами себя из общества выделили на десятилетия.

Уходили от Табышевых поздно, спали агрономы мало. Но на совещание пришли разом и выглядели свежими.

У агрономов нашлось, что сказать. Говорил и Морозов, напирал на необходимость полного сбора навоза по принципу: сколько привезут, столько и овощей получают. Так они делают в Сусумане. И успешно. Просил подтвердить эту зависимость приказом по Главку. А в заключение высказался по делам тепличным, попросив привезти из Приморья для совхоза десяток-другой пчелосемей: опылять огурцы в теплицах. Посмеялись, но, подумав, согласились. Ведь тепличницы опыляют огурцы вручную — сколько цветов, столько раз в них сунуться надо. И все-таки много пустоцветов. Пчелы опыление проделают куда лучше.

Опоздал и пришел с извинением почвовед, ученый Руссо, старый знакомый Морозова по Дукче. И сразу начался разговор о почвах.

— Да, надо создавать рукотворные, — высказался Руссо. — Все естественные почвы слабы, они богаче только на побережье. Нужен навоз. Нужно увеличивать поголовье скота — и для молока-мяса, и для навоза. Сусуман впереди потому, что Западное управление приказало выдавать овощи приискам, которые снабжают совхоз навозом. И фекалиями.

— Фекалий на Колыме нет, — буркнул Савельев.

— Ну, как же! Столько народу в зонах, — заметил Руссо.

— У этого народа рацион питания рассчитан на полное усвоение. Без шлаков, — под мрачные улыбки буркнул Савельев. — Исключение составляют вохровцы и начальство. Но это мизер.

Через полчаса раздался звонок. Табышев взял трубку,

выслушал, сказал «извещу». И, положив телефон, заявил:

— Завтра нас приглашают в Главк. Кто-то из генералов хочет выслушать агрономов. Ну, а мы займемся пока рассмотрением заявок и вашими отчетами. Так, мужики?

У ГЕНЕРАЛА

И Морозов, и его коллеги впервые входили в здание Дальстроя, многоэтажное, барски обширное, ухоженное, с коврами на лестнице. Площадку второго этажа, устеленную большим ковром, занимал постамент. На нем стояла белая, ангельски чистая фигура великого вождя всех времен и народов, красавца в кителе и с трубкой в руке. Он вызывал и страх, и трудно скрываемое презрение. Агрономы только покосились на него и опустили головы. Стоять бы ему на всех кладбищах, которые резво умножал...

Агрономов принял генерал Комаров, заместитель Никишова по снабжению. Коротыш с выпуклым животом и широченной грудью, отечным лицом выпивохи, он надел как для парада китель со многими орденами, чтобы поразить лицезреющих его. Демократически пожал руки и жестом хозяина показал стол, за который агрономы и уселись, стараясь делать это как можно тише. Зажглись люстры, два адъютанта сели по сторонам от генерала. Но обстановка не так поражала, как его самодовольное лицо как у мужлана, которому удалось перехитрить интеллигента на базаре.

И понес, и понес! Стране нужно много золота, потому что капиталисты стали, наконец, податливее и торгуют с нами, везут за золото технику и продукты, одежду и машины, их уже не смущает, что Дальстрой использует труд «врагов народа», среди которых, несомненно, есть и их наёмники — диверсанты и шпионы — обезвреженные решительными действиями нашего учителя и вождя, товарища Сталина и его верного соратника, блестящего чекиста Лаврентия Павловича Берия.

Говорил он долго, но плохо, все подбирался к главной теме, очевидно, не зная и сотой доли того, что требовала сельская производственная тема, абсолютно закрытая для бывшего следователя и охранника высоких чинов. Выговорившись, он насутился и сказал:

— Вы вот все специалисты с образованием, а ни хрена не сделали, чтобы получать больше продуктов на Колыме. Или выращивать капусту и картошку сложнее, чем получать золото?

И устался на Руссо, чья седая голова особенно выделялась за столом.

— С вашего позволения, действительно сложнее, — вдруг сказал почвовед. — Особенно картошку.

— Чему же вас учили, если есть поговорка, что «проще картошки»?

И генерал поднял рыжие брови.

— Учили биологии, почвоведению, агротехнике. На Колыме экстремальные условия, полярный климат и очень слабые, младенческие почвы.

— Не позволяют? — перебил генерал. — Но мне каждое утро подают к завтраку и помидоры, и зелень, и здешнюю картошку. Нет, вы что-то не с того конца начали разговор.

— Я отвечал на ваш вопрос...

— Не так ответили, не так. Да-да, товарищ ученый. У нас сегодня твердая задача: удвоить, утроить продукцию совхозов. Если надо, то и новые строить. Есть у вас такой план, агрономы?

— Есть, — сказал Табышев и встал. — Мы передали его на ваше имя две недели назад.

Генерал нажал кнопку на столе. Из приемной вошел майор и застыл.

— Говорят, у тебя где-то план агрономов по развитию.

— Я передал его вам.

Недовольно засопев, Комаров отодвинулся от стола, заглянул в один, второй, третий ящик, майор подскочил, склонился, показал пальцем.

— Кажется, эта папка...

— Надо не совать в стол, а в руки, в руки! Тут этих бумаг!.. И докладывать, тем более от Александры Романовны, — голос Комарова обрел суровость. Сердился. — Иди, но в другой раз...

И, положив папку перед собой, сказал уже примирительно:

— Бумаги... Это мы умеем. Лучше раз услышать, чем десять раз написать. Давайте-ка поговорим. Кто первый?

Табышев говорил скупой, точно, доказательно. Да, можно усилить работы на естественных землях по реке Тауй и ее притокам. Природные земли есть и в долине реки Ола. Но они покрыты лесом или вырубками. Да, можно превратить в пашню еще тысячу гектаров в зоне приисков, но для этой новой и бесплодной земли требуется много навоза, а коров и лошадей на Колыме мало. Есть предложение завезти в Нагаево две-три тысячи коров. Будет и молоко, и навоз. Часть новых земель обратить в пастбища и сенокосы.

Реакция была неожиданной. Комаров раскрыл папку, полистал ее и рывком отбросил к центру стола.

— Об этом я и сам мог бы догадаться, — сказал он. — Возить, возить! Откуда и как, если японцы вот-вот начнут топить наши корабли? Непокорно на море, вы понимаете? Не можем возить! Вон какого кругалы транспорты делают от берегов Америки! А вы о коровах...

— Строить теплицы надо, — пытался договорить Табышев.

— Стекла нет! — отсек эту мысль Комаров.

— Пленку привезите, иначе мы рассаду не вырастим для помидоров.

— Ну-ну... — генерал взялся за карандаш. — Что еще?

— На всех приисках сохранять навоз, передавать его совхозам, — Табышев уже понял способность Комарова усваивать только простые, короткие фразы и торопился высказать их таким манером. — Нужны сотня-другая ульев с пчелами, чтобы опылять огурцы и помидоры. В совхозах часто отбирают на промывку тракторы, а возвращают рухлядь.

Комаров бросил карандаш, лицо его покраснело. Табышев понял, что сейчас начнется погром. И все же успел сказать:

— С таким руководителем как вы, товарищ генерал-майор, мы сумеем одолеть трудности роста и увеличим производство овощей.

Вовремя он это сказал, задев слабую струнку генерала! Любил похвалу, как оса сахар.

— Так, давно бы так... — он как-то расслабился и откинулся на спинку малинового кресла. — Ты вот что. Пока агрономы здесь, подготовь докладную, по-военному короткую и понятную. Вот что можем — раз, вот что просим — два. И на мое имя. А это, — он потянулся к папке и оттолкнул ее дальше, — это вам всем на память, тут такое толковище, что времени не хватит. Когда сделаешь?

— Завтра, товарищ генерал-майор! — у Табышева озорно блестели глаза.

— Хорошо. Лично сдашь в мою приемную. После этого еще раз встретимся, подведем итоги. Помните: золото все окупит! Уж если оттуда, — он ткнул пальцем куда-то за плечо, — нам везут нужные товары, то сами вы обязаны порадовать руководство Дальстроя и комиссара Никишова, который достаивается личного разговора с самим Лаврентием Павловичем.

На этой приподнятой, много раз обкатанной фразе генерал Комаров и закончил встречу с агрономами, вполне довольный тем, что «озадачил» и воодушевил малочисленную, но очень нужную для Дальстроя агрономическую головку. Ничего не понимая в сельскохозяйственных делах, генерал все же помнил, что от совхозов идет продукция, способная хоть как-то поддержать заключенных, едва ворочающих камни в забоях золотых приисков.

Специалисты бесшумно вышли из кабинета.

— Доволен? — Табышев спросил идущего рядом коллегу из Эльгена.

— Выпить бы сейчас, — и агроном Садовик грустно и с

надеждой глянул на Табышева.

— Старик, всему свое время. Сейчас едем в Дукчу, там еще потолкуем, я сяду за докладную, без нее, как полагает генерал, вы вообще перестанете ловить мышей. Надежда не на него. На Гридасову. У ней власти больше, чем у Никишова. Ведь она, по слухам, его жена. Значит, и власть у нее. Так?

— Это точно.

В Дукче Морозов встретил знакомых. Но уже не было агронома Пышкина и уехавшего Хорошева. Не было и его доброго учителя — тепличника Кузьменко. Всюду новые люди.

Докладную, «по-военному короткую и понятную», писали в кабинете начальника управления, писал, конечно, Табышев, его коллеги подсказывали цифры, факты. К вечеру отдали три исписанных листа на машинку и пошли к Руссо и Андросову. Старый агроном собрался на материк, в квартире его было пусто, горкой лежали чемоданы. Но он отыскал, чего подать на стол. По этой причине в Магадан вернулись поздно, Сергей снова ночевал у Табышевых. Тогда он и спросил не без тайной надежды:

— Как удалось Хорошеву уехать? Такие строгости...

— Провели несложную операцию, назначили его агрономом в Находку, там Приморское управление с тремя совхозами. Отработает сезон и распускается, к семье вернется. Паспорт у него того, жить придется в деревне, выбор небольшой. Но все же с семьей и на родине. Ты думаешь о переводе на побережье?

— Тема номер один. Но у нас с Олей тоже ограничения. Куда мы, такие меченые, на материк? А на побережье интересно, возможностей больше, впереди какие-то перемены. Когда-то Бог поразит наконец этих убийц и тюремщиков...

— Тихо, тихо, — Табышев показал на дверь. — Он вот тут, тюремщик... Ложись спать и ни о чем плохом не думай. Все будет о-кей, как говорят наши союзники-американцы. Завтра я отвезу докладную, что-нибудь выьем для совхозов у Комарова. А прежде всего заявка на семена, на аляскинские семена, конечно.

Вторая встреча агрономов с генералом не состоялась. Забыв о своем обещании, он куда-то выехал. Листы докладной легли в стопку других бумаг на столе у майора.

Возвращаясь к Табышеву, агрономы увидели, как из Нагаево по улице Сталина двигалась бесконечная колонна заключенных женщин. Одетые еще в домашние пестрые одежды — кто в летнем, кто в зимнем — они шли тем страшным, размеренным казенным шагом, каким подходят к эшафоту, на казнь. С лицами равнодушными, одинаково утомленными и серыми, они не смотрели по сторонам, не рассчитывали на милость нового для них города. «Будь что будет!» — вот что выражали их

страдальческие лица.

— Откуда их привезли? — вырвалось у Сергея.

— Похоже, из Находки. Ходил тут разговор, что подчищают по тюрьмам на материке и везут подальше. А тюрьмы — для военного «набора» — для дезертиров, для военных преступников, для тех, кто не сдержался и вякнул что-нибудь о полководце и вожде. Из НКВД в армию никого не брали, вот они и занялись привычным делом в тылу, а потом на освобожденных землях. Чистят и сажают. Занятие подходящее, чтобы не на фронт. А по тюрьмам в европейской части страны сидели жены и родственники «врагов народа». Теперь их привезли в Маглаг, к Гридасовой. Ты видел ее. Совхозы под ее рукой.

В Сусуман Морозов ехал на перекладных.

Первый грузовик, который остановился, чтобы забрать голосующего, был «на чурках» — Дальстрою пришлось сделать и такие, поскольку бензина резко не хватало; этот дотащил Сергея до Атки и здесь стал на ремонт. В кузове его лежали мешки из плотной ткани с нерусской маркировкой. Американская мука.

От Атки до Мякита Сергей сидел уже в кабине другого грузовика, благополучного. Проезжали самый унылый и печальный участок колымской трассы. Она вилась среди невысоких сопок нагорья. Все долины здесь были перекопаны, изрыты. На промытой породе не прижилась никакая растительность. Холодная, безмолвная пустыня без людского жилья и даже без пеньков. Процедив породу, заключенных повезли дальше, остатки лагерей растащили на топку; мертвые надежно укрыты породой. Более чем на сто километров тянулась эта безликая, со сметенным снегом, голая земля. Тут и глазу не на чем было остановиться, разве что на белеющих по редким размывам костях — напоминании о цене, которая уплачена за золото.

Ехали молча, шофер непрерывно курил, Сергей изредка приоткрывал дверцу, чтобы проветрить, но холод был страшный, и он быстро захлопывал дверку.

В кузове лежали ящики, похожие на гробы — белые, строганные, чистые.

— Что в них? — спросил у шофера.

— А, колбаса. Еще не едал? Та еще колбаска, твердая, копченая, лежит в ящике рядами, свиным салом залитая. Один мой кореш как-то разбил ящик, вроде уронил, ну мы и разговелись. Я и спирт ихний возил, может, видел? В белых оцинкованных бочках. Кое-что подбрасывают союзники. Смотри, капиталисты, эксплуататоры, а не без понятия. Подошли бы без них на Колыме.

До своего поселка Сергей пересаживался еще дважды. У одного в кузове были какие-то железки, разобранная техника, другой вез продукты с нерусской маркировкой. Домой приехал среди ночи, осмотрелся. Ярко светила крупная луна, снег казался зеленым и синим, дикий мороз щипал лицо, Морджот белым конусом дырявил высокое небо. Агробаза светилась редкими огнями.

Он пошел от трассы напрямую, вдоль ручья, и тут увидел новостройку, сложенный сруб. Это был их будущий дом.

Отоптанный вокруг снег, доски, бревна свидетельствовали, что работа идет споро. Уже стояли первые стропила, внутри сруба было темней. Оглядел все-таки. Передняя, кухня, одна комната, вторая... Хоромы! Два года хлопотал!

С приподнятым настроением прошагал он с грузом на плече по берегу ручья к своему домику. И почти сразу встретился со сторожем.

— А я гляжу и дивлюсь, кто это по стройке ходит, высматривает? С прибытием вас, Сергей Иванович!

— Ты больно легко одет для охранения, — сказал Морозов. — Здравствуй, Васильевич. Как вы тут? Мороз к пятидесяти. А в Магадане хоть в снежки играй. Ветер с моря, корабли туда-сюда, возят грузы, трасса гудит. Дома у меня спокойно?

— Порядок. И жена ваша на ногах, ходит в теплицы, лук сажает. А я с напарником стерегу агробазу и ваш домик, чужих-шатающих отгоняю.

Стучать ему не пришлось, Оля услышала разговор, угадала — кто, и открыла сразу. Из двери наружу хлынул теплый и влажный воздух.

— Наконец-то! А ты говорил — на три дня. Замерз, поди?

— Ничего, привычка. Развязывай поклажу, я умоюсь пока.

Второй раз говорить об этом не пришлось. Ничего отрадней для молодой женщины нет, как обновы. Оля уже раскладывала и рассматривала добытые через Тоню Табышеву теплые заморские сапоги, платья, какие-то банки. На одной из них был изображен ананас.

— Господи, чудо-то какое! Только в романах и читала об этих ананасах! Небось, дороговизна страшная.

Выглядела она хорошо, была радостной. Ночь уже шла к концу, а они все разговаривали. Конечно, Оля примерила платья, и Морозов еще раз убедился, как хорошая одежда украшает красивую женщину. Слава Богу, он дома, в семье, и скоро их семья прибавится. Это и есть счастье. Во искупление пережитого и всего грешного, что переживают сейчас люди.

Из лагеря донесся первый удар по куску рельсы. Подъем. Потом еще и еще удары. Звон этот напоминал зауспокойный, кладбищенский. Другие звоны — колокольные — в городах и весях христианской страны уже стали забываться. Зато распространился — и не только на Колыме! — вот такой звон, он подымал по утрам миллионы рабов, загнанных в лагеря. И если когда-то люди отзывались на звоны церковные крестным знаменем, короткой молитвой, то теперь в бараках можно было услышать только матерщину и проклятия. Куда гонят тебя, тысячелетняя Россия?..

Сергей и Оля все-таки заснули, агроном мог позволить себе выйти несколько позже. По ту сторону ручья уже раздавались голоса, гудела водогрейка, доносился высокий жадный визг циркульной пилы, около которой всегда громоздились кучи бревен и пеньков. Рабочий день набирал силу.

Морозов не пустил жену на работу. Да она и сама не особенно рвалась, хотелось еще и еще рассмотреть подарки, она так долго не видела ничего красивого, не носила ничего нового. Тонкие, как паутинка, чулки натягивала с великой осторожностью и потом долго рассматривала, ощущала, как невесомо обтягивают они, приятно щекочат ноги. Ведь ее лучшие годы прошли в тюремной камере, в бараках, она знала, что такое одежда «б/у» — иначе говоря, «бывшее в употреблении», неизвестно с чьих плеч... А тут такое красивое новое белье, такие платья, туфли... Вот теперь она не откажется пойти с мужем в клуб, пусть смотрят и завидуют! Она придирчиво осмотрела, даже примерила и синюю куртку на молнии и с мехом, которую купил себе Сергей. В таких ходят только летчики.

В тот же день Морозов сказал начальнику совхоза, что неплохо бы информировать Кораблина о разговорах с генералом, которому Кораблин прямо подчинялся. Капитан с готовностью схватился за телефон. Хотя говорил он сбивчиво и не очень толково, Кораблин понял, о чем речь, и сказал:

— Приходите с Морозовым к четверем. Подготовьте заявки для совхоза.

Он принял их сразу, хотя в приемной и сидели четыре посетителя. Пожал руки, мельком прошелся взглядом по распахнутой куртке агронома, показал взглядом на вешалку, где капитан уже пристраивал свою шинель.

— Входим в контакт с авиаторами? — спросил Морозова, имея в виду куртку.

— Летчики тоже не стесняются торговать на магаданской барахолке. Как и моряки.

Странная улыбка возникла и погасла на лице Кораблина. Не сдержался, спросил:

— Тут ходят слухи, что магаданская молодежь выстраивается в очередь, чтобы попасть на корабли? Правда это?

— Я не был в порту. Но разговоры слышал. В двух средних школах из девятых и десятых классов ушла чуть не треть учеников, сыновья крупных деятелей. У них с документами порядок. После кратких курсов они становятся матросами. Пять-шесть рейсов туда-сюда — и можно жить без образования. Дворяне...

— А что же родители?

Морозов опустил глаза.

— У меня в кабинете подслушивающего устройства нет. Не бойтесь.

— По-моему, родители как раз поощряют, устраивают. Престижно, выгодно. Говорят, лови момент, школу можно и потом.

— Да таких родителей...

— До них трудно добраться. Они свою мораль исповедуют. Смену себе готовят.

Капитан не проронил ни слова. Сидел с испуганными глазами.

— Так что за разговоры были у генерала Комарова?

Сергей начал рассказ о встрече, о проблемах, положил на стол заявки на стекло, на машины для поля, на пасеку, на семена овощей и клевера, на коров и быков.

— Клевер-то зачем? Вымерзнет.

— Для пробы. Сеют же в Архангельске пермский клевер? У нас есть отличная земля из теплиц. Устроим в поле пробную площадку, вот на ней и посеем. Если удастся, тогда будем пропускать всю землю из теплиц через клевер. Хоть раз за семь лет. Оздоровлять. Трава — самый лучший лекарь земли.

— Вы нацелились жить здесь долго?

— Напротив. Я хочу начать... Придут другие агрономы и продолжат дело. Ведь плодородная земля нужна не только нам с вами.

— Это верно, — раздумчиво произнес Кораблин. — Жалко, что Федор Вячеславович в отъезде. Ему полезно услышать подобную мысль. Заявки постараемся протолкнуть, раз сам Комаров задал тон. А как там настроение в нашей колымской столице?

— Кажется, приподнятое. Корабли ходят, новые дома строят. И даже заключенных возят. Я видел колонну женщин...

Когда они шли обратно, капитан все хмыкал, переживал. Остановившись, сказал:

— Слушай, а он с тобой на равных разговаривает! Ты почувал?

— А почему бы и нет, — вдруг сердито ответил Морозов. — Мы из одного теста.

— Ну, не скажи! Ты вон какую страсть прошел. Так что насчет равенства это... Или про лагерь забыл?

— Нет, конечно. До конца дней своих не забуду. Но сегодня мне поручена серьезная работа. Вот, ездил в Магадан на совет. Из шести главных — пять бывших, как и я. А с какой страстью обсуждали мы проблемы агрономии на севере! Ведь эти проблемы далеко не решены. Ни Эйхвальдом, ни даже Вавиловым, который

пропал. А тут богатейший континент, неизученный, но с перспективой. Лагеря не вечны, обычные люди будут жить. Что все возить и возить с материка? Нужны свои продукты, много и хороших. Нужна творческая жизнь, она сильнее смерти или ее опасности. Страх лагеря? Конечно, он остался и дает о себе знать. Может, я и выжил потому, что была страсть к делу.

— Так! Значит, мне повезло, — капитан с каким-то удовольствием прихлопнул ладонью о ладонь и потер перчатки. Ощутил свою причастность к переменам в совхозе.

До поездки в Магадан Морозов довольно часто уходил по вечерам работать в свою конторку, чтобы не мешать Оле спать спокойно. Собрался и в тот день, но она вдруг запротестовала:

— Мне страшно, когда тебя нет. Не уходи!

— Я же рядом, окно в окно, через ручей. Чуть — что, и я вот он.

— Нет уж! — ее тон был решительным. — Я спокойней засыпаю, когда ты за этим столом. А лампу можно повернуть, чтобы свет падал только на бумагу. Сиди и работай здесь. Или пойдем в контору оба. Буду топить печку.

И Сергей сдался. С этого вечера садился к столу, поправляя абажур и склонялся над книгой Сумгина или Эйхвальда, Прянишникова или Докучаева. Ему много чего хотелось знать. Оля засыпала, ночные часы летели, и только когда возникала тупая боль в глазах, Сергей закрывал книгу, оставлял тетрадь и забирался под одеяло.

Сторож на агробазе говорил ему утром:

— Опять до первых петухов, Иваныч? Чего торопишься?

— Упущенное догоняю. Много чего упущено не по нашей с тобой вине.

Близилась весна. Война шла с прежним ожесточением. Все ждали открытия второго фронта. Теперь за судьбу России уже меньше тревожились, понимали, что вместе с Америкой, Францией и Англией немецкий фашизм удастся уничтожить. За этой мыслью рождалась другая: а как будем жить? Вот прорезалась на горизонте светлая полоска победы, но лагеря как были, так и остаются, как гибли в них люди, так и гибнут, чекисты не сложили руки, то там, то здесь кого-то арестовывали, особенно тех, кого рассчитывали сразу уморить в лагере, а они все держались за жизнь. На «Серпантин», по слухам, свозили старых большевиков, чем-то связанных с первыми советами. Оттуда они, конечно, не возвращались.

Все больше, все страшней разрастался контингент инвалидов. Расстреливать их, как в тридцатые годы?.. А если разойдется по миру?.. Машины с приисков «Ударник», «Мальдяк»,

«Челбанья», «Мяунджа», «Беличан», «Бурхала» везли инвалидов в Чай-Урюю. Там, на берегу реки Берелех, разрастался огромный инвалидный лагерь, а за бараками — столь же обширная поляна смерти. Могилы тут не рыли, взрывами сбздавали огромные рвы, куда и сваливали несчастных с фанерной биркой с номером, привязанной на ногу... Могил на Колыме не было.

Несколько благополучней было только в совхозном лагере. Хотя и здесь царствовал «уставной режим» Севвостлага, питание все же отличалось хотя бы тем, что ботва овощей, капустные листья летом и квашеная капуста зимой позволяли как-то разнообразить еду, сдерживать болезни. Конечно, попадали и овощи из теплиц, с поля, на вахте не всех обыскивали, что находили — забирала охрана и лагерные придурки. Но и в бараки проникало.

В первых числах июня, когда на полях хорошо зазеленело, Сергей собрался съездить к совхозным строителям на участок у речки Челбани, где строили второе парниковое хозяйство и разведочную теплицу. Строители только что закончили дом для семьи главного агронома. Сергей и Оля переехали за считанные часы — к полному удовлетворению Ольги! На душе Морозова стало теплей. Просторно и уютно!

...Он подходил к конторке, когда ему сказали, что кто-то ждет главного агронома.

На скамейке сидела скромная миловидная женщина с тем добрым, извиняющимся лицом, которое лучше всего говорит о воспитанности и чувстве такта.

Она поздоровалась и сказала:

— Я к вам. По делу.

— Еще пять минут — и я бы уехал до темна. Идемте в дом. Там и расскажете, какое у вас дело.

Знакомясь с Ольгой, гостья сказала, что зовут ее Наталья Васильевна Савельева, что она врач и начальник Чай-Урынского инвалидного городка-лагеря. Сказала так, словно ощутила неловкость за слово «начальник» и за свою должность, как за нечто нескромное.

Они сели. Морозов не мог догадаться, какое именно дело привело к нему доктора, так не похожего на лагерных — грубоватых и не слишком обремененных знаниями эскулапов, которых он встречал. Было в ней что-то мягкое, интеллигентное и доброе, что не дается ни образованием, ни практикой, а идет от кровных связей с семьей, с традициями русской врачебной школы.

Гостья понимающим взглядом оглядела фигуру Оли, хорошо улыбнулась и вздохнула. Перехватив взгляд Сергея, сказала:

— Вижу, что вы торопитесь. Так что сразу о деле. Мы задумали создать у себя огород, большой огород. Надо как-то улучшить питание нашим несчастным, их привозят в таком состоянии, что... Ну, вы знаете. В управлении Кораблин назвал вашу фамилию. Не откажите в любезности, проконсультируйте нас на месте, посоветуйте, где выбрать землю под огород, что делать на первых порах. Кажется, необходимы теплицы и парники. Словом, я прошу вас приехать, как только найдется более или менее свободный день. Тут двадцать с чем-то километров, пришьем за вами полуторку.

Из кухни потянуло запахом ароматного кофе. Сергей привез из Магадана три коробки зарубежного, Оля очень скромно расходовала его. Но для такой симпатичной гостьи...

Наталья Васильевна с удовольствием приняла чашечку, вдохнула полузабытый аромат, отпила глоток-другой.

— Настоящий, — сказала с видом знатока.

— Да, колумбийский. Из американских грузов. Я побывал в Магадане и там на базаре...

— Я так и подумала. Спасибо вам, Олечка. Так вы приедете, Сергей Иванович?

— Конечно, приеду. Послезавтра у нас воскресенье. Вот и присылайте машину с утра.

— Благодарю вас. И не стану задерживать, вижу, что заботы. Если не возражаете, мы тут с Олечкой поболтаем немного, она, конечно, не была на консультации, поблизости только один достойный врач — в Берелехе...

Сергей попрощался и ушел. За первым блоком уже стояла его оседланная лошадка, увидев его, она заржала. Крупной рысью пошла полевой дороге на Челбанью. Морозов улыбался, представляя себе, какой разговор идет сейчас в доме.

Часам к одиннадцати в назначенный день Морозов был уже на территории Чай-Урьинского управления. За мостом через протоку открылся огромный инвалидный лагерь. С низовьев реки подувал свежий ветер, а ближе к лагерю от десятка бараков уже расходился тот особенный дух неопрятности, тления, запущенности, который всюду сопутствует полуживым больным и голодным, доживающих в полумраке свои по-страшному урезанные жизни. Как и на двадцать третьем километре.

По территории лагеря ходили втроем. Высокий и красивый мужчина с выразительным крупным лицом и крепкими рабочими руками встретил их, поклонился, невнятно назвал себя и сразу поотстал, но главврач укоризненно глянула, представила:

— Николай Иванович Герасименко, наш ведущий хирург.

Морозов с удовольствием пожал ему руку. Сказал:

— Наши профессии сродни: вы исцеляете больных людей для труда на земле. Мы пытаемся исцелить слабые земли, чтобы земля кормила род людской. Не так ли?

— Связь вечная и прямая, — тихо ответил хирург. И тут же добавил: — Прошу прощения, ко мне коллега.

Молодой человек в темном халате что-то шепнул на ухо хирургу, Герасименко кивнул и обратился к Наталье Васильевне:

— Там мое присутствие обязательно. Вы извините...

— Да-да, пожалуйста. Наш гость пробудет здесь до вечера.

Два или три часа ушло на поиск подходящей земли для огорода. Заросший жесткой травой бугор оказался первым, где Морозов сказал: «То, что вам нужно». С севера эту землю защищал тополевый лес с подлеском. Темный гумуссированный слой достигал толщины в десять сантиметров: наносы реки.

— Возите сюда навоз, тонн по сорок-пятьдесят на гектар, разрабатывайте. Мы можем дать на время рельсовую борону, диски. А весной посеете морковь, свеклу, редис, редьку, брюкву. Потом и капусту.

— Мало нам этих гектаров, — вздохнула Савельева. — И навоз: где его взять?

— В вашем управлении сколько приисков?

— Восемь.

— И на каждом лошади. Значит, завалы навоза. Потребуйте от начальства, чтобы возили сюда транспортом с самих приисков. Мы у себя утвердили закон: сколько получим навоза от хозяйства, столько продадим овощей. Действует! Тонна за тонну. Спасение больных-что может быть благородней!

— Ну, благородство здесь давно вымерзло, — тихонько сказала Савельева. — Им рабочие руки нужны, вот на что будем нажимать.

Территория инвалидного лагеря была огромна, ее разрезали три протоки. Подходящими оказались еще три участка.

— Вас не затапливает река? — спросил Морозов.

— Нет, но вода подымается почти вровень с берегами.

— Оставьте вдоль берега дернину. Попробуйте разыскать у себя агронома, гидролога, может быть, почвовед, чтобы не на глазок, а по науке.

— В бараках кого только нет, — Савельева вздохнула. — И знатоки мертвых языков, и генералы из Испании, но многие уже не работники. Вот тот барак за изгородью — умалишенные.

Они постояли, прислушиваясь к гулу, исходящему от того барака, Сергей только представил себе...

— Пойдемте, — Савельева тронула его за рукав. — Поговорим еще у меня. Да и покушать время.

Жила она в отдельном домике, по дороге туда встретили Герасименко, заговорили о каком-то тяжелобольном. И вот тут Сергей вспомнил то обязательное, что держал в памяти, когда ехал сюда: узнать что-нибудь об Орочке и Денисе Ивановиче.

— Тут такое дело, — сказал он доктору. — У нас на агробазе забрали и осудили двух очень хороших людей. Совхоз лишился опытного топографа и мастера по железу. А вдруг они у вас, Наталья Васильевна?

— За что их?

— За религиозную деятельность. Денис Иванович Бугров — бывший сельский священник, Орочко — верующий человек, московский интеллигент. Молитвы пели, а под боком сексот явился. Новый срок, конечно.

— О, Господи! Сейчас я распоряжусь. Пожалуйста, еще раз их имена.

Она написала в блокноте несколько слов, посмотрела на хирурга.

— Я отнесу, — сказал Герасименко. И ушел.

Тогда доктор Савельева не без смущения спросила:

— Вы не будете возражать, если я приглашу к обеду и Николая Ивановича? Дело в том, что он... Ему еще около трех лет до освобождения. Пятьдесят восьмая.

Морозов невесело усмехнулся.

— Я по той же статье. Особое совещание. Освободился в сороковом.

— Значит и вы? Такой молодой!.. Мне почему-то казалось, что вы по комсомольскому набору. Ведь ваше положение... Вы фактически руководите совхозом, ваш начальник, я говорила с ним, ну, как бы это сказать...

— Он неплохой мужик, помогает там, куда мне входа нет. Не ссоримся.

— Ну и отлично. А ваша супруга меня просто очаровала. Не беспокойтесь за нее. Когда придет время, окажем всяческую помощь.

Домашними делами у Савельевой ведала пожилая женщина. Она с интересом поглядывала на Морозова.

— А я вас знаю, — сказала, когда он мыл руки на кухне. — Я работала у вас на ферме, освободилась, а домой не пустили. Осталась у Натальи Васильевны.

Ее благожелательность, доброта были приятны. Помнит — значит, уважает.

Пришел Герасименко, доложил:

— Его благородие, лейтенант Изюмский, оказался на месте. Спросил, чем приглянулись нам эти двое. Я ответил:

специалисты. Обещал через час-другой сообщить.

Сели за стол. Герасименко поначалу чувствовал себя стесненно. Хозяйка завязала шуточный разговор. По едва заметным взглядам, словам Сергей догадался, что врачей связывает не только профессиональный интерес, что они, вероятно, близкие люди. Хозяйке с трудом давалась роль, когда приходилось обращаться к хирургу на «вы». Но когда их взгляды встречались, они открывали гостю больше, чем слова. Конечно, им приходилось таиться, скрывать свою близость. Член партии и «враг народа» — это влечет за собой исключение из ВКП(б) и непредсказуемые последствия для обоих. Нелепое и страшное разделение людей, трагедия. Наказуемая любовь!

На кухне раздались голоса. Наталья Васильевна встала и вышла, закрыв за собою дверь. Вернулась с листком в руках. В ее глазах Сергей увидел предчувствие беды.

— К сожалению, вести плохие. Вот выписка из картотеки УРЧ: заключенный Денис Иванович Бугров, 52 лет, прибыл сюда с прииска «Большой Хатыннах» с острым приступом стенокардии. После инфаркта на прииске. И в конце мая этого года — летальный исход. Это — священник?

— Да, — осевшим голосом подтвердил Морозов. — Царствие ему небесное и вечный покой!

— Аминь! — тихо промолвил хирург.

— Аминь! — еще тише произнесла Савельева.

Помолчали. Морозов спросил:

— О втором, Александре Алексеевиче Орочко, нет сведений?

— У нас он не был.

Обед прошел без застольных разговоров, домашняя хозяйка даже упрекнула их:

— Ну что вы, мои дорогие, как на поминках!

— Мы и впрямь поминаем, Дашенька, — сказала Савельева.

— А-а... Ну, тогда простите меня, глупую бабу.

Вечером, еще до темноты, Морозов приехал домой. Оля открыла дверь, заулыбалась.

— Ну, как твоя поездка? Сумел помочь соседям? Расскажи.

— Веселого мало. Инвалидный лагерь, где две тысячи заключенных доживают свои дни. А врачи хорошие, только мало, что они могут. Главный хирург — заключенный, представляешь?!

— Как ужасно! Больных надо домой отправлять. Даже при царях на каторге и то отпускали.

— Ну, не при всех царях. Вспомни декабристов. Правда, разрешали женам осужденных навещать мужей и жить там.

— Значит, наш вождь более жесток, чем тот, Первый Николай.

— Ладно, ладно, политик. Ты лучше расскажи, о чем толковала с доктором Савельевой. Тоже секрет?

— Между прочим, она мне сказала, что все нормально, что будет девочка. И как видят? Она обаятельна! И одна! Тогда мужчины здесь просто ничего не видят. Знаешь, тут, в Берелехе, есть, оказывается, врач, который умнее всех, так говорит Савельева. Кандидат наук Субладзе. Она ему скажет обо мне.

О кончине отца Дениса Морозов жене не сказал. Разволнуется... Менее чем через две недели Морозов отвез испуганную, притихшую жену в Берелех, где была базовая больница.

Принял ее хирург Субладзе, спокойный и представительный молодой грузин, едва ли не одноклассник Сергея.

— Целуйтесь и марш домой, — приказал он Сергею. — Здесь я за нее в ответе. Телефон у вас есть? В конторке? Посадите около него дежурного. Приезжать — когда скажу. Все будет в порядке!

На пятый день Оля родила девочку. Назвали ее Верой.

Из конторы позвонил плановик Романов.

— Ты, Сергей Иванович? Здесь тебя ждут. По-быстрому!

— Сейчас приду, — Сергей не удивился. Такие вызовы нередки. У входа в контору сидела Наталья Васильевна Савельева. Виновато улыбнулась, протянула руку.

— Вы знаете, такая неожиданность. Я еду в Москву.

— Командировка?

— Пришла телеграмма с приказом прибыть в Медсанупр НКВД.

Билет на самолет забронирован. Автобус из Берелеха в три часа. Решила заглянуть к вам. Как Оля? Как малышка? Еще в больнице? Сегодня же проведу молодую маму.

Оставив озадаченного плановика строить догадки — кто, почему и зачем? — Морозов и гостя пошли на агробазу. Сергей взялся за обед, Наталья Васильевна помогала ему. И оба гадали, зачем Савельева понадобилась лубянским эскулапам высокого ранга.

— Вернее всего, — предположила она, — это будет краткий семинар лагерных врачей. Обычно мы используем такие поездки для выколачивания дефицитных лекарств, инструментария. У меня уже есть длинный список, составленный Колей... — она вспыхнула, проговорившись, и тут же поправилась: — Николаем Ивановичем. Вдруг что-то удастся выбить? Наэерху наши запросы редко удовлетворяют, но, тем не менее, очень боятся эпидемических вспышек. При таком скоплении заключенных, при таких условиях все возможно. Поэтому со скрипом, но кое-что выделяют.

— На это время за вас остается Николай Иванович?

— Официально один из врачей-договорников. Фактически, конечно, он. Редкий по работоспособности человек. И, знаете, талант! Как мы говорим, «хирург Божьей милостью». Без него смертность в зоне, наверное, удвоилась бы.

И, встретив изучающий взгляд Морозова, покраснела.

— Он работает, как рядовой хирург, но постоянно с какими-то новшествами. Освоил одну из сложнейших операций на костях. Новая методика, прекрасные результаты. Я уговорила его написать об этом статью для журнала «Хирургия». Там главным редактором академик Бурденко.

— Тот самый Бурденко?..

— Да, один такой в стране. Говорят, что он вхож даже к Сталину, ну, словом, на высоте. Когда-то знал Николая Ивановича, вот что интересно. До ареста Герасименко года полтора работал в его клинике. Впрочем, я не о том... Я взяла эту статью с собой, постараюсь передать ее из рук в руки самому академику. Статья очень ко времени, ведь среди раненых на фронтах множество с костными переломами, требующих сложных операций. Герасименко предлагает простые и эффективные, абсолютно новые разработки. Еду с надеждой — вдруг Бурденко поможет своему бывшему ученику и вытащит его...

— Дай Бог, дай Бог, — сказал Сергей.

— Вот и я молюсь. Да, молюсь. Кажется, с таким же трепетом и надеждой, как в девичестве, когда уже верила.

На глазах ее заблестели слезы. И тут глянула на часы. Время!

Морозов проводил гостью до машины, пожелал успеха.

В доме Морозовых Наталья Васильевна снова появилась только через месяц. Была очень утомлена, дотащилась до агробазы. Оля тут же уложила ее спать, а Сергей пошел звонить в Чай-Урюю, чтобы прислали машину.

Перед отъездом гостя рассказала о семинаре и о военной Москве. И подробней о встрече с Бурденко.

— Его там все ищут, все просят и все страшно боятся. Он такой недоступный. Генерал! Главный хирург Красной Армии. А по природе своей мужик, даже хамоватый, не верится, что ученый. Со всеми на «ты». Но голова! И руки золотые. Это общее мнение врачей. Какие операции — уму непостижимо! Я его караулила и у дома, и в институте нейрохирургии, и в редакции журнала. Гонялась по Москве. Надо же передать рукопись, это главное, почему согласилась лететь за восемь тысяч километров. И вот удача. Он спускался по лестнице, я стала на пути, сердце в пятках, рукопись в руках. Идет на меня тараном, я говорю: «Товарищ генерал-полковник, вы помните своего талантливого

ученика Николая Герасименко?». Он удивился моему нахальству, губы выпятил, думаю, ну — сейчас матом... А он вдруг спрашивает: «Кольку-то? Помню. Ты кто ему? Жена? Где он?» — «Я ему не жена. А он в лагере, на Колыме» — «Враг народа? Ну, понятно. Иди на Лубянку, там объясняйся и требуй освободить, если такая храбрая». — «Вот его рукопись. Новая методика костных операций. Для вашего журнала», — и сую ему в руки. Вокруг уже десяток сотрудников, меня оттирают, а он стоит на лестнице и читает. Страницу, вторую. Оторвался, командует: «Иди за мной!» — и в кабинет. Там прочитал до конца, уставился мимо меня, не видит, о своем думает. Тронул кнопку, вошел полковник, он ему: «Вот рукопись, отправь срочно в набор. И в номер». Меня спросил: «Как он там, мой ученик?» — «Работает», — и коротко рассказываю, вся почему-то дрожу. «Ты вот что, — говорит уже спокойней. — У меня сотня знакомых и учеников по лагерям. С Самим я говорил, даже ругался, так что помочь Кольке Бурденко не может, вот так и скажи ему. А статья отличная, она будет напечатана, для полевых хирургов на фронте — огромная помощь. Неважно, кто ее написал — враг или друг. Важно солдата спасти. Привет от меня передашь, поздравишь. А теперь иди. Будет его статья и его фамилия в журнале будет. Осложнения и все такое беру на себя».

Наталья Васильевна раскраснелась, губы ее дрожали, чашку едва удерживала, вновь переживала все пережитое.

— В какое время мы живем, дорогие мои... На войне убивают, здесь доводят до смерти изуверски. В тюрьмах, как я слышала, расстреливают или морозят, чтобы патроны не тратить. Свои — своих... Ни с каким монголо-татарским игом теперешнее сравнить нельзя. Безумие безумных! Я делаю обход барачников, заранее наглотавшись валерианы. Вот они, умирающие. А помочь не могу. Им куриный бульон и сухарики нужны, через неделю поднялись бы, а через месяц-два людьми стали бы. Нет же, пусть умирают, за высокую смертность в Дальстрое не наказывают, напротив... Такие инструкции от Берия. Вы слышали, что заместитель Никишова, генерал Корш застрелился? Думаю, что совесть убила.

Морозовы уговорили Наталью Васильевну пройти по теплицам, отвлечься от переживаний. Она пошла, дивилась обилию красных помидоров, в удивлении остановилась в коридоре второго блока, где всюду были цветы, а у выходов подымались до стекла древовидные красные и зеленые растения клещевины. Тропический лес...

— Труд создал человека, а человек свободный воссоздает красоту. Но ведь это оазис только, а вокруг — зоны, как и у нас...

— Труды Оли и ее подруг, — Сергей не скрывал гордости. — Геологи, горняки приходят, просят разрешения посидеть здесь хотя бы полчасика, вспомнить, что на белом свете существует красота, а не только голый камень, лед и кровь...

— Ох, как бы мне хотелось устроить нечто подобное в своем хозяйстве! — вздохнула Наталья Васильевна. — Боюсь, что не удастся. Не позволят, чтобы в концлагере, куда привозят умирать, люди увидели цветы... Как посмели? И все-таки, помогите мне в этом, Сергей Иванович. На зло всем чванливым полковникам!

— Скорей стройте теплицу, добывайте лес, кирпич, стекло. Чертежи у вас. За мной дело не станет.

Он проводил ее к машине. И тихо сказал:

— Не повредите себе или Николаю Ивановичу. Будьте осторожны. Дождемся конца этого ада крошечного!..

Прошло совсем немного времени, и в один ненастный дождливый день, уже под вечер, к Морозовым постучались. Дверь открыла Оля и увидела на крыльце Наталью Васильевну.

Ока была неузнаваема. Осунувшееся, постаревшее лицо, взгляд человека, который едва владеет собой то ли от нервного перенапряжения, то ли от чрезмерной усталости.

— Не ждали? — спросила, слабо улынувшись. — Я из Магадана. Автобус дошел до Берелеха и сломался. Куда деваться? Вот и пошла к вам.

— Пешком?

— Да, пешком. Боюсь ездить с незнакомыми шоферами.

— Входите скорей, раздевайтесь, — Оля заторопилась. — Сейчас я устрою душ, а вы пока лежите, снимите усталость. Сережа придет поздно, у них сегодня сбор в теплицах, пока закончат да на склад отправят...

К приходу Морозова Наталья Васильевна успела отдохнуть. Закуталась в халат Оли и с удовольствием села за стол перед чашкой горячего чая. Оля не спешила расспрашивать ее, возилась с дочкой, кормила, жаловалась, что молока у нее мало, и слушала советы гости.

Вошел Сергей, поднял в приветствии руки.

— Вот приятный сюрприз! Здравствуйте. Опять в путешествие?

Из... Значит, туда ехали мимо и не сумели заглянуть? Что нового?

Он ждал рассказа о создании огорода, строительстве теплицы. Но Наталья Васильевна вдруг сказала:

— Меня исключили из партии. В политуправлении Дальстроя. В присутствии самого Никишова.

И опустила голову.

Молчание повисло в доме. Оля тихонько прошла в спальню, уложила заснувшую дочку, подошла к госте и обняла ее, прижавшись щекой к щеке.

— Значит, журнал со статьей Герасименко вышел? — сказал Сергей.

— Да, его прочитали на Лубянке, потом в Дальстрое — с соответствующим указанием о расследовании. Редкостное дело: заключенный с Колымы выступает во всесоюзном журнале! Мне задали вопрос: кто отправил рукопись в Москву? Я не стала лгать, ответила, что отвозила лично, когда летала по вызову. Вот тогда и началось! Ушат гадости на мою голову. Я тоже не молчала, сказала, что любой врач сегодня больше всего думает о раненых солдатах на фронте, что гуманность и желание помочь... Ну, и все такое. Кажется, погорячилась. Никишов наорал на меня, пригрозил тюрьмой. Я сгоряча и бухнула: «Это вы умеете. А вот лечить...». Тут возникла пауза, Никишов побагровел, за сопел, но промолчал. Я положила, как было приказано, билет на стол. И не дожидаясь, пока погонят, вышла из кабинета. Похоже, они опешили. Никто не остановил, не приказал вернуться. Привыкли к иным судилищам, когда на колени падают, молят о пощаде и каются.

Передохнув от длинной речи, она добавила:

— Лишь позже я подумала о последствиях. На мне они уже отыгрались. Теперь возьмутся за автора статьи, за Николая. Вот о его судьбе я вгорячах не подумала. Страшно за него. Все время страшно. Завтра приеду, а его уже нет. Ну а если дознаются, что у нас с ним близкие отношения, нам обоим не сносить головы.

Она закрыла лицо ладонями и заплакала.

— Ведь мы любим друг друга! Любим! Что они сделают с нами?!

— Ничего не сделают, — сердито и громко сказал Сергей. — Они ничего о ваших отношениях не знают. И не узнают. У них только одно на уме: журнальная статья. Вы точно выложили им нравственную сторону своего рискованного шага. Об этой стороне они давно забыли. Это забота о раненых на фронте, о человеке вообще. Не мешало бы сказать и о Бурденко, его имя сбило бы с них спесь.

— Ох, как же я не сообразила!

— У вас еще будет возможность. Приедете к себе, вас вызовут в политотдел. Насколько я помню, есть такой порядок: исключают из ВКП(б) в той парторганизации, где коммунист на учете. Так?

— Кажется, так.

— Вот там вы и скажете, что статью отдали самому начальнику медицинской службы Красной Армии, академику,

генерал-полковнику Бурденко. И посмотрите, извиняюсь, на рожи ваших судей. Свиснут! И ничего вам не сделают. А вот Николая Ивановича могут отправить в другой лагерь. Если эта мысль будет высказана, вам, наверное, следует напомнить им, что Бурденко знает о судьбе автора этой важной для фронтовых врачей статьи. Все чекисты Дальстроя как огня боятся попасть на фронт. Конфликт с человеком такого ранга, как главный хирург Красной Армии, для здешних полковников опасен. Вот и все. Вы уже доказали свою смелость и решимость. Не теряйтесь перед мелкой сошкой. Они — трусы!

— О, Господи, я так растеряна, так напугана! Мне бы на том заседании сказать все это, мысль бродила в голове, а вот забыла. Вы правы, Сергей Иванович. В конце концов, напишу в Москву редактору журнала. Если у него разыгрывается самолюбие, он и самого Берия не побоится.

— Козыри в ваших руках. Не так страшен черт... Давайте я вам горячего чаю налью, этот уже остыл. Или, может быть, мы с вами по рюмочке, за счастливый исход дела? Смотрите, какую закуску несет нам Оля!

ТАКИЕ ВЫСОКИЕ ГОСТИ...

Из конторы агробазы к Морозовым прибежал дежурный, крикнул:

— Сергей Иванович, срочно к начальнику. Второй раз звонят...

— Скажи, что вышел. Иду.

Эти частые вызовы в контору, в управление, в поселковые учреждения всегда срочные, без понятия о его занятости, всегда к людям в погонах и почти всегда по пустякам вызывали у Морозова чувство протеста. Они подчеркивали его подчиненность, общественную неполноценность, они напоминали Морозову, что он — всего лишь приставлен к делу и если проявит строптивость, то будет вышвырнут, отстранен, а то и хуже... Моральная удавка над каждым, кто прошел через Севвостлаг.

Ходьбы от агробазы семь минут, проверено. Очевидно, не к начальнику совхоза, тот приходит сам.

Сергей еще издали увидел высокого человека в офицерском плаще, он прогуливался туда-сюда перед конторой, руки назад. В стороне стояла черная «эмка». Шофер сидел у открытой дверцы. Начальник совхоза стоял в стороне.

— Здравствуйте, Морозов, — незнакомый посетитель первым протянул руку. Плащ его распахнулся, блеснул золотой генеральский погон.

— Здравствуйте, — Сергей не знал, как величать посетителя. Тот догадался, сказал:

— Меня зовут Иваном Семеновичем Сидоровым. Я начальник политуправления Дальстроя, и у меня, и у вас есть неотложное дело. Давайте пройдемся по полю, по теплицам, я вам кое-что расскажу, а вы мне кое-что покажете.

Неожиданность и некоторая боязнь столь высокого чина прошли. Оставалась неизвестной причина такой заинтересованности к совхозу. И неловкость перед начальником совхоза, которого генерал вроде бы вообще не замечал.

— Знаю, — сказал Сидоров, когда они пошли, — что вы здесь почти три года и кое-что успели сделать для хозяйства. Управление вашей работой довольно. А ведь агрономический опыт у вас небольшой, верно? До ареста вы поработали в колхозах менее трех лет, а потом... Читал ваши статьи в магаданской газете и журнале. Неплохо. Вы вообще владеете пером, это мои сотрудники говорили, они ведь все читают, такова их работа. Сами-то вы довольны своим трудом, жизнью?

— Не жалуюсь, — Сергей с трудом подобрал нейтральный

ответ.

— А семья как? Здоровье супруги?

— Спасибо, — и умолк. Станные вопросы. Что ему моя семья? Эта мысль беспокоила, как все неподвижное.

— В Дальстрое вами довольны, — продолжал Сидоров. — Вы подняли совхоз и, как специалист, на хорошем счету. Ну, а мы, кажется, уже на месте. Это ваши теплицы?

— Первый блок. Он сильно просел, вытаяла вечная мерзлота.

— Понятно. Но давайте договоримся так. Я буду смотреть, делать замечания, а вы их записывайте. Есть блокнот?

— Да, вот он. А карандаш... Что такое? Забыл...

— Возьмите мое перо. Это паркер, — и генерал едва не угодил в лужу воды на дороге.

— Фу, как некрасиво! На входе. Засыпьте песком. А дверь, ворота? Поставьте новые. Записали?

В тепличном коридоре, куда они вошли, сразу стало пусто. Все разбежались по теплицам. Сидоров оглядел полки с цветами, конус стеклянной крыши.

— Надо вымыть стекла, они грязные. Цветы — это очень хорошо. Кто занимался? Ваша жена? Видно, хозяйка. Но почему все цветы в банках из-под американского фарша?

— Удобная, бесплатная посуда. Гончарных горшков у нас нет.

— Будут. Сколько надо?

Морозов почему-то осерчал и резко ответил:

— Две тысячи, не меньше.

— Запишите себе. Потом эти записи отдадите мне. Две тысячи. Так. А что там под стеллажами? О, да тут старая свалка! Ах, женщины, женщины! Все вычистить и убрать.

Они шли по узкому проходу между стеллажами. На генеральском плаще появились белые полосы.

— Осторожно, товарищ генерал, мы белим борта известью. Она мажется.

— Надо белилами.

— Что вы! Их днем с огнем...

— Запишите, сколько вам надо белил.

Вот так они обошли три блока, где буйствовала зелень с плодами, потом прошли по парникам, вышли на недавно привезенные ульи с пчелами, посмотрели, как снуют пчелы от ульев к теплицам, где открыты фрамуги. Работали на совесть.

— Да-а, это вы умно придумали. Огурцов-помидоров станет больше. И работать легче.

— Помидоры — самоопылители. Без пчел, — заметил Морозов. — Только огурцы.

— Спасибо. Не знал, — Сидоров с интересом разглядывал

белые полотнища, которыми укрывали ульи от ветра.

— Что за буквы проглядывают на материи?

— Английские. Мешки из-под муки. Не отстирываются.

— Сменить! Записали? Сколько надо бязи?

— Метров тридцать-сорок.

— Записано? А что за сарай?

— Мастерская. К ней мостик, он за кустами.

— Сарай перенесите. Мостик сделайте новый, красивый. Чтобы не портил зеленый ландшафт.

— Дальше телятник и два коровника. Туда тропа.

Они стояли на берегу ручья. От пасеки к пологой сопке уходило капустное поле. Хорошая выросла капуста, разлопушилась, лист закрыл борозды, кочаны только завязывались. Дальше серела дорога, за ней второе поле и сопки с мелким лесом, а на заднем плане — белоголовый Морджот.

— Да, отличный вид! — Сидоров вздохнул. — И какая величавая гора! Редкостный пейзаж! А вообще Колыма удручающе однообразна, когда часто едешь. А тут не скажешь, что край света! Что за горы белеют справа?

— Хребет Черского. За хребтом — Оймякон, полюс холода в Азии.

— Смотрите, как много нового можно узнать с одной точки! В широте взгляда вам не откажешь, Морозов. Ну-с, а дело у нас вот какое. За три недели вы должны привести агробазу в самый наилучший вид, чтобы играла красками, плодами труда, понимаете? Оградите ее приличным забором, не из колючки, разумеется. Устройте въезд, дорогу без ям и бугров. Все потребное получите. Кораблину уже даны указания. Если что-нибудь непонятно, прошу спрашивать.

— А зачем все это?

Сидоров помолчал, раздумывая.

— Зачем? Придется сказать, но только одному вам. Без права разглашения. В Дальстрой должны приехать высокопоставленные гости. Мы покажем им один совхоз. Ваш совхоз. И кое-какие предприятия. Не хочется, чтобы на гостей произвел неприятное впечатление какой-либо из объектов. Ведь о нашей повседневности и без того много говорят такого, что не делает чести стране.

— Могу я знать, что за гости? — спросил Морозов.

— Нет. Пока нет. Да, вот еще... У вас найдется приличный костюм, галстук, туфли? Или вы всегда в телогрейке и сапогах?

— Почти всегда. Ведь работа...

— Запишите мне на память: костюм, комбинезон и так далее.

И генерал повернул к дороге. Морозов чуть отстал, спросил

довольно громко:

— Когда их ждать?

— Я еще раз успею побывать здесь. Тогда скажу. А вы засучите рукава... Все что надо получите.

Машина Сидорова уже стояла у входа на агробазу. Взявшись за ручку открытой дверцы, Сидоров строго сказал:

— Никому ни слова, Сергей Иванович! Прошу иметь в виду, что от визита гостей — как он пройдет — в значительной мере зависит и ваша судьба. Надеюсь, вы меня правильно поймете.

Морозов пожал протянутую руку, и «эмка» укатила. Он видел, как она миновала контору совхоза, постоял и вдруг понял: судьба предоставляет ему сделать все задуманное в совхозе, даже невероятное, вроде стекла, красок, забора, кирпича, машин. Этот вежливый, предусмотрительный генерал окажет ему содействие... И не только в строительстве, но и в... Тут он оборвал свои хозяйственные мысли и перенесся в область иную: кто, как не Сидоров, может помочь им с Олей перевестись отсюда в другое место, уже подсказанное милым другом Табышевым, в тот же Тауйск, откуда проще дорога на материк? Не век же вековать в Сусумане? Тем более что здесь — с того дня, когда он был вызван в райотдел НКВД и не дал нужных показаний на Орочко и Дениса Ивановича — майор Тришкин установил за ним слежку, что может плохо кончиться. Он способен устроить ему «дело» при любом удобном случае.

Подальше бы от них...

Прошло менее недели. В адрес совхоза одна за другой пришли четыре машины с грузами из Магадана. На агробазе уже шла работа, были и стекло, и кирпич, и белила, гвозди, словом, все как в сказке. И все, кто видел эту суету, обновление, спрашивали у Морозова, как удастся добывать материалы, зачем эта большая приборка? Он отвечал:

— Довольно держать хозяйство в запустении. Так решили Нагорнов и Кораблин.

Труднее всех было начальнику совхоза. Он делал вид, что все знает, все предвидел, но каждый раз, оставшись один на один с Морозовым, задавал ему наводящие вопросы. Конечно, понимал, что в совхозе ждут кого-то из большого начальства, но кого? Морозов не лгал, когда отвечал ему коротким «не знаю». Он действительно не знал!

До того дня, пока к нему не пришел с аэродрома добрый друг Ондрюшенко. Они погуляли по агробазе, дошли до пасеки, где на ульях были белейшие бязевые накидки, и тут, без свидетелей, друг спросил:

— Гости ждем?

— Кажется, да. А вот кого — не знаю. Наверное, из Москвы.

Ондрюшенко промолчал. Тогда Морозов сказал:

— Мы с тобой пойдем в теплицу, и я тебе вручу такое, чего ты давно не видывал. Сынок не болен?

— Нет. Но слабый все же. Не на юге. Третий день отдыхаем от грохота. Нет самолетов. Такая тишина, даже в ушах звенит.

— Прекратили американцы летать? Я и не заметил.

— Ходят северной трассой, есть и такая. А мы вдруг затеяли ремонт полосы и гостиницы. Как и у тебя, с размахом.

Морозов передал другу небольшой арбуз. Это был неожиданный для любого северянина подарок! Ондрюшенко остолбенел.

— Давай сумку. Для сынка. У меня есть секрет: в трех теплицах полочки близко к стеклу. Попробовал — растут! Вроде уже спелые. Никому не говорю, боюсь, отнимут для начальства.

— Ну, приду и удивлю! Спасибо тебе.

Уже когда шли к выходу, радист сказал:

— Кажется, и мы, и вы одних гостей ожидаем. Вчера открытым текстом врезался в эфир Мазурук. Из Иркутска делал разгон Сеймчану. И сказал сгоряча, чтобы приготовились к приему гостей. Оттуда, понимаешь? У нас слухи давно ходят, их летчики говорили нашим, что вроде сам Рузвельт собирается. Вряд ли. Куда ему, он же на коляске, ноги парализованные. Вот ты и сопоставь эту байку летчиков и приезд к тебе генерала. Ну, только никому, Сережа. Никому! Сам понимаешь...

Морозов почувствовал, как у него загорелось лицо. Невероятно! Доверить встречу бывшему зеку? Или не нашлось «своего» агронома?

Или время подгоняет. Теперь понятно, почему генералу Сидорову пришлось познакомиться с «делом» сусуманского агронома: решал, можно ли на него положиться? Но почему тот же Сидоров не сказал ему сам о гостях? Вероятно, еще не был уверен, что выбор на должность гида найдет поддержку у Никишова, вот и ограничился простым знакомством, сказавши, что приедет еще раз и проверит, все ли сделано, скажет, наконец, каких-таких гостей ему, Морозову, поручают встретить, отвечать на вопросы, показать хозяйство.

Труднее всего было Сергею не проговориться дома. Он одевался, обедал, лежал на диване необыкновенно молчаливый, замкнутый. Оля вдруг присела рядом, положила ладонь на его лоб, подержала.

— Нет, не заболел. А что молчишь? Тревожишься? Какой повод?

— Устал. Лучше не расспрашивай, такая кутерьма!

— А почему кутерьма? Этот генерал?

— Разнес меня за грязь, даже за твои цветы — почему в баночках из-под фарша?

Утром, когда они завтракали, Ольга глянула в окно и ахнула:

— Смотри-ка, жестяную мастерскую ломают! Ты велел?

— Новую поставят, — сказал Сергей. — Не вписывается в пейзаж. Не смотрится.

— А кто ее рассматривать собирается?

Не дожидаясь новых вопросов, Сергей влез в комбинезон и ушел.

Сидоров приехал снова без свиты, даже начальника политотдела Сенатова с собой не взял. Он сразу прошел на агробазу и успел многое осмотреть, пока Морозова нашли на ближнем поле, где он знакомил с делами только что присланного в Сусуман второго агронома. Фамилия и имя агронома были польские — Стефан Потоцкий, да и лицо — с той самой неуловимой иронией, которая свойственна многим полякам.

К генералу они подошли вместе, поздоровались. Рыжеватые брови Сидорова чуть приподнялись, когда Лотоцкий назвал себя.

— По заявке совхоза? — спросил у Морозова.

— Да, у нас начинает действовать второе отделение совхоза, — он показал место левой аэродрома. — Мне одному трудно справиться.

— Пусть знакомится с полями без вас, — Сидоров смотрел поверх головы нового агронома. — А мы еще раз пройдемся по агробазе.

Лотоцкий ушел, а генерал все стоял, все осматривался. Было пасмурно, Морджот закрылся облаками.

— Хотелось бы солнца, — вздохнул генерал.

— Не в моей власти, — осмелился заметить Морозов.

— При солнце ясней видны недостатки, — то ли в шутку, то ли всерьез отозвался Сидоров. — Откуда начнем обход?

— С вахты, наверное.

— Это не вахта, Морозов, а вход на агробазу. Вахта в лагере. Забудьте это слово.

— И рад бы. Да сидит в памяти. Самое скучное место. Особенно зимой.

Сидоров не ответил, руки засунул в карманы плаща, шел медленно, оглядывая все, что встречал. Теплицы сияли и в этот пасмурный день. Чистые стекла, белые борта стеллажей, песочек, яркая зелень. Только тепличницы в своей униформе... О чем и сказал Морозов.

— Надо бы приодеть девчат.

— Не беспокойтесь. Один день им придется погулять за

пределами агробазы. Тут будут дамы из поселка.

— Да что они понимают?! — Морозов сказал это сердито.

— Им не надо ничего понимать. Они будут присутствовать. И улыбаться гостям. Проинструктированы.

За два часа обхода генерал не обнаружил сколько-нибудь серьезных недостатков. Они присели у входа в третий блок. Лицо Сидорова выражало тихий покой. Доволен... Он вдруг положил ладонь на колено агронома, пристукнул.

— Теперь слушайте, Морозов. Завтра или послезавтра — это вы уточните сегодня к вечеру — в совхоз приедет начальник Дальстроя Иван Федорович Никишов. С ним придут гости, американцы высокого ранга. Они, конечно, осведомлены, что такое Дальстрой, Колыма. Они захотят увидеть, кто и как здесь живет, трудится, много ли заключенных, а главное, много ли у нас золота. Кое-что мы им покажем — не самое худшее. Не лагеря и не тех, кто в лагерях. Совхозный лагерь с утра отправится в лес, по грибы, по ягоды. К вам придут жены работников управления из поселка, делать они ничего не будут, их задача — оживлять теплицы, создавать видимость работы. И на поле, вдоль дороги, они будут с тяпочками, пусть хоть разок вспомнят труд в огороде. Осмотр займет два-три часа. Вечером вы снова встретитесь со своими тепличницами. Вот и все. Вопросы?..

— А если гости захотят глянуть и на лагерь? Вышки даже отсюда хорошо видны.

— Где? — Сидоров живо встал и огляделся. — Не вижу.

Не увидел вышек и Морозов. И удивленно глянул на генерала.

— Их спилили еще ночью. Не очень эстетичны, — Сидоров натянуто улыбнулся.

— А прииски? Там остановили промывку?

— Ну зачем же! Денек в забоях поработают и охранники, им полезно размяться. А заключенным предоставят день отдыха, они не будут протестовать. Не надо шокировать своих союзников видом заключенных и колючей проволоки. Маршрут по совхозу определен, лишних людей здесь не будет.

— Не будет? Вот они, непрошенные! — и показал на поле, откуда через капустные рядки прямо на них шли гуськом трое мужчин в плащах. Они подошли, щелкнули каблуками, ладони к виску.

— Майор Василенко...

— Майор Курочкин...

— Подполковник Иванчук... Прибыли в ваше распоряжение!

Генерал насмешливым взглядом скользнул по лицу Морозова.

Сказал, не поднимаясь:

— Вон там фермы. Это ваш объект. Гости пройдут к ферме мимо пасеки, мимо дома агронома. Халаты, вилы, лопаты для вас приготовлены. Корову от лошади отличите?

— Так точно, товарищ генерал! — Майор Василенко улыбался.

— Все остальное известно вам по инструкции. Это, — он тронул Морозова за плечо, — это главный агроном, заместитель начальника совхоза. Чтобы вы знали, он будет сопровождать гостей. Идите и знакомьтесь с объектом.

Офицеры сделали «кругом-арш!» и направились к коровникам. Сидоров смотрел им в спину.

— Да, приходится и вот так, — сказал с грустной ноткой. — Вилы-лопаты в руки. Большая политика, Морозов, ничего не поделаешь. Такие обстоятельства... Ваша задача тоже сложная. Вы встречаете гостей у входа на агробазу, поведете группу, будете показывать, рассказывать, конечно, очень осторожно, далеко не на все вопросы отвечать, будет кому ответить и на рискованные, мы будем слушать, оживлять разговор. С гостями приедет, как я уже сказал, комиссар Никишов, вы его называйте по имени-отчеству. Надеюсь, понимаете, ничего лишнего, никаких намеков, двусмысленностей. Если будут вопросы к дамам в теплицах или на поле — выручайте, ведь они, как говорится, «ни бум-бум» в ваших делах, профаны. Словом, завтрашний день и для вас лично определяющий судьбу... Подстраховывать в трудных вопросах будет сам Иван Федорович, вы с ответами не опережайте его. Я буду рядом. Постарайтесь вести себя, как положено хозяину, крупному фермеру по-ихнему. Да, вот еще что. Супруге скажите, чтобы заперлась в доме, занавески закрыла и не высывалась. Женское любопытство безгранично. Дом пустой, договорились?

— Вы мне не сказали, а кто же гости?

Сидоров подумал, ответил не сразу.

— Сегодня я не скажу вам. А вот завтра... Словом, так: гости высокого ранга, их поездка сюда не любопытства ради, не туризм, а государственная необходимость. Они, как и мы, воюют с фашизмом, им хочется проехать через Сибирь, немного больше узнать нашу страну, ее жизнь и потенциал. Мы тоже стремимся к сотрудничеству с ними. Вы это и на себе ощутили, не так ли?

— Да, получаю по карточкам бекон, консервы, белую муку, сахар и все такое. Слышал, что в Магадане можно купить на рынке что угодно, уже с рук. Привозят оттуда.

Генерал отмолчался. Над долиной гулял теплый ветер, гнал по небу груды облаков. Морджот временами закутывался в них, облака цеплялись за его крутые бока, накапливались и, достигнув

критической массы, обрушивались там дождем. Гора целиком скрывалась в серой пелене и вдруг стряхивала с себя облачное ненастье, чтобы опять горделиво отпечататься на голубом, промытом небе.

— Удивительно красивое зрелище, — сказал Сидоров. — Послушайте, Сергей Иванович, вы о своем будущем задумываетесь или на волю рока?..

— Думаю, конечно. Ведь у нас ребенок, да и сами в таком возрасте... Но впереди ничего светлого. Ограничения в паспорте, надзор и все такое. Человек третьего сорта. Не разгуляешься.

— А что если я вам предложу другую работу? В Магадане. Нет, не в совхозе, а в газете. В нашей «Советской Колыме»? Ведь вы хорошо пишете, читал ваши статьи.

Морозов засмеялся.

— Меня и близко не подпустят, я отчетливо представляю себе... Место в жизни теперь для меня определяется не способностью, не мастерством, а паспортом со штампом. Как я могу работать в партийной газете, если исключен из комсомола при аресте? Бывший зек!

— Все изменчиво в жизни, Сергей Иванович. Сегодня вы беспартийный, а завтра уже кандидат в члены ВКП(б). Вы же не враг, мы понимаем. Подумаешь, три годика заключения... Неприятное мгновение.

— Товарищ генерал, с вашего разрешения: кто мне даст рекомендацию?

— А если рекомендацию дам я?

Ошеломленный, Сергей едва ли не долгую минуту смотрел на спокойное лицо Сидорова.

— Шутите?

— Вполне серьезно. Хочу вас видеть в сельхозотделе нашей газеты. Или специальным корреспондентом. Квартира и все такое в Магадане. Нам нужны не только, даже не столько лагерные смотрители, но и специалисты. В таком крупном хозяйстве, как Дальстрой, не звездные погоны делают главное дело, а знатоки хозяйства. Ну, что задумались?

— Это слишком неожиданно, товарищ генерал.

— А я и не тороплю. Подумайте. Посовещуйтесь с женой. Проводим гостей, я еще побываю в ваших краях. Тогда и скажете мне, что решили.

Он тяжело поднялся, лицо непроницаемое, скользнул взглядом вокруг, произнес, вроде бы убеждая себя:

— Кажется, порядок. Вы до вечера ходите по агробазе, так сказать, придирчивым взглядом еще раз проверьте. Самолет мы ждем завтра к одиннадцати. Дамы из поселка придут сюда к

восьми. Проинструктируйте их. Кто не подходит, много болтает, отправьте домой.

— Начальника совхоза вы предупредили?

— Он свою роль знает.

— Но кто же все-таки гости?

— Завтра, завтра...

И они пошли к машине.

Можно понять состояние Сергея Морозова: весь день он думал не столько о предстоящем визите гостей, сколько о неожиданном предложении, сделанном ему. Что эта мысль возникла у начальника политуправления не из воздуха и не из чистого милосердия, он догадывался. Возможно, генералу действительно хотелось иметь в своей газете знающего агронома и он остановился на Морозове, разумеется, хорошенько расспросив всех, кто знал его, и перелистав его «дело». Возможно, что сегодняшняя лестная характеристика — некий аванс перед серьезным испытанием, попытка предупредить в разговоре с гостями опасной откровенности со стороны агронома: будучи «купленным» такими предложениями, Морозов поведет себя именно так, как задумано наверху. Но эта мысль казалась ему слишком подлой, не хотелось очень уж скверно оценивать Сидорова. Разговор-то шел не служебный, а просто человеческий. Видимо, все это было обдуманно и взвешено генералом. Морозов им нужен, они готовы оторвать его от совхоза, от привычного дела ради, ради...

И вот тут недоумение и некоторая растерянность уступали место сжигающему гневу, тоскливому отчаянию. Как, оказывается, все просто: сегодня — ты «враг народа», тебя даже формально не судят, а отрядив в эту категорию, выбрасывают, как жалкого щенка, на мороз: подыхай, ты никому не нужен, для таких — только лагерь смерти. А если останешься в живых — ты ничтожество, объект пристального наблюдения, для чего в твоём паспорте приклепнут соответствующий штамп.

Но вот ты оказался способным закрыть какую-то дыру в сложном хозяйстве Дальстроя, поскольку другого, «чистого», под рукой не оказалось. И тебя милостиво прощают, тебе даже льстят, обещают блага, прием в партию, если согласишься работать в Дальстрое, который в ту пору сделался едва ли не важнее самого Совета народных комиссаров. Да, Молотов менее значим, чем Берия. У Молотова жена в лагере, и ничего, молчит...

Постепенно все проясняется. Конечно, в НКВД с момента ареста и раньше знают, что намеченная жертва ни в чем не виновата, что человек этот не враг, он если чем и отличается от других, то всего лишь самостоятельностью убеждения, способностью мыслить более серьезными категориями, иначе говоря, обладает опасным талантом определять, что плохо, а что хорошо. Он выше их, серых, лучше видит, что сегодня нужно стране и народу, а что нет. Его, разумеется, изолируют, обрекают

на каторгу или смерть — «не высовывайся!». И тем самым открывают дорогу еще одной послушной посредственности, готовой гаркнуть «рады стараться!».

В случае с ним, Морозовым, все по масштабу не велико и проще. Под рукой Дальстроя уцелело очень мало агрономов, способных к труду творческому в северных, экстремальных условиях. А если это так, то почему «не переиграть» его судьбу? Освободив, убедиться в способности делать дело и пригласить, как Табышева, к руководству, тем самым закрыть хоть одну из многочисленных дыр в хозяйстве Дальстроя, где уже и придурки понимали: не возникни помощи со стороны могучего союзника, привычный мор заключенных обратится в массовый, неостановимый. И поток золота, естественно, обернется пересыхающим ручейком, а то и совсем высохнет. Тогда Колыма станет просто кладбищем, таким большим, что...

Перед бесстрастным взглядом Истории возникнет ситуация, требующая возмездия. Богиня Клио все видит и все помнит. Она не пройдет мимо этой трагедии на Континенте особого назначения. И двадцатый век затмит жестокостью, несправедливостью, массовыми убийствами даже ужасы татаро-монгольского нашествия и другие деяния тиранов прошлого.

В эту ночь ни Сергей, ни Оля почти не спали.

Свет они выключили, говорили тихо, ведь была особенная ночь: по совхозным угодьям и вблизи их — Морозов знал! — серыми тенями прохаживались переодетые в штатское сотрудники органов. Долина Берелеха с совхозом и аэродромом перед приездом гостей была под особым наблюдением. Стены их дома — тоже...

Морозов рассказывал, Оля слушала, иногда тихо плакала, промокая лицо уже сырым платочком. Страшная все-таки жизнь выпала на их долю!

Окно, обращенное на восток, чуть-чуть посветлело. Оля затихла. Сергей подумал, что уснула, лежал, не шевелясь, и все перебирал новые и новые доводы для ответа генералу Сидорову. И все более отчетливо склонялся отказаться от лестного, на первый взгляд, предложения. Слишком близко знал их тайную кухню, насыщенную парами предательства и жестокости.

Оля глубоко вздохнула и сказала:

— Они предлагают тебе мундир мышиного цвета. С погонами. Ты понимаешь, что это значит?

Сергей отбросил одеяло и сел. Окно уже порозовело. Где-то близко за горизонтом поднималось солнце, обещая ядреный и теплый день. Он уже решил. Слова Оли только высветили и укрепили это решение. Не будет он носить мундир страшного

ведомства! Не будет! И он сказал:

— Все останется, как есть. Не пропадем. Смотри-ка, какое солнце выходит, глазам больно. Этот день для меня будет долгим. И трудным. Ничего. Всякое уже было.

...Почти одновременно в конторке прозвенел телефон, а в небе басовито загудел самолет. По телефону предупредили: быть на месте. Главный агроном уже успел обойти все теплицы, переговорил с «тепличницами», вид которых вызвал у него только досаду. Женщины остались верны себе: они явились не на работу, а на встречу с американскими гостями, соответственно приоделись во все лучшее, сделали прически, обвесились побрякушками.

Решительно, даже сердито он потребовал снять все блестящие вещицы, спрятать их, приказал надеть простые чистые халаты, чтобы спрятать под ними вызывающие платья, а на головы — платочки. Тон рассерженного агронома шокировал начальственных жен, но приказание пришлось выполнить. И тогда Сергей провел десятиминутный урок — кому что делать.

На парниках уже прохаживались «рабочие» с упитанными физиономиями. Тут пришлось говорить грубей, откровенней.

— Ваша обязанность — открывать или закрывать рамы, больше ничего. Не стесняйтесь становиться на колени, ложиться животом на травяные маты, носить воду. И, пожалуйста, сотрите с лица начальственную маску. Вы — рабочие, понимаете, работяги всего на час-другой, потом вы опять станете капитанами и майорами, но пока подчинитесь обстоятельствам.

«Дуглас», видный на посадочной полосе, уже рулил с приглушенными моторами к аэродромной гостинице. Конечно, сейчас пригласят приехавших на ленч — или как там называется легкий завтрак? Десять-пятнадцать минут на дорогу, и они тут.

Морозов поглядел на свой домик за ручьем. Окна были занавешаны. Не спеша пошел он к новым воротам с будочкой, где стоял бородатый дядя Федя в фартуке и с бляхой на груди — вольнонаемный пилорамщик, назначенный за свою вполне российскую внешность стоять у ворот и открывать их для гостей. Констебль...

Шесть легковых машин — впереди черный «роллс-ройс» — мягко подкатили; дядя Федя с достоинством распахнул ворота. Захлопали дверцы, Сидоров вышел в цивильном костюме, как и все другие, кроме одного в генеральской форме. Морозов тотчас определил, что это Илья Павлович Мазурук, начальник Особой воздушной линии. Сидоров что-то шепнул приземистому Никишову с пятнистым лицом и тоже при галстукке, указал на Морозова. Гости сгрудились, заговорили. Никишов протиснулся к

пожилому крепкотелому мужчине с непокрытой седеющей головой, сипловато и громко сказал:

— Вот и совхоз, о котором я вам говорил. А это хозяин совхоза, агроном Морозов.

Переводчик повторил по-английски, пожилой сделал три шага, с улыбкой протянул Морозову руку и с улыбкой сказал — уже по-русски:

— Как вы живёт? — а затем через переводчика: — Вы такой молодой и богатый человек, у вас столько земли. Холодной земли, да?

— Очень холодной. Внизу здесь вечная мерзлота. Но мы научились утеплять верхний слой, сделали пашню, понимаете, пашню, огороды. Прошу со мной.

И пропустил, здороваясь за руку, своих и чужих, к теплицам. Никишов без своей военной формы, без пистолета на ремне, со сбитым галстуком выглядел растолстевшим мужиком, лавочником из двадцатых годов, его чванливое лицо, как он ни старался, не могло излучать необходимой в эти минуты гостеприимной улыбки, выражение лица у него все время менялось, кажется, он очень боялся не так повернуться, не то сказать, не матюкнуться, боялся сбиться на привычный приказной тон. И все же сбился, начальнически прогудел:

— Давай, показывай, агроном, что у тебя тут.

Переводчик, высокий молодой американец, улыбнулся, перевел, кажется, дословно, седовласый быстро глянул на комиссара и отвернулся, а холеный, с иголки одетый в охотничий костюм грузин, будто недоумевая, поднял одну бровь. И начальник Дальстроя, увидев знак, замолчал.

Растянувшись, гости ходили по узким проходам теплиц, женщины краснели, смущались, глава делегации очень просто и ласково здоровался с ними, спрашивал «как вы живёт?», Морозов объяснял, не переставая, иногда встречался взглядом с Сидоровым, тот кивал издали, а когда вышли в коридор с цветами, то сгрудились, приподнято заговорили все сразу, и Морозов утратил роль ведущего. Если бы знать английский!..

Американец что-то сказал переводчику, и тот обратился к Морозову:

— У вас хотят узнать, какие здесь сорта, откуда семена и какие затраты?

Морозов быстро, с повтором назвал русские сорта, место, где эти сорта размножают, и добавил, что себестоимость килограмма помидоров достигает восемнадцати рублей.

— Очень дорого, — послышался перевод гостя. — Шеф считает, что можно прогореть. Какое топливо в теплицах?

— Дрова, — ответил Морозов. — Уголь не годится. Ядовитый дым.

Шеф закивал: так, так! И вдруг на Морозова посыпались вопросы чисто агрономические: время созревания, способы питания растений, болезни, состав почвы, период вегетации, влажность воздуха в теплицах, снова сорта — почему с юга? — имена русских ученых во всех областях агрономии. Морозов отвечал обстоятельно, не раздумывая. Он назвал Эйхельда, Вавилова, Лорха, Дубинина, Бербанка, Писарева, Мичурина.

— О, Лютер Бербанк! — и шеф поднял большой палец.

— А Лысенко вам помогает? — спросил через переводчика.

— Лысенко далек от проблем северной агрономии.

Сказал и почувствовал, как вспотел лоб. Шеф улыбнулся, подвинулся ближе, вдруг обнял Сергея за плечи и не без гордости сказал, приблизив лицо к лицу:

— Я — фермер. Вы — фермер. Мы кормим людей. Но вам труднее.

Полюс холода вот там, близко. На Аляске теплей, да! И все же томаты...

Он погладил красный плод на ближнем кусту. Так и ходили в обнимку минут десять. Поверил, что не подставной, а действительно агроном! Сергей ощущал теплоту его руки, отцовской руки.

Гости довольно бесцеремонно срывали огурцы, помидоры, ели их, смешливо переговаривались. Морозов поманил переводчика.

— Скажите всем, что плоды надо мыть. Мы кормим растения навозом. Болезни...

Американцы дружно рассмеялись, заговорили. Переводчик сказал:

— Не беспокойтесь. Ваши гости получили по восемь прививок. От всех болезней сразу.

Шеф начал рассказывать, что у них, в США, есть сорта ранней капусты, они могут прислать, на что Морозов ответил, что хотел просить об этом.

Так прошли два тепличных блока, вышли, стали кучно. На поле, рядом с агробазой, работали с культиваторами два трактора-русский ХТЗ и американский Джон Дир. Шеф с улыбкой смотрел на них и вдруг хитро, по-стариковски подморгнул Сергею. «Хитрый!» — так он понял улыбку руководителя делегации.

Цветы их поразили.

— Выберите себе на память, — предложил Морозов.

И тотчас у всех на пиджаках, в кармашках появились виолы,

бархатцы, гвоздики, астры.

— Цветы в высоких широтах не пахнут, — сказал Сергей. — Не знаем почему. Особенность крайнего севера.

— Открытие! — шеф озорно поднял руки. — Вам премия! Я сам пришлю семена цветов, вдруг они будут с запахом...

Когда переводчик занялся разговором гостей и Никишова, Морозов оказался рядом с Сидоровым и не удержался, спросил:

— Теперь вы можете сказать, кто это?

— Могу, могу. Это вице-президент Соединенных Штатов Америки Генри Уоллес. Справа от него — управляющий военной информации США Оуэн Латимор.

Боже мой! Сергей просто онемел. Вице-президент!..

— А вот тот, грузин?

— Это генерал-полковник Гоглидзе, начальник Хабаровского управления НКВД... Кто вас еще интересует? Мазурук?

— Я узнал его по фотографиям. Только он располнел.

— Не ходит пешком. Летает... Покажите гостям пасеку.

Пчелы в этих широтах очень удивили американцев. Уоллес к ходу рассказал анекдот о немцах, которых где-то во Франции атаковали патриотически настроенные пчелы и прогнали оккупантов от меда. Затем он долго, с какой-то отрешенной мыслью смотрел на величавый Морджот, на зеленые сопки вокруг совхозных полей. О чем думал здесь, в центре всероссийской каторги — сказать трудно. Знал, конечно, кто добывает золото, но пока еще не увидел ни одного заключенного. И не увидит. На прииске, куда возили Уоллеса, в поте лица работали переодетые вохровцы и солдаты внутренних войск.

Гостей совхоза непрерывно и со всех сторон снимали фото- и кинорепортеры.

Наконец, вице-президент и его группа дружески попрощались с Морозовым. Никишов поднял на него холодные глаза и кивнул. Ни Гоглидзе, ни другие чины не сочли нужным подойти. Знали... Только Сидоров шепнул Сергею:

— Экзамен вы выдержали.

Вереница машин ушла с агробазы. Пестрой толпой покинули теплицы щебечущие на все голоса женщины. Морозов облегченно вздохнул и пошел домой... Рассказывать.

Позже он узнал, что побывали гости и в коровниках, оттуда уехали в аэропорт, ночевали и бражничали в гостинице. И на другой день отбыли в Магадан, где из магазинов заблаговременно убрали все привозные товары, заменив их отечественными. Побывал Уоллес, судя по газетам, и в Иркутске, его речь перед городским активом напечатала даже «Советская Колыма». Уоллес говорил о содружестве двух великих держав, о грядущей победе над фашизмом и высоко ценил героизм русских и американских солдат.

Годом позже Сергей случайно узнал от агронома Пучкова, работавшего в аппарате Дальстроя, что они получили журнал «Сайенс» со статьей вице-президента о его путешествии по Колыме и Сибири, там было несколько строк о Сусумане и фото, на одном из которых замечен и Морозов. Но показать журнал не мог: собственность секретного отдела... Кажется, была и посылка с семенами для совхоза «Сусуман», но ее задержали в карантинной службе, и до адресата она не дошла. Мало ли что в семенах?..

Обо всем этом Сергей не раз заводил разговор с Олей, она слушала и, казалось, ждала чего-то другого. I.

Наверное, не прошло и месяца, как Морозова пригласили в политотдел Западного управления, назвали час. Он явился раньше, долго сидел в приемной. Наконец, вышли Сидоров и начальник политотдела Сенатов, вежливо поздоровались, и Сидоров поманил Сергея в пустой кабинет. Сели. л.

- Вами довольны, — сказал Сидоров. — Совхоз представили отменно. Если есть какие нужды у хозяйства, спешите отправить заявки в Колымснаб, пока все под впечатлением... Ну, а теперь о личном. О работе в газете «Советская Колыма». Ваше решение, Сергей Иванович?

Морозов вспыхнул, как девица, но глаз не отвел. Сказал как можно мягче: 1.

— Ваше предложение очень лестное, я его серьезно обдумал. Но смена профессии для меня... Поверьте, очень трудно решиться. Я люблю свое дело, работу с землей и растениями, у меня уже какой-то опыт. Пишу книгу о северном земледелии. Как все это бросить, товарищ генерал?

— Так вы отказываетесь? — Сидоров удивленно смотрел на

него.

— Как это ни трудно... Хочу и дальше работать по специальности. Очень, очень ценю ваше доброе отношение ко мне, но прошу понять...

Повисло молчание. Морозов опустил глаза, рассматривал свои ботинки. Он ожидал грубого окрика, уговоров. Но Сидоров как-то просто сказал:

— Что-то вы не договариваете. Но это ваше дело, Морозов. Приказывать я не хочу. Помочь вам — другой вопрос. Желаю успеха в жизни.

И встал. Поднялся и Сергей. Подаст руку или нет?..

Подал. Пожал его руку, чуть заметно улыбнулся и ушел в кабинет Сенатова. Морозов вышел из дома, постоял на крыльце, вдохнул чистого воздуха и, ускоряя шаг, потопал домой. Вдруг сделалось очень покойно на душе. Хорошо очень.

Открыл дверь и с порога весело спросил:

— Блины? Аж у первого блока запах... Голодный я страшно.

— Устоял? — Оля держала на весу сковородку.

— Все — о-кей! — как любит повторять мой новый знакомый мистер Уоллес. Никаких переводов! Дальстроевский мундир мне не к лицу. Как-нибудь проживем и в цивильном пиджачке.

Через несколько дней на агробазу пришел его друг Ондрюшенко и, со слов начальника аэропорта, рассказал о банкете, состоявшемся в тот вечер, когда Уоллес побывал на прииске и в совхозе. Между прочим, высокий гость, как сказал начальник аэропорта, не без удивления спросил: почему за столом он не видит своего коллегу из совхоза?

Никишов побагровел от неловкости и развел руками:

— Не мог приехать, дела...

И все-таки этот визит и все дальнейшее за ним не остались без последствий. Время, события... Они менялись куда скорее, чем менялся сам человек. Они менялись цветом, как день и ночь.

ПРОСВЕТ В БЕСПРОСВЕТЪЕ

Все такие же лютые морозы зимой, когда в тишайшем, кристально-чистом воздухе за триста метров слышно, как скрипят по дороге арестантские ботинки из свиной кожи; как над остановившейся бригадой свистит теплое дыхание изо рта — пар мгновенно обращается в кристаллики льда, а холод пробирает действительно до костей.

Все такой же сыпучий перемороженный снег уже в октябре покрывает землю, все так же хрупки, словно сосульки, ветки тополей, а при рубке полена на улице от удара вдруг рассыпается тяжелый колун, и только куски чугуна остаются на снегу — топорщице, осушив ладони, высасывает из враз ослабевших рук дровосека.

Зимний день страшно укорачивается. Воздух все чаще заполняется густым туманом: значит, далеко за сорок... Над приисковыми забоями, прорезая черный воздух, скрещиваются прожектора. Их зияющие световые прорезы выхватывают на дне котлованов медленно работающих — лишь бы не замерзнуть — заключенных. А на трассе нет-нет, да и ухнет странный звук, словно взорвется напорная вода, достигшая критической массы: то разлетается в клочья очередной автомобильный скат на стоянке «студебеккеров», и шоферы, греющиеся в дорожной забегаловке, толпой кидаются к дверям: не на моей ли машине беда?..

Крепко сжав еще не до конца съеденные зубы, запеленавши стареньким кашне задубевшее лицо, заключенные в двести тысяч ломов и кайл долбят неподатливую породу, проклиная и сгинувшего Ежова, и новое на Лубянке начальство, какого-то Берия, и безвестных геологов, нашедших в проклятом крае больше десяти граммов золота на кубометр грунта. Эти граммы на весах жизни перетянули десятки тысяч живых и теплых человеческих тел...

По тысячеверстной трассе, по ее ответвлениям на Бутугычаг, на Буркот, на «Аннушку», Среднекан, Сеймчан, Ат-Урях и Туманный, на Бурхалу и Ударник, и на какой-то богом забытый, чекистами найденный Делянкир — повсюду слышатся последние вздохи умирающих.

Желто светятся над приисками фонари по оградкам зоны. На небе вдруг возникают многокрасочные сполохи сияний. И так страшны эти спорящие друг с другом огни, что немногочисленные волки прижимаются брюхами к снегу и воют с такой тоской, что сами пугаются своего голоса. Жутко живым. Ой,

жутко!

Где же весна? Где тот теплый свет, который может оживить мерт-вячину зимнего пейзажа и вселить надежду на продление жизни? Далека весна, и нет на нее надежды. И в ноябре, и в марте, и в июле на приисках одинаковый рабочий день: двенадцать часов. Двенадцать! Ужасающая продолжительность эта, по мнению начальника прииска «Ударник» Кацмана, высказанного на совещании в Сусумане, способствует оздоровлению организма и укреплению человеческих мышц. Это «оздоровление» уменьшило за один 1943 год количество заключенных на прииске на двадцать процентов, половина из которых легла в отработанный разрез, а вторая половина поехала завершать последние недели жизни в инвалидный лагерь, скорее всего в знакомую Морозову Чай-Урюю...

К началу 1944 года общее число заключенных в Севвостлаге, после раннего закрытия навигации на Охотском море, резко сократилось. Пришли слухи, что в Находке бараки опустели. Три тысячи этапников увезли в Нагаево последним теплоходом, среди них были и люди из освобожденных от немцев областей нашей страны. Опять же русские и украинцы, обвиненные в том, что остались живы за месяцы, проведенные под немецкой оккупацией. Живы — значит немецкие пособники, враги... Пленных немцев на Колыму не привозили, а вот народ из Восточной Европы прибыл на Континент особого назначения.

Для них колымская зима 1943–1944 года оказалась роковой. Золота они накопили мало: не тот «костяк», что у заключенных раннего «захвата».

В верхах Дальстроя снова заговорили об острой нехватке рабочей силы, о необходимости как-то сохранить в рабочей форме те двести или триста тысяч «врагов народа», которые уже разменяли наполовину свою десятку или восьмерку и как-то «вжились» в рабские условия. Этот основной кадр гулаговских рабов давал до девяноста процентов плана по золоту и олову. На них, если угодно, держался авторитет и судьба Дальстроя. Ирония судьбы?

Появились «гуманные» приказы. Рабочий день уменьшался до десяти часов. Разрешалась в свободное время индивидуальная промывка породы на отработанных отвалах.

Баланда стала пахивать мясной тушенкой. Две ложки перловой каши были смазаны маслом незнакомого запаха. Кисель стал погуще. Все это шло «оттуда», но сытыми лагерников оно не делало. Однако надежду на перемены навевало.

И тогда же в кабинетах НКВД и в политотделах сотрудникам зачитывали приказы заместителя начальника НКВД В. Н.

Меркулова о повышении бдительности в местах отбывания сроков для «врагов народа». Ведь еще живы, проклятые!

Колыма ждала пополнения. Тем более что советская армия подошла к западной границе. Органы готовились к «большой облаве». Еще не были сведены счеты с Прибалтикой, с западной Белоруссией и Украиной. Будет, будет пополнение! Больше чем ожидалось.

Тегеранская конференция, сообщения о совместных действиях СССР, Англии и США, несломленное сопротивление Франции — все это было предвестием конца нацистской Германии, победой демократии. Все вызывало в лагерных зонах подъем и надежду на справедливость. Пусть и чудовищно запоздавшую.

И грустно, и смешно: почти две недели в приисковых столовых заключенным на второе давали... манную кашу. Как в детских садах. Ничего другого на складах Колымснаба не было. Огромные чаны в двух квасильных складах совхоза «Сусуман» стояли пустые и высокобленные.

Весна сорок четвертого была на Колыме бурной и спешливой. Страда на совхозных полях кончилась за две недели. Капуста пошла в рост как-то очень смело, на поля было приятно смотреть. Морозов ходил козырем.

И вдруг — записка от агронома Потоцкого: опасность! Массовое распространение капустной мухи. Что это значит, Морозову искать в учебниках не надо. Знал, что урожай под угрозой.

Он поехал на второе отделение.

Стефан Потоцкий уже показал себя дельным специалистом и неплохим организатором. Для лидерства у него не хватало веры в собственную правоту — болезнь многих специалистов, прошедших лагерь. Потоцкого лагерь сделал «закрытым» человеком: он не торопился высказать свою точку зрения, больше слушал, а не говорил. Это делало его одиноким. И теперь, когда мысль Морозова постоянно возвращалась к одной заманчивой цели — уехать на побережье, где и работать интересней, и можно быстрее попасть на самолет или корабль, чтобы покинуть Колыму, — об агрономе Потоцком хотелось думать как о преемнике на посту главного. Руководство вторым отделением было для Потоцкого трамплином к переходу на место Морозова. Об этом Сергей сказал ему честно. И, кажется, напугал.

Хотелось, чтобы Потоцкий освоился с этой мыслью.

Тем временем в совхозе неожиданно сменился начальник, приехал из Магадана Рубцов, договорник, член партии, зоотехник по специальности. Морозов немного знал его по Дукче как

специалиста вдумчивого и умного. Они быстро нашли общий язык. «Ваши дела — это ваши дела», — сказал Рубцов при первом же разговоре, давая понять, что полеводство не его сфера деятельности.

Жалко было капитана. Его отправили начальником какого-то штрафного лагеря. Попрощались они дружески. Оглядевшись, капитан сказал:

— Ты вот что... Между нами... Остерегайся майора Тришкина, он копает под тебя. Может запрятать. Правда, после такого доверия к тебе со стороны Сидорова ему трудней, но все же остерегайся.

Совет не просто дружеский, а оберегающий. Он только укрепил желание Морозова уехать в Тауйск, о котором говорил ему Табышев. Кораблин будет противиться, это ясно. Хотелось, чтобы и он поверил в Потоцкого, как в достойную замену. А тут капустная муха, урожай под угрозой!..

Три дня Морозов провел на втором отделении. Работа с сулеймой, которой поливали каждый кустик капусты, требовала строгости и предельной осмотрительности: сулема — яд, а что на уме у сотни заключенных женщин — не узнать. Для самоубийства — два глотка, и конец мучениям, жизни. Ответственность — на агрономах.

Это были напряженные дни, работа, к счастью, закончилась благополучно. И только тогда Морозов доложил о неприятности Кораблину. Конечно, высказал свое удовлетворение Потоцким как организатором и агрономом. Кораблин понимающе улыбнулся.

— Готовите себе смену?

— Так точно. Не скрываю. У меня растут две девочки. Колыма не для них, пора увозить.

Кораблин ничего не ответил, только пробарабанил пальцами по столу. И заговорил о голоде, давая понять, сколь нужна сегодня приискам продукция совхоза.

До согласия управления на его отъезд было, конечно, далеко.

Но в тот же вечер Морозов написал письмо Михаилу Табышеву с напоминанием о Тауйске. Если бы вмешался кто-нибудь из власть имущих в Магадане! Как бы это облегчило проблему!

А жизнь подбрасывала свои проблемы — неожиданные и опасные.

Сергей Иванович заканчивал обход первого и второго блока, когда ему позвонили из конторы, чтобы пришел. Поморщился, но отнекиваться не стал, только глянул на третий блок — его можно обойти позже. Успел прошагать полпути до конторы, а оттуда навстречу бегут Рубцов, Романов, секретарша, кладовщик — с испуганными лицами, с криком: пожар на агробазе! И тычут руками в ту сторону.

Он оглянулся. Над третьим блоком подымался и клонился под ветром столб дыма, понизу желтело пламя.

Обгоняя всех, Сергей Иванович побежал назад. Что только не возникало в разгоряченной голове! Ну да, затопили печи, тепличницы по утрам всегда торопились, за ночь нахолодало; среди них три новеньких, неопытных. Или растопку уронили, или где-то рухнул старый свод, а рядом перегородка, огонь лизнул по ней и пополз вверх по рамам... Сердце готово было выскочить. Тришкину чистый повод шить дело.

Он прибежал, когда слесарь и пилорамщик в два ствола сбивали пламя. Жарко шипели горевшие доски, испуганно бегали с ведрами тепличницы. Он одним взглядом оценил обстановку, скомандовал:

— Откройте все краны! Ведрами, ведрами по стенам! Мужики — на крышу, выбить крайние рамы!

И сам полез на стеллаж, топча густую поросль помидоров, потом на крышу, кто-то подал ему ведро, другое... Горели переплеты на шести рамах одной теплицы, огонь лизал стенку из досок, а между ними опилки со шлаком. Внизу толпились конторские, все тепличницы, что-то кричали, указывали руками, кто-то рыдал в стороне, конечно, это новенькие...

Лилась вода — с утра баки полные, напор хороший, пламя слабело, дым с запахом горелой замазки уже только стелился. Еще, еще воды! Ну, кажется, огонь сломался. Рядом с собой увидел вдруг Зину Бауман, она спокойно сказала:

— Сойдите вниз, Сергей Иванович, мы сами... Вас там ждут для объяснения...

Он удивился ее спокойному голосу, такому странному в шуме-гаме. Спрыгнул с крыши, огляделся. Стена еще тлела, но то была концовка пожара. Больше переполоху, чем убытку.

И тут он увидел машины. Нет, не пожарные — они примчатся, когда все кончится, — а три эмки, от них шагали подполковник Нагорнов, Кораблин и майор Тришкин с неприятным, замкнутым лицом. На правой руке Нагорнова висела

знаменитая плетка — короткая, витая из ремешков — с ней он ездил по приискам и, говорили, любил пускать в дело. Не только по заключенным...

— Ну что, агроном, — услышал он его заикающийся голос. — Пожар устроили? — тональность была пугающе высока. Ни приветствия, ни сочувствия, ни совета. Одна угроза.

Морозов не сразу ответил, повернулся к толпе тепличниц, скомандовал:

— Пожалуйста, по местам. Зина, приведите ко мне... Кто там? Варя Копылова, ее теплица. Пусть подойдет и объяснит. Кузьмич? — крикнул еще громче, словно начальства и не было рядом. — Передай шланг соседу, да, да, тебе, залейте стенку, там опилки тлеют. И дрова в печи...

Повернувшись, он встретил горящий взгляд Нагорнова.

— ЧП, — сказал как можно проще, в то же время обтирая грязные руки о грязный свой комбинезон. — В одной печи свод рухнул, пламя пробилось и полезло по стене. Кажется, все кончилось.

— Кончилось?! А если бы разгорелось? Если бы все теплицы?.. — подполковник, словно бы примеряясь, хлестнул себя по сапогу. Глаза у него были сумасшедшие. Взвинчивал себя. «Ударит или не ударит?» — мелькнула мысль. И Морозов сделал шаг к Нагорнову. Ну, давай! Он уже знал, что произойдет, если тот посмеет.

— Вы поспокойней, Сергей Иванович, поспокойней, — сказал стоявший рядом Кораблин. — Понятно, что взволнованы. Объясните Федору Вячеславовичу, что такие случаи при двухстах печах не редкость. И благодарите судьбу, что случилось это днем и при народе, а не ночью, когда одни дежурные.

Нагорнов упустил момент для привычной разрядки. Конечно, начался разговор на повышенных тонах, ему как-то надо было выпустить пар, все еще перегретый. Плетку он скатал на руке. Стараясь придать своим словам больше угрозы, рывкнул:

— Пре-м-мии за этот год я тебя лишаю! И благодари судьбу, что так обошлось. Иначе поехал бы отсюда с майором Тришкиным. Надолго бы поехал...

— Не так сразу, — удивляясь своему спокойствию, ответил Сергей. — С женой, с дочками простился бы...

Нагорнов круто повернулся и пошел к машине. Кораблин слушал майора, тот вполголоса что-то выговаривал ему.

— Да, вот что, Сергей Иванович, — сказал Кораблин, не дослушав Тришкина. — Немедленно объяснительную записку на мое имя. Все подробно. И фамилии виновных тепличниц, печника.

— Я, я виноватая! Меня накажите!.. — взвился слезный девичий крик. Тепличница Копылова, совсем молоденькая, с мокрым лицом, рухнула на колени в трех метрах от них. И отчаянно зарыдала, прижав грязные, в копоты, руки к лицу.

К ней подошла Зина Бауман, глаза ее жгли, щеки пылали. Сейчас она выложит им...

— Возьмите Копылову, бригадир, — быстро сказал Морозов. — Тут и без истерик хватает всякого.

Взвыл мотор начальственной «эмки». Нагорнов укатил. Сергей все стоял с двумя руководящими. И в это время из поселка на полном газу примчалась пожарная машина. Парни в брезенте, с топориками у пояса спрыгнули, побежали к теплице.

— Верны себе, — усмехнулся Кораблин. — К шапочному разбору. Вот с кем вам работать надо, майор. Поехали?..

Тришкин постоял, подумал. Еще раз оглядел Морозова.

— Копию докладной на мое имя, — сказал негромко.

— Чего? — Морозов в самом деле не расслышал майора. И тот озлился.

— Копию, копию докладной, понимаешь?..

— Будет сделано, — и Морозов вдруг улыбнулся.

— Рано смеешься, — сказал Тришкин. — Как бы плакать не пришлось.

И тоже пошел к своей машине. Кораблин еще походил по раненой теплице, взял под руку Рубцова и уехал с ним. А плановик Романов уже прикидывал убыток — около тысячи рублей, не больше. И, похлопав Сергея по плечу, отправился в контору. У дверей ходил туда-сюда обеспокоенный начальник совхоза. У него дергалась щека. Он трогал ее пальцем и морщился.

— Как по лезвию ножа хожу, — сердито сказал Морозов. — Чуть в сторону — и рухнешь лет на десять. А наш товарищ Нагорнов... Ведь руки у него чесались хлестнуть меня по физиономии.

— И тогда бы?..

— Вот те самые десять, это уже точно. Я бы в горячке...

— Ну, это вы зря. Его тоже можно понять. Хозяин.

— Не пойму. В каком веке живем, Алексей Федорович?

— В страшном двадцатом, — Рубцов быстро оглянулся. — Пошли по теплицам, посмотрим, как там.

— Уезжать мне надо, — сказал Морозов. — Опасность. Этот Тришкин...

— Ну, знаете! — Рубцов покачал головой. — Потоцкий не справится.

— Справится. Вы его просто не знаете. А меня... Ради детей!..

— Подумаем, подумаем. Не от меня зависит.

Тон, которым были сказаны эти слова- мягкий и сочувственный — позволял думать, что начальник не станет чинить препятствий для перевода.

Но оставался Тришкин, Дальстроем НКВД призванный «держать и не пущать» того, кто прошел лагерь и остался живым, даже пробился в корпус хозяйственных руководителей. У Тришкина нет ни веры, ни милосердия, ни понимания человека. У него есть приказ секретного отдела: любыми способами снова посадить однажды осужденного. Раз уже был рабом лагеря, так оставайся им и дальше, до конца дней своих.

Неужели ему и Оле так и придется жить все отсчитанные им годы, как людям, обреченным на вечное рабство?..

После вечернего чая, когда Оля уже укладывалась спать, Сергей сел за стол. Писать объяснительную записку на имя майора Тришкина.

А мог бы и не писать. Судьба распорядилась так, что Тришкину в эти дни было не до пожара и не до Морозова.

Его самого ждала вполне реальная опасность.

Об этой истории в Сусумане кое-что уже знали, ее передавали из уст в уста, чаще с оттенком злорадства, чем с простым удивлением. Достукался! Сенсация! И развивалась она, как говорится, стремительно.

Один Морозов ничего не знал, он был далек от слухов, которые рождались и распространялись в поселке, — до тех пор, пока на второй день после пожара не явился в контору совхоза, чтобы ознакомить Рубцова со своей объяснительной запиской для Нагорнова и для Тришкина.

Начальника совхоза не оказалось, в конторе сидел один плановик Романов и явно скучал. Делать ему было просто нечего, а тут вдруг Морозов и можно покалякать. Поздоровавшись, он спросил у агронома:

— Какой кары ждешь за вчерашнее происшествие?

— Нагорнов обещал премии лишить, — признался Сергей Иванович.

— Какую премию? — живо спросил плановик. — Если Государственного Комитета Обороны, которую дали Управлению за план по золоту, то это, знаешь ли, два, а то и три месячных оклада каждому руководителю. Много потеряешь, тысяч пять. А может, он сгоряча просто пригрозил?..

— Пригрозил майор Тришкин, уже от себя. Потребовал объяснительную записку лично на его имя. Работенка ему любимая. Статья-срок...

Романов изобразил на полном лице лукавую улыбку. Сложил по-наполеоновски руки и сказал:

— Майору Тришкину сейчас не до тебя, Сергей Иванович. У него самого такая история раскручивается... Да ты, наверное, слышал? Ну, с дочкой?

— Ничего не знаю. Причем тут дочка?

— Ты в самом деле не знаешь? — кажется, плановик даже обрадовался: нашелся свежий человек, просто грешно не рассказать ему эту историю!

Они вышли из конторы, сели на лавочку, уже изрядно отполированную рубчатым диагоналем, из которого руководящие чины шили в те годы франтоватые галифе. Сели, огляделись. Романов не хотел, чтобы кто-то другой услышал его рассказ.

— Так вот, твой майор в глубоком цейтноте. И устроила ему это неудобное положение единственная евоная дочка, Мариночка. Не приходилось встречаться? У-у, та еще деваха расцвела! Красавица. В этом году среднюю школу закончила, конечно, с

отличием, кто же ей осмелится поставить тройку или там неуд? Словом, гордость и радость родителей. Папа-майор души в ней не чает, а уж мама, Вероника Михайловна, — ну та самая, что у Сенатова в политотделе партконтролем ведает, — эта вообще пушинки с Мариночки снимает.

Сергей развел руки:

— Тришкин — любящий отец? Мне и в голову не приходило, что может быть... Служба его, да и наклонности, не располагают кого-то любить. Орать, сажать, морду бить — на это он, похоже, мастер. Вспомни несчастного Орочко...

— Ты слушай, слушай. Экзамены Мариночка сдала, и тут ей стало плохо. Заболела. Туда-сюда, температура, рвота, а толковый врач у нас один, ты его знаешь — Субладзе.

— Он роды у моей Ольги принимал. Мы знакомы. Говорил мне, что недавно освободился и остался в больнице. Выехать не разрешили.

— А статью его знаешь? КРТД, пять лет.

— Плохие буквы. После первого срока с этими буквами опять... Как правило.

— Ну, Тришкин, конечно, нужные бумаги, все другое приготовил. И когда брать определил, за этим у них задержки нет. Хотя Субладзе и единственный хирург в управлении. А тут эта история с дочкой. Супруга требует: вызывай Субладзе. Майор ни в какую. «Чтобы я связывался с троцкистами?..». Вызвал терапевта. Тот осмотрел больную и строго потребовал: немедленно в хирургическую, со всеми предосторожностями! Вот тогда Вероника Михайловна и взвилась! Она устроила жуткий скандал, в запале объявила, что ей остается только одно: если с дочкой что-то случится — покончить с собой, смерть лучше, чем жизнь с таким извергом... Ну и все другое. Представляешь сцену? Словом, поехала она на машине райотдела за хирургом, привезла его, тот глянул и даже раздеваться не стал, приговорил: в больницу не-мед-лен-но! Только операция. Иначе вся ответственность... Ну, тут майор, конечно, обмяк, на пару с троцкистом перенес дочку в машину, хирург позвонил в больницу, чтобы приготовили. И повезли. Конечно, сразу на операционный стол.

— Да что произошло? Какая-токая болезнь? — спросил Морозов.

— Аппендицит. Есть такой, когда чуть опоздаешь — и концы! Да, наш хирург, конечно, мастер молодой, а руки золотые. Все сделал на высшем уровне, не отходил от больной ни на минуту, а отец с матерью просидели ночь в коридоре. Только утром хирург разрешил им глянуть на дочку от дверей. Она сумела улыбнуться

им. Жива! И тут доктор велел родителям отправляться домой и зря их не беспокоить.

— Долго она болела?

— Три недели или что-то в этом роде. Конечно, отец-мать ездили туда чуть не по два раза в день. Потом хирург разрешил Мариночке ходить. Выздоровела. Время шло, вроде пора домой, а она не очень просится, да и Субладзе не настаивает. Сам ее водит по палате, по коридору, сестры уже шепчутся, улыбаются, а они... Ну, тут все понятно, ему только тридцать, мужик что надо, да и Мариночка в самом таком возрасте, что уже не девочка. Соображает, что к чему.

— Любовь? Как же он посмел? Нахальство! Любить дочь такого папаша?!

— Бывает. Бабы в нашем поселке такие, у них везде и глаза, и уши. Все видят, — через огонь и воду прошли. И вот повод для разговоров. Сама Вероника Михайловна каждый день в больнице, понимает, что надо разлучать, а дочка не торопится, жалуется то на одно, то на другое, оттягивает. И доктор не торопится, вечерами они воркуют в палате, а то и в карты играют. Тришкин консультанта из Магадана вызывал, но у врачей своя корпорация, определил, что лучше не спешить с выпиской, вот и анализ крови пока что не очень, и жалобы. Ты понимаешь, в каком положении Тришкин? Этого грузина надо уже вызывать, сажать, клеить ему новое «дело» и срок определять, а он вынужден тянуть: вдруг дочке станет плохо? Супруга, понятно, на стороне Мариночки, в доме скандалы, через домработницу весь поселок знает. И вот, наконец, дочку привозят под материнское крыло, но с условием — два раза в неделю показываться врачу. Два свидания... Возят, но мать уже начеку, глаз не спускает. Однажды девчонке это так надоело, что прямо и бухнула: она и Костя, врач то есть, любят друг друга и решили пожениться.

Сергей встал и посмотрел в глаза Романова: разыгрывает? Скуку разгоняет? Но Романов был, как говорится, в своем уме, смешлив, но без розыгрыша.

— Сказка какая-то, — заявил Сергей. — Не может быть!

— А ты слушай и вникай, эта история тебя прямо касается. Супруга Тришкина отлично понимала, что их благополучие, положение в этом обществе рухнет, если... Но и молодые девицы в таких делах тоже ни о чем другом не думают, любовь — и весь белый свет — в копеечку. Там уже не семья, а свара, скандал на скандале, супруга стреляться хотела. Тришкин пистолет у ней отобрал, она к реке побежала, вернул — и под замок. Дочь на отца и смотреть не хочет — изверг, счастье у ней отбирает. Сумела удрать для встречи с женихом, нашли, вернули. На

Субладзе страшно смотреть, какой стал. А когда майор брякнул, что не сегодня, так завтра он этого мерзавца в тюрьму определит, дочка тут же ответила, что веревку она для себя найдет, решение твердое. Вот так они вдвоем — жена и дочь — загнали Тришкина в угол. Драма местного значения.

— То-то я ничего не слышу о хирурге. Сидит?

— Прimitивно мыслишь, Сергей Иванович, — и плановик, довольный произведенным эффектом, рассмеялся. — Майор все же человек, хоть и винтик в этой шараде. Когда перед ним возникла дилемма — жизнь дочки или смерть, свободу жениху или тюрьму — он недолго рассуждал. Ни Субладзе, ни Марины сегодня в Сусумане уже нет. Уехали. Муж и жена. По слухам — на материк.

— Так у него же волчий паспорт?

— Это неизвестно. Это сейчас выясняется. Концов не найдут. Скорее всего — чистый паспорт.

— Тогда возьмутся за самого Тришкина.

— Могут, могут. Но и у него есть, наверное, приятели повыше. А концы он, конечно, умело спрятал. Даже своего заместителя укатал подальше, кажется, на «Молодежный», где западные украинцы, которых еще до войны «освободили» и перетрясли по всей Галиции, ну а часть их загремела на Колыму. Отчаянный народ, с ними капитану Овчинникову придется «поработать». Сусуман против «Молодежного» — рай!

— Он всего старший лейтенант, этот Овчинников.

— Много ты знаешь. Перевод подсластили, навесили капитанские погоны, чтобы забыл, если только знает, как для Субладзе пропуск и все такое устраивали. Ведь как ни темни, а слух-то прошел, вот и до меня дошло. Так что ты, Серега, не убивайся из-за этого загорания в теплице. Твой «друг» майор теперь, как пишут в романах, долго будет пребывать в трансе, ему твоя докладная до ручки. Будь иначе, он бы тебя еще той ночью подхватил.

Морозов сидел, задумавшись. Верить — не верить? Из каких случайностей может строиться жизнь человека, абсолютно не защищенного от произвола? Как просто любого сделать преступником, сломать, а то и отнять у него жизнь — тут и настроение начальства, и заступничество, и связи, скрытые от глаз людских. Из всего этого и складывается судьба. многих, тогда как главное, чем определяется личность — ее способность к творчеству, к труду — отходит на задний план. Странное время. Дикое время. Время безголовых подлецов.

И он вспомнил предложение Сидорова. Оно только подтверждало общую мысль вождя всех времен и народов:

каждый человек только винтик общегосударственной машины. Куда привинтят, там и будешь, пока не поржавеешь.

Романов поглядывал на приятеля сбоку, прятал усмешку.

— Ты думаешь, что история с Субладзе может еще больше обозлить майора и он постарается отыграться на тебе? Да он трус, кролик с пистолетом на брюхе! Он теперь будет в рот начальству смотреть и по стойке «смирно» перед Нагорновым стоять, а при первой возможности смотается. Какой ему резон из-за тебя с подполковником связываться? Или с Кораблиным? Ты свою докладную положи Рубцову на стол, а сам топай домой и поспи часов десять в тепле и покое, а то вид у тебя какой-то не такой.

— Не больно уснешь. Как вспомню этого Тришкина да подполковника с плеткой на руке...

— Ну, а если бы хлестнул?

— Не знаю. Съездил бы по морде.

— Вот тогда бы уже не отделался, сирот оставил. И твое знакомство с вице-президентом не помогло бы. И с генералом Сидоровым тоже. Они, эти майоры и подполковники, все учитывают. Вот рука и не поднялась. Давай свою бумагу. И шагай домой. Забудь про этот пожар. Не было его.

Романов всю свою жизнь считался дельным аппаратчиком, изучил взаимодействие частей машины. Он считал себя неуязвимым, и был таковым на самом деле, жил совсем неплохо. А в лагерь угодил, когда вокруг него загребли все начальство. Но и на Колыме, как вскоре понял, был свой аппарат, знакомые связи, и он удачно подстроился к этому чекистскому раскладу власти, миновал прииск и заканчивал срок уже в совхозе, где и остался до лучших времен в качестве вольнонаемного. С Морозовым у него были не то чтобы дружеские отношения, но вполне товарищеские, плановик в чем-то покровительствовал Сергею. А почему бы и нет?..

Прошла неделя, потом вторая, ни Морозова, ни Рубцова никуда не вызывали, о происшествии на агробазе, похоже, забыли. Да и что, собственно, помнить?

Вскоре пришло письмо от Михаила Табышева, то самое, которое так ждал Сергей Иванович. Друг писал, что о переводе Морозова разговор уже был. Начальник сельхозуправления связывался по телефону с Нагорновым, тот выслушал и отрезал: «Морозова не отпускаю!». Однако у Табышева в резерве оставалась одна серьезная личность, с которой и Нагорнову придется считаться. Так что «веруй, надейся и жди».

Зима перевалила с сорок четвертого на сорок пятый.

Последняя зима страшной войны.

И далеко не последняя война Сталина со своим собственным народом.

Затянувшейся, все нарастающей нехватке рабочей силы на колымских приисках, похоже, пришел конец.

С первыми теплоходами, уже в начале марта сорок пятого, прибыли крупные партии заключенных — не заключенных, но и не вольных, потому как строго охраняемых. По трассам на прииски «Чай-Урья», «Делянкир», даже на «Усть-Неру» — это за семьсот километров за Сусуманом — продвигались «студебеккеры» и ЗИСы с трубами от печурки поверху кабины. Холод стоял адский, антициклон застоялся над северо-востоком, столбик ртути опускался до отметки в пятьде-сят-пятьдесят три градуса ниже нуля.

Чтобы не множить число обмороженных и больных, для вновь прибывших устраивали ночной отдых на лагерных пунктах.

Несколько таких машин останавливались и в совхозном лагере. Новости оттуда приходили, конечно, и на агробазу. С удивлением узнавали, что этот контингент вовсе не из пленных немцев, не из венгров и румын, которых загоняли в фашистскую армию, а опять же наши иваны, петры, остапы и чингизы, при разных обстоятельствах и в разные годы попавшие в германский плен, перенесшие на неметчине рабский труд, голод, непрестанные бомбежки союзников и освобожденные потом своими русскими солдатами. Сцены освобождения сопровождались братскими объятиями, слезами радости, новостями, выпивкой. Еще бы! Избавление из неволи было для пленных даром Божиим после концлагерей Гитлера. Объятия, поцелуи, товарищеская выпивка, теплая беседа — все это кончалось, как только бывших пленных перевозили в тыл и передавали в ведомство НКВД. Тут все выглядело словно в перевернутой картинке. Своих кровных братьев уже никто не называл товарищами, их запрятали в зоны за проволокой, где распоряжались СМЕРШи, суровые следователи-чекисты и конвоиры из внутренних войск. Здесь начиналась полоса унижительных «чисток», разделение на «овн и козлищ». Была у чекистов отработанная система доносов, перекрестных допросов, огульных и диких обвинений в измене, в трусости, в пособничестве немецкой армии. Опытные чекисты, еще не отмывшие своих рук после арестов и расстрелов в конце

тридцатых годов, обрушили на бывших пленных обвинения в измене родине. И, продержав во временных лагерях, иногда в тех же самых, что строились фашистами, отправляли колонну за колонной — без приговора, статьи и срока — через Европу и через всю Азию на восток, на север, пополняя уже сильно поредевшее население в лагерях.

На все вопросы — за что? куда? почему? — бывшие солдаты и командиры Советской Армии получали один стандартный ответ: «разберутся на месте».

В отличие от арестантов тридцатых годов, разнородных по возрасту, образованию, происхождению, общественному положению, поток сорок четвертого-сорок пятого и позже состоял из довольно однородной массы людей, жизнь которых обозначалась одним желанием: защитить Россию от фашистской агрессии. Они как-то позабыли о беде тридцатых годов — разгуле террора НКВД, поскольку террор этот их не достал. «Разберутся» — повторялось на всех промежуточных этапах. А поезда «особого назначения» шли мимо родных городов, сел, хуторов, дальше и дальше — в неизвестность. И возникало, крепло одно желание: вырваться, бежать, чего бы это ни стоило! Бежать! Бежать! Пусть на пулю, но ведь не каждая пуля угадает в цель. И гремели выстрелы охраны, и не один солдат, офицер оставался на чужом или с детства знакомом поле, где его догоняла пуля охранника. Пугающее слово «разберутся» повторялось и на приисках Колымы, куда везли «из плена в плен» десятки тысяч советских воинов — сперва в «телячьих» вагонах, потом в корабельных трюмах дальше и дальше на север. ГУЛАГ успешно решал проблему кадров...

Это была одна из самых страшных, до сих пор не изученных страниц завершившейся победной войны, когда «по подозрению в пособничестве врагу, в дезертирстве, в шпионаже, измене родине» были репрессированы все, оказавшиеся в немецком плену. Они прошли двойной страшный путь. Радость победы оказалась для них не мигом Истины, а либо концом жизни, либо многолетним, унижительным бесправием в лагерях Колымы.

Как-то враз на всех плечах бывших защитников Родины оказались каторжные роботы, кое-где со светлым «тузом» на спине и на шапке, даже кандалы и бараки впритык к шахтному спуску, где эти несудимые люди под страхом расстрела на месте работали все те же двенадцать часов в сутки.

Добыча драгоценного металла в промывочный сезон сорок пятого возросла. Ряды безымянных могил-рвов — тоже. В памяти не оставалось имени и фамилии. Только номера: буква и трех-, четырехзначная цифра.

...В один из мартовских дней сорок пятого через совхозные

поля на прииск «Челбанья» с основной трассы свернули сразу двадцать две машины с брезентовыми кузовами, припорошенными снегом дальней дороги. Морозов и Потоцкий, ехавшие на совхозное отделение, едва успели отвернуть санки, чтобы пропустить колонну. Стояли на обочине, считали машины. В хвосте этой мрачной вереницы шел крытый «додж». Над его кабиной устрашающе торчал пулемет.

— Вот вам, Стефан Иосифович, новые соседи, — сказал Морозов, провожая глазами колонну.

— В долине Челбаньи не останется ни одного дерева, все пойдет на топку. Я бывал у них, когда договаривался о навозе. Там и сегодня голых сопот достаточно, даже кустарник вырублен. Боюсь за нашу рощу у протоки, как бы не добрались.

Сзади опять загудело.

— Легковая машина, — Потоцкий оглянулся первым. — Начальство.

Это была машина Нагорнова. Он ехал по свежим следам этапа — смотреть новое пополнение. Притормозил, вышел и удивленно, даже подозрительно осмотрел агрономов.

— А вы чего здесь? — спросил, не поздоровавшись.

— Мы на своей земле, товарищ подполковник, — Морозов улыбнулся. — Едем на участок, где командует агроном Потоцкий.

— Это вы? — Нагорнов оглядел агронома. — Освоились?

— У него стаж более десяти лет, — ввернул Морозов. — Киевский университет.

— Киевский, это еще не колымский. Как справляешься?

— Учусь у Сергея Ивановича. У него как раз колымское образование.

— Он от нас бежать задумал, — и Нагорнов усмехнулся. — А чего, спрашивается, бежать? Мне из Магадана звонят, приказывают. Уже сам Комаров. Кто их настраивает?

— Я, Федор Вячеславович, — признался Морозов. — Из-за семьи. Две девочки, младшей всего пять месяцев. Тут им трудно. Прошу на побережье, где теплей.

— Хитришь! На материк нацелился?

— Не рассчитываю. И все же прошу. Вас прошу, — тихо добавил он. Нагорнов перевел взгляд на Потоцкого. Кажется, оценивал.

— Справишься?

— Если поможет — да.

— А то я не помогаю! Скажи, Морозов! Полная самостоятельность.

Это был уже почти дружеский разговор. Или подполковник приятно пообедал, или его взбудрили сводки с приисков. Он

впервые предстал перед агрономами более человечным, чем обычно.

— Агроному Потоцкому я говорил о вас, о помощи совхозу. Потому он и согласился.

— Согласился — на что? — Нагорнов насторожился. — На твое место?

— Да, на мое. При вашем одобрении.

Последовала пауза. Вот когда решается...

— Дипломат ты, Морозов! Но мы еще подумаем, подумаем.

И, не простившись, не вспомнив и словом о пожаре, полез в машину. «Эмка» фыркнула и укатила.

— Он в легком подпитии, — сказал Потоцкий. — Запашок чувствую. Размягченное, в некотором роде, состояние. А может, кто из высокого начальства хлопочет за вас. Комарова он вспомнил, кто это?

— Заместитель Никишова. Загорелся мыслью о большом хозяйстве на побережье, собирает туда специалистов. Если бы вы знали, как мне хочется домой! Пусть изгнем, в деревню куда-нибудь, только бы не видеть этих вышек, овчарок, полковников и майоров, от настроения которых зависит жизнь человека! Так тяжело на сердце, что воздуха не хватает. Побережье — это шаг к родным краям.

— У меня впереди еще мрак, — сказал Потоцкий после паузы. — О своей Украине я и не думаю. Разве какое-нибудь чудо произойдет. Здесь хоть по специальности работать можно, а на милой родине и это отнимут. Пять лет поражения в правах.

Обратно Морозов ехал один. Потоцкий остался на отделении. Там у него была рубленая хата, теплица, в которой всю зиму десять женщин прессовали перегнойные горшочки для рассады, а чуть ближе к протоке темнела хорошая роща тополей и распаханное поле. Хуторок среди слегка раздавленных голых сопок.

Сергей ехал через совхозные поля, выровненные метелью, отворачивался от ветра и видел туманный поселок слева, а мысли все еще кружились вокруг нечаянного разговора с Нагорновым. Значит, Табышев решил сказать о нем генералу Комарову. И тот уже звонил в Сусуман. Нагорнову не резон ссориться из-за какого-то агронома с генералом, но может и разыграть, сказать «нет!». Жил надеждой на перемены, не знал, как дальше распорядится судьба, но хотелось думать об удаче. Все, все у них впереди! У него, у Оли, у Веры с Таней. Они уже насмотрелись, прочувствовали холодный край, пропитанный жестокостью и бесчеловечностью. Довольно! Надо уезжать, пока система не сделала из тебя послушного раба. Именно к этому она стремится.

И преуспевает.

Дома у Морозова было тепло и спокойно. Трещали в печи смолистые поленья, пахло мясным борщом, который так удавался хозяйке. Девочки спали. Он посмотрел на них и снова подумал о будущем. Не дай Бог, чтобы они взрослыми глазами увидели Север, устроенный для скорейшей смерти неугодных правителям людей...

И вдруг сказал громко, как заклинание:

— Программа минимум — побережье. А там...

— Тише, разбудишь! — Оля приложила палец к губам. — Ты о чем?

— Так. Вроде заклинания у меня. И сел к столу.

Сорок пятый год продвигался к победе.

Сводки с фронтов слушали, затаив дыхание. Надежда на разгром врага росла, подобно снежному кому в оттепель. Война давно переместилась в Европу, бои шли все ближе к Берлину.

В лагерях Колымы не было радио. Все сотрудники Севвостлага еще в начале войны дали подписку не вести разговоров с заключенными о положении на фронтах. Только в кругу своих! Заключенные и «бывшие» не относились к своим.

В лагерях знали, что происходит на полях сражения и на дипломатических совещаниях. Душа болела за близких, которые на фронте или в оголодавшем тылу; за разоренную Россию, Украину, Белоруссию. Письма от родных выходили от цензоров с густо замазанными строчками, а то и вовсе не приходили. Голод висел над страной, ждать оттуда посылку грешно, там дети, старые люди. Потерпим.

В лагерях оценивали близкую победу прежде всего как неперемнную и всеобщую амнистию, исстари объявляемую во всех странах-победительницах, как только утихали последние выстрелы. Если говорить о хлебе, то здесь в последние месяцы наметилось улучшение. В бухте Нагаева день и ночь разгружали теплоходы. Они приходили по морскому «мосту» из Америки регулярно. Что возили туда — почти никто не знал. А оттуда привозили буквально все: бульдозеры и автомобили, горючее и тракторы, одежду и продукты, даже семена овощных культур для совхозов. Всюду появился обжигающий спирт в цинковых бочках. Его выдавали вольнонаемным по карточкам — в приличных дозах.

Один из заместителей начальника Дальстроя — генерал-майор Корсаков теперь почти не пользовался своей генеральской формой с орденами за «успехи» в уральских и здешних лагерях. На американской земле он появлялся часто — эдакий неизменно-улыбчивый высокий бизнесмен в безукоризненном костюме, при галстукe и даже с обручальным кольцом на безымянном пальце: свидетельство семейного счастья. Он был спокоен и не знал ни угрызений совести, ни опасности интриг: супруга его работала в секретном отделе Дальстроя и знала все настроения среди гулаговских руководителей. Корсаков был вежлив, внимателен и демократичен.

Члены экипажей советских судов, ходивших в Калифорнию, получали разрешение на выход в портовые города. Их тут же расхватывали по домам радушные жители союзнической страны,

не подозревая, что папы и мамы у большинства этих молодых людей носят форму НКВД, допрашивают и истязают заключенных в «доме Васькова» и в других тюрьмах Колымы, в трехстах лагерях и лагпунктах.

Эти молодые люди в хорошо выглаженных матросках, сытые, веселые, с жадными глазами, уставали от бесконечных разговоров с радушными хозяевами и ни на минуту не расслаблялись, как их и учили: ни слова лишнего! Возвращаясь на свой корабль, они едва тащили щедрые дары новых друзей. И мгновенно преображались, с завистью рассматривали чего у кого, распахивали свое по каютам, по всяким потаенным местам, вплоть до вентиляционных труб, на ходу одаривали свое начальство, чтобы «не замечали», а отдохнув от труда, становились на вахту, исполняя службу, устроенную для них предприимчивыми родителями.

Через неделю американские обновки превращались в дорогой товар на шумном магаданском рынке. Одежда и диковинные продукты расходились по всей Колыме.

Товары шли и нормальным путем, их выдавали по карточкам. Семья Морозова удостоилась получить заморский костюм и отрез цвета хаки для Сергея Ивановича, несколько платьев и пальто для Оли и — что самое приятное — два теплых и красивых пальтишек для дочерей — на вырост. На столе у главного агронома иногда появлялась совсем забытая копченая колбаса, шоколад, сливочное масло и обжигающий спирт — всеми признанная колымская «валюта».

Да, Америка оказывала влияние на Колыму. Вохровцы и лагерное начальство реже прибегали к кулачному праву, на агробазу ходили без конвоя. И голоса повеселели. И надежды вспыхнули с новой силой. Перемены не касались только новеньких — с фронта.

В последний день апреля сорок пятого у поселкового клуба вдруг заиграл духовой оркестр. Его слышали на агробазе, переглянулись с доброй улыбкой. Приодетая Зина Бауман прошла по теплицам, поздравила подруг с наступающим праздником Первое Мая. Сергей Иванович верхом проехал по непривычно пустым полевым дорогам. От яркого искрящегося снега болели глаза. Было тепло, словно в Подмосковье. На обратном пути он заглянул в контору. Там собралось много людей, витийствовал Романов, в дверях начальнического кабинета стояла, скрестив на груди руки, секретарша. Начальник уехал в Магадан, что-то у него со здоровьем случилось. Его обязанности исполнял Морозов. Секретарша распахнула перед ним дверь кабинетика. Он, не раздеваясь, быстро отпустил одних просителей, другим назначил

прийти после праздника, потом засел с Романовым и заведующим складом — выяснять, чем они располагают для празднования. Кое-что в складе имелось, и он поручил Романову выдавать вольнонаемным продукты и спирт по списку. Для лагеря отпустили муку и сало, о чем тут же известили начальника лагеря.

Праздник прошел без досадных происшествий, лагерь отдыхал два дня, дивясь белому хлебу, который трудно было назвать привычным словом «пайка».

Часы отсчитывали историческое время. Вот и девятое мая...

Поясное время между Москвой и Сусуманом разлилось, кажется, на девять или десять часов. Официальное сообщение о полной победе над фашистской Германией, зачитанное о взволнованным голосом Левитана в Москве, услышали здесь ближе к вечеру. До агробазы оно донеслось из громкоговорителя, установленного возле Управления в поселке. Все вдруг притихло, кажется, даже дрова в печи не трещали. Слова были не очень разборчивые, но ясные по смыслу, по тональности. Их повторили дважды. Из всех теплиц женщины сбежались к конторке, стояли в затишке и молча плакали. Сияло солнце, нестерпимо ярко блестел подтаявший снег, а высокое небо было таким безмятежным, что хотелось воздеть руки и орать во весь голос что-то озорное и радостное. Или молиться на коленях.

Сергей услышал московское радио дома, Оля металась по комнатам, таскала на руках девочек, старшая плакала — просто из солидарности с мамой, у которой слезы текли сами собой.

— Слушайте, слушайте, девочки, — говорила Оля, глотая слезы. — Есть Бог на небе, есть! На всю жизнь надо запомнить этот день, эту радость, это счастье, что наконец-то проглянуло... Вот когда лагерные ворота распахнутся на всю ширь!..

— Боюсь, что до этого не дойдет, — тихо сказал Сергей. — Человек с камнем вместо сердца не рискнет. Вся его государственная система построена на таком вот труде за проволокой. Иного он не знает.

В дом к Морозовым набилось много знакомых и даже не очень знакомых. Пили за победу, за мир, за амнистию. За здоровье всех и каждого. За павших и на фронтах, и здесь. За Орочко, за безвестных, чьи могилы никто и никогда не отыщет. И в каждом высказывании сквозила осторожность, намеки, но не прямые обвинения, они подразумевались между словами. Осторожность уже в крови. Как раз то, чего добивался великий кормчий...

Разошлись поздно.

Уже засыпая, Сергей увидел в дверном проеме жену. Она

стояла посреди второй комнаты на коленях и, повернувшись лицом на восток, молча и страстно крестилась, по-деревенски припадая к полу. Молилась без иконы, в одиночестве, как молятся все русские люди — с благодарностью за детей, мужа, за всех людей, которые достойны лучшей доли.

Лагерь не выходил на работу два дня. Морозов на правах начальника совхоза отправил для лагерной кухни туши двух разделанных коров. И несколько бочек капусты — все, что было в его власти.

Время колыхнулось. И Колыма снова замерла... В шесть утра и в пять вечера уныло, как всегда, звучала рельса на вахте.

...Прошел без малого год.

Морозов смирился и о переводе не заговаривал даже дома. Значит, не получилось и у Табышева. Замкнулась и Оля, понимала, что расспросы неуместны. Плетью обуха не перешибешь.

В самом начале апреля сорок шестого Сергей Иванович получил неожиданное письмо Михаила Табышева. Друг извещал, что подписан приказ о назначении Морозова С. И. главным агрономом и заместителем начальника совхоза «Тауйск». Что теперь скажут Нагорнов и Кораблин?

Он прочитал это письмо в конторе. И сел на табуретку, почувствовав, как ослабели ноги.

Пришел домой и протянул письмо жене. Оля прочитала его раз, потом другой. И улыбнулась той светлой и счастливой улыбкой, которая озаряла ее лицо уже много дней. Ну вот, новое путешествие. К добру ли?

В тот же день о приказе узнал и агроном Потоцкий. Кажется, он тоже перестал верить и, наверное, поэтому принял известие довольно спокойно. Сколько приказов у нас остаются только на бумаге!..

Но тут последовал вызов к Кораблину, там уже находился начальник совхоза Рубцов. Состоялось, так сказать, представление. Рукопожатие. Потоцкого и Рубцова означало сотрудничество. Рукопожатие, которым обменялись Кораблин и Морозов, являлось прощальным.

— Сожалею, что уезжаете. И разделяю ваши надежды, — сказал Кораблин.

— А где подполковник Нагорнов? — спросил Морозов.

— Он уехал в отпуск, на материк. Будь он здесь, еще не знаю, удалось бы вам...

БЕРЕГ ОХОТСКОГО МОРЯ

Сперва в Магадан уехал один Сергей. Все выяснив, уже с приказом на руках, он просидел в Управлении три ночных часа, дожидаясь заказанного разговора с Тауйском. Терпение его было вознаграждено. Начальник совхоза Игорь Михайлович Добротворский, поднятый с постели, разговаривал охотно и даже приподнято. Для этого у него были основания. Он назвал число, приблизительное время дня, когда из совхоза на сороковой километр Колымской трассы придут три санные упряжки. Ехать обозом придется почти сто километров через тайгу и по берегу моря. Снег сильно подтаивает, садится, не очень разбежишься.

На рассвете Морозову удалось выехать в Сусуман. И глубокой, молочно-светлой ночью он был уже дома. А через день, в крытом кузове «студебеккера», где лежали какие-то мешки, семья Морозова с вещами и с некоторым запасом спирта — этой проездной валюты — выехала на новое местожительство.

Полтысячи верст к югу...

На сороковом километре трассы, чуть в стороне стояли три избы, конюшня, склад и початый стог сена. Транспорт уже прибыл. Трое саней, три молодых мужичка, расторопных, говорливых, не дали особенно расслаживаться, выпили посшок на дорогу, помогли укутать в тулуп Олю и детей. И отдохнувшие косматые лошадки побежали по глубокой, плохо наезженной колее через лес, сперва редкий, потом гуще, еще гуще, где крупные лиственницы стояли так, что цеплялись за отводы саней.

Страшная Колыма отходила все дальше, новые места смотрелись иначе, чем на материковой, гористой местности. Даже воздух был другой, кажется, с привкусом соли, с терпкостью просыпающейся жизни — еще в глубине могучих стволов. Ход у коней часто перебивался, копыта нет-нет, да и проваливались в ноздреватом снегу. Просека плавно уходила все ниже и ниже. В проеме черных крон виднелось небо, крутобокие облака загораживали солнце, но иной раз оно отыскивало оконце и веселило землю. Тогда сильнее пахло весной. Ехали на юго-запад, к морю. Встречи с ним ждали как некоего чуда.

Лесная сумеречность кончилась, пошли вырубки. Упруго повеяло свободным ветром.

— Э-ге-гей! — закричал возница. — Домой, домой! — И кони, действительно, прибавили. Мимо каких-то изгородей, стогов сена, через ручей, который бежал, презирая легкий мороз, мимо деревянных рубленых домов, под нестрашный, скорее приветственный лай собак — пятнистых, густошерстных, с

дружелюбными мордами; мимо редких встречаемых людей, подымающих в приветствии руку... И вдруг кони остановились, шумно вздохнули. Заскрипели и открылись ворота.

— Ночлег, — сказал ездовой.

— Где мы находимся? — спросил Сергей, разминая затекшие ноги.

— В Армани. Как раз на полдороге до Балаганного.

— А где же море? — Морозов оглядывался. — Да вот оно!

Рука протянулась, показала. Морозов увидел громадные, метров до пяти, заснеженные бугры с изломанными темными краями. В прогалах за буграми он усмотрел что-то бесконечно вздыбленное, твердое, явно непроходимое. Вечерний свет делал этот ландшафт унылым и страшным.

— Море?!

— Припай. Он всю зиму громоздится. Последние шторма накидают на берег колотые льдины, и так они стоят всю зиму. А море еще спит. Это залив. Мы через него ударимся напрямик до Балаганного.

Пошли в избу.

Дом оказался просторным, запах его был родным, деревенским. Две женщины — молодка и старуха — засуетились вокруг Оли, переняли старшую дочку, она обиженно заплакала, после чего закричала и младшая — просто так, разминаясь после сна на свежем воздухе.

И пока Сергей помогал разобрать узлы, умывался, женщины уже разговорились. Вскоре принесли теплое молоко, кашку. Оля принялась кормить малышей, хозяйки стали возле нее, скрестили на груди руки, и пошел разговор, которому, кажется, не бывает конца.

Сергей долго не мог уснуть, обдумывал услышанное за ужином. И все время удивлялся, как этот особенный, русский мирок, Бог знает в какое время заселивший узкую полосу северного побережья Охотского моря, сумел уцелеть, сохранить устои жизни даже в лихолетье, когда все районы «прямого подчинения Хабаровскому крайисполкому», а если точнее и по правде — районы всесоюзной истребительной каторги, где хозяйствовал не исполком, а начальник Хабаровского НКВД Гоглидзе, — как эта прибрежная полоса удержала быт и дух свободных первопоселенцев, рыбаков и охотников, мореходов и лесников, сдружилась с орочами и орочонами, много веков живущих по берегам Тауйской губы! Просторные, даже богатые дома, крытые тесом, огороды на теплых, у леса отвоеванных землях; большие баркасы, мирно лежащие сейчас возле дворов кверху днищем; свой говор, радушие, соленый юмор; свое

мастерство и умение все сделать собственными руками — те же огороды, родящие неизвестную до них картошку и все другие овощи, особую породу мелких, непривередливых коров, умных ездовых лошадок... И, конечно, сохранить характер поморов — дружелюбие, доброту, готовность прийти на выручку попавшему в беду человеку.

Да, здесь отлично знают, кого привозят в бухту Нагаева с Большой Земли на больших кораблях. Знают и о золоте, которое добывают в горах. И как добывают. Им только непонятно, за что так жестоко наказывают людей, которые никого не убили, не ограбили. Вот хотя бы женщины, которых держат и сегодня в Балаганном и Талоне, куда едет агроном. Всякие там есть, молодые и старые, городские и деревенские, разговаривают они и по-русски, и как-то по-чуждому, все спокойные, хорошие, а жить их устроили за колючей проволокой, под стражей. И всем коренным жителям берега давали бумагу, они расписывались, что не будут разговаривать с этим народом, а если кто объявится в их поселках, то вязать и отправлять в Балаганное как беглых.

Когда сели ужинать, Сергей и Оля только переглянулись: такое обилие на столе! Икру — красную икру! — ложками, из большой гончарной миски, да зеленый лук поверху... А пироги с рыбой и с грибами, это не для гостей, не специально, а обычно к ужину. А ломти красной кеты, жиром светящейся на срезе! И картошка на сковороде, и солянка. Куда там ресторану!

Сергей поставил бутылку спирта. Хозяин взял ее с почтительной осторожностью, открыл, пролил в чашки граммов по пятьдесят, глянул на жену.

— Воды? Счас, счас! — и улыбочиво поставила кувшин. — Разбавляйте.

Пили понемногу, ели основательно, разговор пошел о совхозе, сошлись на том, что больно велик, что начальник там «городской и вежливый», а вот в лагерях, видно, худо, бабочки одеты плохо, зимой в лесу работают, снегу по пояс, негоже им с пилой-топором. Огороды — куда ни шло, а в лес — нет, нельзя им тяжелого, без детенков останутся, куда же хуже для государства.

Из-за стола вышли, на образа в переднем углу перекрестились.

И Сергей, и Оля — тоже, с благодарностью. Уже после старшой спросил у Сергея вполголоса:

— А ты партийный по виду...

— Нет, — ответил он. — Я агроном. Буду в совхозе огороды расширять, теплицы-парники строить. А овощи туда отправлять, где золото копают. Там худо кормят.

— Слышали мы... Ну, а в совхозе есть где развернуться. Ходил я по Каве, Челомже, по Тауйю, реки там такие. Страсть, как много гусей, утей, всякого рябчика, глухаря. Ну и медведя можно запросто встретить, это точно. А уж кета и горбуша, тот же кижуч валом идет против течения, когда время нереститься. У нас свои речки такие же, Армань, тот же Хасан, Яна, небольшие, но покамест рыбные. Всем хватает.

— А море чем богато?

— Зверем да рыбой. Однако зверя больше. Тюлени здешние — акиба, нерпа, ларга, у них сало-жир толщиной в ладонь, как студень, для орочей и якутов радость, а вот мы не потребляем. Такой дух от него. Сам попробуешь.

И хитро улыбнулся.

Дорога от Армани шла вдоль морского берега, то удаляясь в мелколесье, то откатываясь далеко в море, где лед не был покорён. С юга накатывался очень неприятный, влажный и холодный ветер, он забирался под одежду. Оля очень беспокоилась за девочек, кутала их, потом накрылась с ними тулупом. Уже в ночной час осторожно пересекли речку Яну, ее правый берег был крутой, мужчинам пришлось впрягаться, помогать вытаскивать сани. На том берегу пошло какое-то растрепанное и перебитое мелколесье, лиственницы выглядели жидкими и почти все прилегли вершинами от моря.

— Тут штормы страшные, море далеко выплескивается, ломает, укладывает лес, — объяснил ездовой. — И лед громоздит вроде крепостного вала. Ну, а дальше от моря деревья стоят, сцепляются ветками, помогают друг дружке.

Балаганное чернело на самом берегу, оно было открыто ветрам, в этот поздний час выглядело безглазым и безлюдным, словно заброшенное. Дом фактории, двухэтажная контора совхозного отделения, дом начальника отделения... В нем еще светилося окно, на стук вышел хозяин, знал о приезде Морозова, приготовил комнату. Арманские мужички с конями поехали по знакомым. Без подарка они не остались. Подарком здесь называли спирт...

Утром пришел агроном отделения, молодой мужчина с болезненным лицом и тощей фигурой. Познакомились.

— Пройдете по хозяйству? — спросил он.

— Нет, пока отложим. Надо устроиться, — сказал Морозов.

— Мы Добротворскому звонили. Машину он пошлет.

Начальник отделения, перебежавший в хозяйственники из ВОХРы, особенного впечатления своим видом не производил. Все в его жилище выглядело неряшливым, бывают такие дома без заботливых рук. Сам он даже на простые вопросы отвечал путано

и вяло, часто врал, это Сергей понял по его бегающим глазам. Не работник, так...

Полуторка с крытым кузовом пробила из Талона по заметенной дороге только к пяти часам. Что-то сгрузили, что-то в ящиках подняли в кузов. И поехали на свой страх и риск. Вечер получился тихий, вокруг лес, с моря вихри не доставали, и тридцать километров проскочили за час с небольшим.

Куда подъехать, водитель знал. Сергей огляделся. Улица с двумя рядами домов, рубленых из толстой лиственницы. Все на высоких фундаментах, аккуратные, с двумя выдвинутыми вперед крытыми крылечками. Вошли в свою квартиру с надеждой. У голландки лежали наколотые дрова, лампочки излучали желтоватый свет. Сергей растопил голландку, занялся вещами. Оля грустно сидела на кровати с новым матрасом, набитым сеном. Укутанная Вера ходила по квартире, смешно раскачиваясь. Таню дорога уморила, она спала.

Когда в комнатах потеплело, постелили постель, покормили и уложили девочек.

— Ну что? — спросил Сергей и с надеждой заглянул в глаза Оли.

— Мы переехали из одного злого царства в другое, но не злое. Такое впечатление, что здесь не Колыма. А почему — сама не понимаю.

— А я думаю о другом: мы проделали по дороге домой первые сотни километров. Осталось еще тысяч восемь. И все равно — уже хорошее начало. Привал на сколько лет? Думаю, что не на один.

— Такая неопределенность... — тихо произнесла Оля.

Они вместе готовили ужин, чай. Никто к ним не приходил. Уже поздно. В окна ничего не видно, стекла накрепко зарисовал морозный узор.

Утром снова расшуровали печь, было тепло и уже не так грустно. Светило солнце и стекла оттаивали. Весна...

Сергей оделся.

— Пойду представляться. Ты отдыхай. Или погуляйте все вместе,

разомнитесь. На совхоз посмотрите.

Он вышел и почти у крыльца встретил молодого человека в городском пальто и в меховой шапке. Лицо его было улыбочиво, благодушно.

— Ну вот, а я к вам, по-соседски. Давайте знакомиться. Павел Свияжский, совхозный врач. Без меня в совхозе так же нельзя, как и без агронома. Ставлю больных на ноги, слабых ободряю духовно. Родом из матушки-Москвы. К начальству наладились?

Идемте вместе, чтобы не заблудились. Тайга. Кругом тайга. Так, кажется, в песне?

Оказывается, доктор с женой в том же доме, в другой половине.

Был Свияжский весел, ироничен, с ним легко и просто, тем более, что тем для разговоров бездна: Сергей все сразу хотел знать.

— Вот и совхозный штаб, — доктор показал на дом, назвать который будничным словом «контора» язык не поворачивался. — Начальник совхоза назвал сие строение благородным, хотя и нерусским словом «Дирекция». Привилось.

Они вошли. Внутри было светло, свет исходил не только из широких окон, но и от желтых бревенчатых стен. Кабинеты удивляли размерами, половиками, теплым духом истопленных печей. Директорская приемная впечатляла: дверь в кабинет двойная, она была открыта. За столом сидел директор, от его стола протягивался второй, почти к дверям. Для заседаний.

Игорь Михайлович Добротворский оказался полным, хорошо одетым интеллигентом, было ему лет сорок, улыбка красила его лицо. Он вышел из-за стола, пожал руку Сергею, доктору и извинился перед посетителем, который тут же вышел. А Добротворский сказал агроному:

— Вы моложе, чем я представлял вас. Утомились в дороге? Такая даль, а у вас маленькие. Ну, все позади, благодарение судьбе. С чего начнем? Одну минутку. Вы посидите с доктором, я выйду, распоряжусь, чтобы не забыть.

Говорил он быстро, движения его были тоже быстрыми, но взгляд глубокий, запоминающийся, видимо, умница, схватывающий все с ходу.

— Ну-с, что там у вас? Направление. О, подписано самим генералом Комаровым! Понимаю: другая чья-то подпись не производит впечатления на начальников приисковых управлений, так? А генералу не откажешь. Наконец-то прекратится карусель со специалистами! В это я верю. Здесь вам понравится. Дел невпроворот, и все интересные, к ним с шаблоном не подступишься. Ну, вы понимаете. Скажем, расширение полей. Где? Как? Способы? Выбор? Ведь вокруг совхоза океан тайги, болот, рек, островов, сама матушка-Тауй, река с девичьим нравом, не подступишься! Впрочем, оставим деловые разговоры на завтра, идемте ко мне, посидим, потолкуем. Как вы, доктор?

— А почему и нет? Только позвоню супруге, чтобы не искала, если что. Мнительный человек. Ружье спрятала от меня, боится, что уйду в лес и заблужусь...

— Пусть наведается к своей соседке, поговорит — расскажет.

Вскоре выяснилось, что Добротворский закончил биофак Ленинградского университета, работал в лаборатории селекции, не думал о должности администратора, тем более в такое время... Но обстоятельства.

— Декабрь тридцать четвертого? — спросил Морозов.

— Да, конечно. Мы не знали, кого завтра... И один выход: подальше уехать, что я и сделал. Врата ада принимали, к счастью, не только грешников. Так, по вольному найму... Немного поработал в Новосибирске, потом во Владивостоке на академической биостанции. Предложили сюда, согласился, хотя долго боялся всего этого, что называют лагерями. Работается интересно, но не все удастся. Конечно, очень жаль заключенных женщин, стараюсь смягчать режим. За мое время сменили два начальника лагеря, теперь третий, кажется, без этого самого... Помягче. У нас с капитаном Сергеевым согласие.

— Сколько же народу в зонах? — спросил Морозов.

— Почти тысяча. Мужчин мало, всего сто сорок. Правда, вольнонаемных стало больше, оседают после лагеря. Это механизаторы, конюхи, ездовые, плотники. Одна беда — ежегодные терзания из Магадана: здоровых — на прииски, взамен — этап из больничных бараков. Павлу Свяжскому работы прибавляют. Этапы, этапы, их боятся, как мора. Острая нехватка работников для теплиц и парников. Тут слабина.

— Знакомая ситуация, — сказал Сергей. — В Сусумане — то же.

Поклонение золотому тельцу.

После обеда доктор заспешил. У него часы приема в лагере и в поселке. Директор и агроном пошли на ремонтную базу — силовой узел совхоза.

Возвратился Морозов уже потемну. Из труб их дома шел дым. Пахло оладьями, мясом. Конечно, Оля готовит ужин. Сказала из кухни:

— А ко мне гостя приходила, приятная молодая дама. Жена соседа, доктора, передала твое всегдашнее «задерживаюсь». Мы с ней разговорились, кажется, у меня нашлась подруга. Очарована девочками.

— Своих не завели?

— Нет. Что-то там... Я не расспрашивала. Ты будешь ужинать?

— Да, хотя пообедал плотно. Знаешь, здесь не те люди, которые добивают в забоях заключенных. Здесь милосерднее. Нечто вроде поселения свободных земледельцев. Директор приказал обзавестись коровой, поросенком, птицей. Как на это смотришь?

— Ну, коров я боюсь. А вообще, хозяйство надо. За домом огород в бурьяне, мы его подыдем, конечно. Свое — оно и есть свое.

Сергей принес от директора карту совхозных угодий. Развернули ее во весь стол, рассматривали. Удивляла разбросанность: пять отделений вдоль реки на полусотню километров! И пашни, и сенокосы на все сто. И никаких дорог, только на лошадях или тракторах. Везде дремучий лес, еще не затоптанный, семь речек — притоков Тауйя. Словом, громадный край, где огороды выглядят окошечками. Почему-то верилось, что в окружении нетронутой природы и люди должны быть добрыми и отзывчивыми. И работающими, конечно. Уже одно обстоятельство — три отделения лагеря не имели охраны — говорило о мягком режиме для заключенных, три управляющих отделениями — или заключенные, или бывшие, один из них — крупный в прошлом агроном. Только в самом Талоне и в Балаганном на берегу моря были зоны, вохровцы, разводы и все прочие прелести. Никто никуда не бежал, работали спокойно, как бы для себя. Значит, хорошо работали, с интересом.

План, который был составлен Табышевым для совхоза, предусматривал создание в этом месте крупнейшего хозяйства, производителя картошки, она здесь хорошо родилась. Требовалось найти и распахать много новины, строить парники, теплицы и хранилища для овощей и семян картошки. Для удобрения целинной пахоты требовалось много навоза. Значит, нужны коровы, скотные дворы, сенокосные угодья, которые еще надо разыскать и как-то облагородить. И все это скорей, скорей!..

Подступило и как-то незаметно пришло время паводков, реки поднялись, дороги испортились, но май все поправил, и тогда Сергей задумал первую поездку вверх по Тауйю, где находилось отделение с самыми высокими урожаями картофеля.

От моря долину реки отделяла гряда сопок, покрытых лесом. От них до побережья насчитывали двадцать километров. Это поднятое пространство гасило морские ветры, и в долине Тауйя было сравнительно тепло. А к северу, откуда текли три притока Тауйя, уходила огромная болотная хлябь с озерами, протоками и лесными островами — абсолютно непроходимое место. Летом здесь было птичье царство, именно здесь оседали весной перелетные птицы. Сообщества уток, гусей, красавцев-лебедей испокон веку выводили здесь потомство. А за этими топями, за сотню километров от Тауйя, по всему горизонту — горный кряж с холодно сияющим фирновым снегом на вершинах. Морозов смотрел на это жуткое видение и вспоминал приисковые лагеря, разбросанные за этими горами. По ту сторону хребта и сейчас в

забоях Бутугычага, Усть-Омчуга, Мадауна, Нелькобы, Теньки копошились, как муравьи, лагерные и каторжные бригады, которых в последнее время пополняли десятки тысяч советских солдат и офицеров, имевших несчастье попасть к немцам в плен.

Сюда уже дошли слухи о том, что среди этих заключенных возникли очаги сопротивления. Попавшим «из плена в плен» ничего другого не оставалось, как только идти на смерть в поисках освобождения. И они шли. На нескольких лагпунктах бывшие воины разгромили лагерную охрану, вооружились, захватили соседние лагеря, понаделали из аммонала и консервных банок примитивные гранаты и пошли, пошли, конечно же, на юг, встреч солнцу, еще не ведая, что там и хляби, и холодное море. Где-то на спуске к болотам, уже миновав горы, они и попадали в ловушку, устроенную самой природой. Если бы имели карты... Но карт ни у кого не было. Все это узналось позже.

Когда Морозов устраивался в моторке, чтобы обстоятельно осмотреть берега реки, прибежали начальник лагерной ВОХРы и капитан Сергеев — оба с винтовками и полными рюкзаками.

— Мы с вами, Морозов, — сказал капитан. — За компанию, чтобы не скучно было, да и не так рискованно. Игорь Михайлович в курсе. Разместимся?

— Ну, раз такая забота...

В тот час он еще не знал настоящей причины повышенного интереса к путешествию этих двух лагерных служаек. А они промолчали, поскольку за рулем моторки сидел заключенный моторист. Отошли на глубоко осевшей лодке, часа три плыли до сорокового километра, где было четвертое отделение.

Бригада этого отделения, кроме бригадира — крепенькой тамбовской колхозницы, состояла из жителей Галиции, Львовщины, их «выловили» бдительные чекисты как членов семей, откуда брат-сват ушли в леса от наступающих с востока дивизий. Это произошло после того, как Сталин и Гитлер подписали пакт о дружбе и нейтралитете, по которому Западная Украина переходила к Советской Украине вместе с Прибалтикой.

Молодые украинки так и не поняли толком, за что их увозят из родных хат. Не понимали вины и теперь, на Колыме. Но они привыкли к труду, работали и здесь, постепенно осваиваясь со спасительной мыслью, что рано или поздно вернутся домой. «Надежды юношей питают...».

Жили они не голодно. Картошка своя, у берега лодка, наловчились ловить горбушу, кету, солили. Была и красная икра, и лук, были брусника, голубика. А вохровец, которого прислали сюда с женой для охраны «контингента», только и знал, что спать да поругиваться с супругой, которая была ревнива не в меру... Но

при всем видимом благополучии у каждой на сердце лежал камень. Где родные края, где матушка и братья? И как долго придется им вот так, на ссылке проживать?.. Вечерами, при коптилке, они пели свои песни, плакали, писали письма, ни на одно не пришло ответа, даже теперь, когда закончилась война...

Пока агроном ходил-бродил вокруг уже подсыхающей пашни, искал по лесу поляны для разработки, брал пробы почвы на анализ, его спутникам пришлось выслушивать бесчисленные слёзные жалобы, и гнев, и горечь, отвечать было трудно, сами ничего не знали, ведь и приговора у них не было, только бумага Особого совещания и срок — по восемь лет. Успеешь состариться.

Тем временем Морозов уже «прирезал» на бумаге и показывал бригадирше куски, которые можно без особого труда припахать к полю, для чего обещал прислать трактор и все другое до десятого июня, когда здесь заканчивается посадка картофеля. Семена уже проваливали на сухом ветерке и солнце, а на ночь закрывали мешками от заморозка.

Ночевали приезжие в пристройке к хранилищу, а до того поудили в протоке и выловили десятка два налимов и наваги. Утром отдали снасть украинкам, и моторка их затарахтела вверх по Тауйю — уже в неизвестные места.

Километрах в десяти на крутом повороте вдруг увидели живой дымок. Капитан взъерошился, скомандовал: «К берегу!». В укрытии вытащили нос моторки на сухое, осмотрели винтовки и, крадучись, пошли к странному костру. Увидели шалаш, двоих мужиков около него, они что-то собирали. Грибы? Рано. Кстати, их и у поселка невпроворот. Подкрались, Сергей замыкающим. Капитан выставил винтовку, крикнул:

— Садись!

Двое мужчин послушно сели на корточки.

— Руки на голову! — привычные команды для капитана. Подняли руки, переглянулись.

— Кто такие, откуда, что здесь ищете?

Оказывается, из Балаганного приехали, лук-черемшу собирать. Две полные бочки уже засолили, зимой повезут в Магадан продавать.

— Чего забрались в такую глушь? Ближе нет?

— На ближние охотников больше. А тут нетронута. Густо, будто посеяли.

Теперь капитан старался перевести разговор на шутливую игру. Действительно, у страха глаза велики. Морозов посмеивался. Походили по лугу, попробовали соленый лук и собрались ехать дальше. Сергей не вытерпел, крикнул мужикам:

— Выше бдительность, ребята!

Его спутники даже не улыбнулись. Кажется, поняли и обиделись.

На следующей остановке капитан забрался на поваленное дерево, вытащил бинокль и долго осматривал окрестности. Вдруг сказал:

— Вы не в курсе событий, Морозов. Вот в тех горах сейчас рассыпались несколько сотен взбунтовавшихся власовцев. Убежали, понимаете, из лагерей, уничтожили охрану, вооружились и, по сведениям разведки, хотят пробиться на морской берег. Чем черт не шутит, вдруг как раз здесь.

— Задержим? — без улыбки спросил Сергей. — Правда, стволов маловато.

— Оповестим тех, кто может остановить.

— Потому вы со мной и поехали?

— Ну, и вас прикрыть, если что... Тут, понимаете, рисковать нельзя. Такое окружение... Загорись в одном месте, тогда не остановишь.

Сергей промолчал. Опасный разговор.

Они вернулись домой лишь на пятый день. Весь блокнот агронома был разрисован картой, на ней заштрихованы большие куски пригодной для сенокоса и распашки земли. Есть, есть куда совхозу разрастаться! Только вот бездорожье. Строить и строить.

Лето Морозов не запомнил, оно пронеслось в разъездах, заботах, разговорах, он часто ночевал в отделениях, верховой конь его поосунулся от перегрузки. А Оля все выглядывала на улицу, жаловалась соседке на непоседливость мужа. И, конечно, боялась за него. Такая природная дикость вокруг...

Уборка картофеля, овощей, лов рыбы, заготовка сена, постройка новой теплицы, борьба с сорняками — все это требовало надзора, разумной подготовки, отдачи энергии. Дома бывал не каждый день. Девочки, когда играли у крыльца, тоже всматривались в каждого идущего: не папа ли? Оля встречалась с директором, высказывала свои опасения, тот уговаривал ее, ничего страшного, будет зима, отдохнет и окрепнет. Такая у них профессия.

Лишь когда пошли дожди и похолодало, Морозов стал чаще бывать дома. Правда, уходил рано, к семи, встречал на разводе бригадиров, агротехников, что-то наказывал им, потом сидел в кабинете, писал. Здесь часто заседали, спорили, но к десяти вечера Сергей уже бывал дома. И хоть полчасика, но уделял дочкам. Был доволен. Сыты, здоровы. Он гордился ими: эко быстро растут! Вон и руки из рукавов вытянулись, и платица короче... Шей новые, мать!

Семья хорошо подготовилась к долгой зиме. С огорода собрали несколько мешков картошки, много моркови, свеклы, засолили бочку капусты. Дважды в августе ходили с доктором и еще тремя соседями ловить сетями кету и горбушу: рыба шла такими косяками, что в иной заброс выволакивали по сотне штук сразу. Тут же разделявали, укладывали с солью в бочки, готовили красную икру. Веселая работенка, до ломоты в плечах! Зато все свое. И вдоволь.

Случалось, что он привозил из поездок то глухаря, то рябчиков или две-три утки. Лишь однажды видел огромного медведя, он шел далеко, голова к самой земле, вынюхивал какой-то след и не почуял всадника с ружьем. Но конь под Морозовым весь дрожал, так и порывался дать ходу.

На легком самолете вдруг прилетели Табышев и заместитель начальника управления магаданским лагерем майор Кузьмин, хозяин трех сельхозлагерей. В кабинете Добротворского главный агроном рассказал начальству о намерении расширить площади пашни и выложил доводы о новой технике, о стабильности механизаторов в лагере и о потребности совхоза во взрывчатке.

— Много надо? — спросил Кузьмин.

— По расчетам — полторы тонны.

— Да вы что? Вы представляете...

— Мы с вами только что осматривали старую вырубку вдоль трассы. Ее площадь почти двести гектаров. На каждом гектаре стоит сто тридцать или полтора ста пней. Самый эффективный способ: взрывать пни накладным патроном в триста или двести граммов аммонала. Испытывали. Вытаскивать трактором много трудней и дороже.

Табышев идею одобрил:

— Скажем Александре Романовне. При ее пробойности можно получить эту взрывчатку.

Вот в таких обстоятельствах Морозов вновь услышал имя жены начальника управления капитана Гридасовой. О ней много говорили на Колыме как о первой даме города. И совсем тихонько о ее особой близости к начальнику Дальстроя Никишову. Старик, а жена молодая. Быть может, это были домыслы, но Гридасовой удавалось многое сделать, она рискованно заступалась даже за некоторых заключенных.

— Аммонал — ответственность огромная, — и Кузьмин посмотрел на Добротворского, потом на Морозова.

— Зато за зиму можно подготовить сотню-другую гектаров огорода. Тысяча тонн новой продукции, — быстро сказал Добротворский.

Вечером Табышев долго сидел у Морозовых. Когда смотрел на играющих девочек, в глазах его стояли слезы.

— Боже мой, как летит время! — и вздохнул. — Когда меня забрали, мои были крохами. Сегодня я их вряд ли узнаю. Уже восемь лет... Боюсь даже говорить о выезде, хотя наша начальница может отпустить. Но что ожидает меня в Москве? Семейные не отвечают на письма, быть может, их уже нет. У меня здесь Тоня... Запутался. Говорят, что началась новая волна арестов. Ехать? Из огня да в полымя? И никаких слухов об амнистии. Жестокость невиданная. И нет ей конца.

Он задумался, вдруг спросил:

— Вам тут не слишком грустно, лесные люди? — и улыбнулся. — Если что, можно перебраться на Дукчу. Место обеспечу.

— Потерпим, Миша, — сказал Сергей. Лучше лесным человеком быть, чем за проволокой. У меня ведь тоже ОСО. А они любят клеить второй срок, ты в курсе... Расскажи, что там в большом мире?

— Порядок диктуют пушки. Союзники продолжают помогать. Ну и конечно, у нас спекуляция в расцвете. На запах жареного с «материка» явилась целая орава лубянских чинов, там им опасно:

могут загнать в Европу, куда вошли наши. Чистка пойдет. Опасно. А тут они за год хороший капитал наживают. В стране, вообще-то, голод, все порушено, земля одичала, деревни обобраны. Города живут на привозном. А лубянская братия наживается. Новый класс...

Табышев и Кузьмин улетели на третий день. Так просто самолетом! Тридцать-сорок минут — и в Нагаево, где расчищена полоса прямо в бухте.

Еще не забылся этот визит, как с фельдсвязью на имя начальника лагеря Сергеева пришло предписание. Капитан прочитал, схватил шинель — и к Добротворскому. Сергей Иванович сидел в директорском кабинете, когда капитан, забыв поздороваться, положил на стол предписание.

— С ума сошли! — по лицу Добротворского пошли красные пятна. — Вы посмотрите, Сергей Иванович!

Черным по белому было напечатано: «В недельный срок отправить в сборный лагерь сорок трудоспособных мужчин из числа заключенных. По распоряжению Главка отправить также исправный бульдозер с тремя механизаторами и две автомашины». Начальник УРО СВИТЛ НКВД полковник Антонов.

— Это какая-то нелепость, — Сергей оттолкнул бумагу. — Требовать от нас все больше продуктов и в то же время грабить. И почему УРО распоряжается даже машинами? Это дело самого Дальстроя, а не какого-то Антонова.

— Я обязан выполнить директиву, — сказал капитан.

— Не торопитесь, — Добротворский посмотрел на агронома. — Сергей Иванович, придется вам... Я нездоров. Да, завтра утром, на У-2 из Балаганного. И напрямиком — в Маглаг. Они, видимо, не в курсе. Отстоять во что бы то ни стало! Кузьмин мало что может. Только сама Гридасова.

Легкий самолет вез в город больную женщину — орочолку. Морозов втиснулся позади нее. Болтаясь на упругом ветре, самолет летел низко, лавировал в воздушном потоке. Но сел удачно, с первого захода. И в десять утра Морозов был уже у Табышева.

— «ЧП»? — спросил тот, увидев друга в дверях.

— Да, такая вот бумага...

— Сейчас мы пойдем с тобой к Гридасовой. Только она и может. Если захочет, конечно. Вчера мы с Кузьминым в оптимистических тонах рассказали ей о совхозе. Даже о потребном аммонале. Она приказала подготовить такую заявку. А сегодня... Только она! Посиди, я узнаю — здесь ли.

Через три минуты он возник в дверях, поманил и пошел впереди по коридору с красной дорожкой. Открыл дверь, обитую

добротным дерматином, пропустил Сергея и вошел сам.

Девица-секретарь показала на другую дверь, разрешая войти.

— Можно, Александра Романовна? — каким-то особенным тоном спросил Табышев, приоткрывая вторую дверь.

И кивнул Сергею.

Из кабинета на них пахло запахом хороших духов и теплом. Хозяйка стояла у трюмо, разглядывая себя. Она повернулась, протянула руку Табышеву и Морозову.

— Вот вы какой! Я представляла вас старше.

И опять повернулась к трюмо.

Да, красивая женщина в расцвете лет. Смуглое крупное лицо, темные густые волосы, уложенные каким-то особенным манером, плотная, несколько полноватая фигура, достойная осанка женщины, знающей себе цену.

Поворачиваясь к посетителям, вдруг улыбочиво спросила:

— Как мне это платье, мальчики? Не полнит фигуру?

— Что вы! Оно вам очень идет. И сидит хорошо, — в два голоса ответили агрономы-просители.

— Да-а? Ну что же, примем оценку к сведению. Спасибо. Ведь это платье я надела впервые. А теперь присаживайтесь и расскажите, какая-то такая срочность привела вас сюда.

Они сели и рассказали. Показали копию предписания. Морозов еще сказал:

— Мы выполняем директиву Дальстроя о развитии огородов на Колыме. Самый крупный совхоз наш. Мы намереемся добавить в следующем году еще сто или сто пятьдесят гектаров пашни. Но мы технически бедны, у нас всего четыре трактора и семь автомашин. Приказано отправить трактор и две машины. Мужчины в совхозе — только механизаторы или конюхи. Сорок три человека — это почти половина специалистов. Кто будет работать на машинах и на конях? Что-то странное в этом приказе Антонова. Видимо, в обход Маглага.

Наверное, Морозов очень волновался, чувствовал, как горят щеки. Гридасова смотрела на него с улыбкой, казалось, что хочет сказать — стоит ли так расстраиваться?

Но сказала другое.

— Думаю, что дело поправимое. Тем более, что без моего согласия. Приятно, что вы так близко к сердцу принимаете совхозные дела. Конечно, приказ унижительный и для меня. Ведь я ничего не знаю...

И положила руку на белый телефон, помедлила, тряхнула головой и подняла трубку. Послышались гудки вызова, потом щелчок и густое: «Да-а!».

— Иван Федорович, это я. Да, я. Тут такое дело. В Тауйском

совхозе без моего ведома распорядились забрать машины и людей. Там и сегодня некому работать.

— Что ты хочешь? — прогудел телефон.

— Отмени это предписание. Дай мне возможность работать, чтобы совхозы могли...

Фразу закончить не удалось. Из трубки загремел плебейский мат. Глаза у Гридасовой вспыхнули. Она бросила трубку и застыла. Агрономы опустили головы. Но они видели, как по щекам капитана побежали слезы.

Не замечая посетителей, она подошла опять к трюмо, щелкнула сумочкой и принялась аккуратно промокать платочком мокрое лицо. Дышала глубоко, стараясь прийти в себя.

Табышев и Морозов сидели, не зная, что им делать, как себя вести. Разряжаясь, хозяйка кабинета могла закричать, затопать, прогнать их — ведь все из-за этого неуместного посещения, из-за каких-то там зеков и железок...

Когда Гридасова повернулась к ним, лицо ее было спокойно, только щеки горели. И вот тут она как-то угрожающе вкрадчиво произнесла, не могла удержаться:

— Теперь он у меня попляшет, невежа, покрутится!.. — и так сказала, как может сказать только оскорбленная в лучших своих чувствах женщина.

Аккуратно огладив платье, она села, подумала. И уже другим, доброжелательным тоном произнесла:

— Все будет улажено. И люди, и машины останутся на месте. Можете возвращаться в совхоз, Морозов. Это далеко от Магадана?

Сергей сказал. Чувствуя себя виновниками происшедшего, извиняясь, они открыли дверь, вышли в приемную, молча прошли в комнату Табышева и, кажется, только тут позволили себе вздохнуть полной грудью.

— Вот сцена, а? — Табышев выглядел растерянным. — Надо же!

— Если комиссар узнает, из-за кого сыр-бор, он нас четвертует.

— Не узнает. Они помирятся. А вот отменит ли он приказ...

— Еще как! Такой женщине нельзя не уступить.

— У них любовь?

— Живут вместе. Души не чает. Просто она позвонила в неудачную минуту, он был чем-то разъярен. Успокоится и попросит прощения. А любовь? У нее есть и любовь, в городе слухи... А этот старик...

Морозов вернулся в Талон через день. Погода задержала. Заглянул к директору. Никаких дополнительных указаний не поступало. О сцене в кабинете Маглага он умолчал.

Капитан Сергеев приготовил для этапа личные дела на сорок три заключенных. Забегая вперед, скажем: зря старался.

Из совхоза не взяли ни одного человека. Ни одного колеса.

А Морозов вдруг заболел.

Давно не знал он этого ощущения тоски, неудобства, тяги к постели, какую-то тяжесть во всем теле. Утром заставлял себя подняться, вечером раньше обычного тянуло в кровать. Стал молчалив, замкнулся в себе.

— Да что с тобой? — уже не в первый раз спрашивала его обеспокоенная Оля.

— Не пойму. Но что-то плохо. Не свалиться бы.

Конечно, был приглашен Свяжский. Он долго, настойчиво расспрашивал, так же долго выслушивал, выстукивал, смотрел на термометр и все больше расстраивался. Не простужен, сердце работает чисто, хрипов в легких нет, только температура повышается к вечеру. И как в подобных случаях поступают все врачи, велел полежать три-пять дней, почитать, например, Фенимора Купера, отвлечься от забот. Может быть, просто нервная перегрузка.

Сергей послушно лежал, читал, затем не выдерживал, отправлялся в свой кабинет, там начинались всякие деловые разговоры — и до ночи. А через три-четыре дня опять сваливался, безучастный ко всему. Только вид спокойно играющих девочек выводил его из тупого состояния. Он читал им очередную сказку, но скоро уставал. Даже пытался утром колоть дрова; на втором полене почувствовал немошь и оставил топор в колоде. Болен. Болен!

Потом пришла бодрость, этакий прилив. Дней десять работал в прежнем темпе. И словно границу невидимую перешел — свалился.

— Ну знаешь, ты мне загадку загадал! — Свяжский сердился. — Не могу поставить диагноз. В таких случаях мы направляем в больницу.

Поедешь в Магадан?

Морозов неожиданно для себя и для Оли согласился. Неопределенность и чувство нездоровья осилили. В больнице его продержали почти месяц. Возвратился не в лучшем виде и с выпиской, где стоял странный диагноз: «сепсис». И знак вопроса, что означало неуверенность. А может, и нет. Ведь сепсис — болезнь крови, ее заражение. Откуда? Чем заражен?

Оля сама написала Табышеву и попросила — не лучше ли перевести Сергея в Дукчу, о чем разговор уже был. Магадан близко, больница, то-сё...

Михаил Иванович ответил самому Сергею: приезжай, место

агронома вакантное. Директор согласен. Квартира есть.

Но Сергей опять чувствовал себя в форме, подшучивал над своими страхами, над словом «сепсис», в общем, ответил шутливым письмом: сам себя напугал, и врачей — тоже.

Прошла неделя, вторая. Все нормально. Все по-прежнему.

Словно подталкивая его на воспоминание о несбыточной мечте уехать на «материк», вдруг произошло событие, которое расставило вехи на будущее.

В грустный глухой день к ним постучался вохровец, передал записку и, козырнув, ушел. Морозов вернулся в комнату, вытащил из конверта бумажку, прочитал и вдруг опустил на стул.

— Что с тобой? — спросила Оля. — Лица нет!

Он протянул бумажку. Там было три строчки: «Прошу явиться к оперуполномоченному райотдела НКВД Борискину сегодня до 18.00». И подпись, число, месяц, год.

Борискин... С этим молодчиком в форме, которая вызывала у Сергея и страх, и презрение, его однажды познакомил Добротворский. Выглядел лейтенант самоуверенным, с той загадочной полуулыбкой на тонких губах, в которой кроется одному ему известная тайна. И скрытая опасность для того, с кем он разговаривает. Тогда Борискин изволил вымолвить: «Знаю Морозова, как не знать». И оглядел Сергея с головы до ног.

Оля как-то очень осторожно села на стул и невидяще уставилась на мужа. Ее сердце билось сильно и болезненно.

— Чего ему надо от меня? — с трудом сказал Сергей.

В самом тоне Оля уловила тень серьезной опасности. И страх, да — страх! Каждый осужденный по постановлению Особого совещания НКВД даже после освобождения по окончании срока оставался на особом учете в том райотделе, где жил и работал. С него не спускали глаз. Он мог хорошо, даже отлично трудиться, безупречно жить, не разговаривать о политике, но в любой день за ним могли прийти, забрать и уже на пороге камеры в местном райотделе ознакомить с новым постановлением Особого совещания о заключении в лагерь или тюрьму сроком на три, пять, восемь лет. «Повторник». Никаких доказательств вины или проступка для этого не требовалось. «В интересах госбезопасности». Вот и все.

...Они сидели друг против друга, по щекам Оли текли слезы, она их не замечала, не спускала с мужа умоляющего взгляда, и он видел в этом взгляде растерянность и горькое горе. Если его возьмут — что будет с ней, с дочками? И с ним самим? Пройти по второму кругу ада мало кому удавалось.

Об этом же думал и Сергей. Судьба его в трехлетнем заключении не была уж очень страшной, суровой, как у других,

погибших. Он остался жив, даже не калека. Он снова работал, получал удовольствие от труда, полезного и творческого. У него столько планов на будущее...

— Я пойду, — сказал он. — Что тянуть? — и сунул записку в карман. — Пойду, — повторил он и стал одеваться. Оля перекрестила его.

И как только вышел, она бухнулась на колени и зарыдала.

Девочки спали.

Морозов шел в сумраке вечеряющего дня к тому дому, который стоял отдельно от улицы, в глубине ее, как раз на переломе в другую улицу, ведущую к реке. Четыре окна там светились. В глубину за дом уходил плотный забор. Кажется, там были камеры. Гремела цепью одуревшая от одиночества овчарка.

Неожиданно страх как рукой сняло. Чего он, собственно, испугался? Просто этому типу взбрело в голову поговорить с ним. Может быть, узнать от Сергея о совхозных делах, в которых опер, конечно, ни бум-бум.

Он нашел кнопку звонка. Тишина. Нажал еще, посильней.

Дверь отворилась. Борискин в распахнутом кителе стоял перед ним. Неопределенная улыбка блуждала на его губах.

— А-а, это ты? Заходи, заходи. Такой дисциплинированный... — и пошел следом, указывая: — Вот сюда, направо, это мой кабинет. Сейчас включу свет.

— Ты что, один живешь? — Сергей неожиданно для себя перешел на «ты». Почему и нет? Вряд ли опер старше Сергея более чем на год-другой. А по служебному положению Морозов стоял много выше.

— Садись, садись, Морозов, — Борискин застегнул китель, обошел стол, как-то многозначительно передвинул бумаги на столе и только тогда сел, локти на стол и в упор посмотрел в глаза Сергею.

— Гадаешь, зачем вызвал?

— Нет, — очень просто ответил Сергей. — У тебя такая работа, вызывай да беседуй, вдруг что-то забрезжит.

— Это точно. В разговоре можно познать и душу. Особенно за рюмкой. А как еще?

— Ты лучше знаешь — как. Учили. И я знаю. Учен. Иные с помощью кулаков добиваются до души.

— Тебе доставалось?

— Пронесло, слава Богу. Никто и пальцем... Хороший был следователь. Дружок мой по лыжным соревнованиям.

— То-то у тебя и срок такой... Ну, ладно. Сейчас я тебе дам одну бумагу. Ты ее прочитаешь и распишешься. А там...

У Сергея вспотел лоб. Внезапно. Вдруг не хватило воздуха. Он

глубоко передохнул и раз, и второй. Что он там копается? Ищет постановление?..

— Ага, вот он, конвертик. Сегодня фельдсвязь была. Я хотел пооперативней, раз такое дело. Читай.

Первое, что бросилось в глаза Сергею, был крупный, черными буквами штамп слева: слово «СССР» с гербом и черные слова — одно под другим: «Министерство Государственной безопасности. Гор. Москва». А чуть ниже — тут он одним взглядом как-то сразу охватил весь текст до подписи. И снова глубоко вздохнул и раз, и два. Вот что прочитал.

«Справка № 715 о снятии судимости

Морозов Сергей Иванович, 1914 года рождения, уроженец города Скопина... был осужден 14 июля 1937 года Особым совещанием НКВД по ст. 58 п. 10 УК РСФСР к заключению в ИТЛ сроком на три года... (машинкой забито слово „лет“).

По постановлению Особого совещания при Министре Государственной безопасности Союза ССР от 11 октября 1947 года указанная судимость, вместе со всеми связанными с ней ограничениями с Морозова С. И. снята

Начальник отдела „А“ МГБ Союза ССР /подпись/

Начальник отделения /подпись/ 24 октября 1947 года».

Дочитав до конца и ощутив какую-то пощипывающую слабость во всем теле, полную неспособность вот так просто встать или даже улыбнуться, Морозов еще раз перечитал справку, без улыбки глянул на лейтенанта и потянулся за ручкой, чтобы расписаться.

— Нет, не здесь, это справка для тебя, чтобы новый паспорт получить. А распишись вот здесь, внизу.

И протянул лист плотной бумаги с тем же типографским штампом, но с другим текстом, который так и врезался в память. Там на машинке под канцелярской рубрикой «слушали» и «постановили» было отпечатано:

В графе «Слушали»: «Постановление Особого совещания НКВД от 14 июля 1937 года о заключении в ИТЛ сроком на три года Морозова Сергея Ивановича по ст. 58 п. 10 „КРА“».

В графе «Постановили»: «Постановление Особого совещания НКВД от 14 июля 1937 года об осуждении Морозова Сергея Ивановича по ст. 58–10 „КРА“ сроком на три года — отменить.»

«Председатель Особого совещания при НКВД СССР
полковник В. С. Якубович

— Вот ниже этого «майора» и напиши: «читал». И подпишись. Так. Это останется у нас.

Борискин аккуратно положил бумагу в папку, а папку в стол и щелкнул ключом. Выпрямился, постучал ключом по стеклу, уставился на Морозова. Тот сидел обмякший, смотрел на стол перед собой, раздумывал. Как же так? Осудить, бросить в лагерь, где десять раз можно было умереть, а спустя десять — десять! — лет отменить свое постановление и в качестве жеста милостыни разрешить получить паспорт без ограничений.

Ему хотелось крикнуть в лицо этому уполномоченному госбезопасности: будьте вы прокляты! Все! Сверху и снизу, мучители народа, вами распятого на таких Голгофах, как Колыма! И все еще суетливых, действующих, карающих, как вы любите говорить прилюдно, хотя ваше место давно в отбросах истории, поскольку по вашей вине, дикости, жестокости погибли миллионы невинных людей, на моих глазах погибли — несть им числа...

— Чего задумался? — спросил Борискин и навалился грудью на стол.

— Так... Мысли всякие.

— У тебя, кореш, такие глаза, такие... Обмыть это дело надо, а?

— Не сегодня, лейтенант. Не сегодня. Слишком многое надо понять.

Он поднялся.

— Ты, вроде, и не радуешься...

— Если бы ты знал, что я перенес за эти три года! И что увидел, узнал! Ты на приисках не работал?

— Нет, прямо сюда. Из Свердловского областного управления.

— А я видел горы трупов. Понимаешь? Горы из трупов — не самых плохих людей, между прочим. Наверное, многим из них рано или поздно придет подобная справочка. А расписаться некому. Ты извини, что говорю такое. Расстроен более, чем обрадован. Я пойду.

— Зря ты так переживаешь. И на старуху бывает проруха. Тебя — верю — ни за что, а как за других ручаться?

Нет, он Морозову не собеседник. Сергей расправил в руках ушанку, нахлобучил ее. И заставил себя улыбнуться. Знаем мы вас!

Борискин проводил его до двери, сказал: «Будь здоров!»,

обещал заглянуть к ним и закрыл дверь, щелкнул ключом. Остался один в большом доме. Уже давно один. И некому пожаловаться на судьбу, излить душу.

Зайдя в кабинет, лейтенант медленно расстегнул пуговицы, стащил мундир с плеч, сжал его в кулаке и вдруг изо всей силы швырнул на пол. Овчарка услышала шорох и дважды залаяла. Постояла, поглядела с надеждой на окна и, заскулив, полезла в конуру. А Борискин уже пил. Из горлышка. Один...

Сергей еще издали увидел Олю. Она стояла на крыльце дома. Давно, наверное, стояла, руки скрестила на груди, как славянка перед молебном, смотрела вдоль улицы и гадала: вернется или нет? Увидела. И без сил опустилась на лавочку.

— Пошли в хату, ты озябла на ветру, — Сергей поднял ее и пропус тил перед собой в дверь. — Все в порядке. Тары-бары. И еще бумажка, которую ты сейчас прочитаешь.

Оля раздевалась и не сводила с мужа глаз. Живой — невредимый...

— Вот полюбуйся на благородство нашего любимого ведомства.

Она читала, глаза ее бегали по строчкам, видимо, не все сразу доходило до сознания. Еще раз прошлась по тексту, поняла.

— Какая-то изошрённая фантазия, — сказала, глотая слезы. — Через столько лет... Ты на номер справки посмотрел? Семьсот пятнадцать. Неужели они за полтора десятка лет в этом самом «особом совещании» послали такие справки всего семистам четырнадцати заключенным и тебе? А ведь в стране — странно подумать! — миллионы, на одной Колыме пребывало, как говорят, семьсот тысяч. И только семьсот пятнадцать получили отпущение грехов. Да каждый из нас за эти десять — или сколько там лет — мог погибнуть сотни раз! Слушай, — вдруг как-то очень серьезно сказала она. — Не связано ли это с приездом в Сусуман того самого американского гостя? Ведь все эти генералы НКВД, о которых ты рассказывал, остались довольны делами нашего совхоза и тем, что ты там сделал?..

— Смотри-ка, а мне и в голову не пришло вспомнить? Да, в свите был этот генерал Гоглидзе, он давно в Москве, чуть ли не второе лицо после Берия. Если начальник политуправления, который «сватал» меня в газету, Сидоров его фамилия, подал такую мысль... Впрочем, это гипотеза. Истинной причины мы, наверное, никогда не узнаем. У них, как в лотерее. Посадил — выпустил, снова посадил. Руки развязаны, законы свои, перед кем отчитываться? Знаешь, я сейчас о другом думаю: пора нам выбираться из Дальстроя. Чистый паспорт позволит мне найти работу везде, без опасения за будущее.

— Ты забываешь о моем паспорте.

— Тебе, мамочка, служить-работать не обязательно. Вон она твоя забота, — и Сергей кивнул в сторону детских кроваток. — Спят и не ведают, святые, что происходит с их родителями, о чем говорят-судят. Решено! Буду действовать! Да хранит судьба этот совхоз, со всеми заботами, добрыми людьми, планами и замыслами! Не мне их решать, нам бы подальше от страшных людей в голубых кителях, где не знаешь, что сделают с тобой завтра!

В конце той же недели Морозов опять улетел в Магадан. За семенами для совхоза. И, конечно, по своим делам. В кармане у него лежал чистый паспорт, полученный в паспортном столе поселка Балаганное.

В те дни он добился первой цели: стараниями главного агронома Маглага Михаила Ивановича Табышева Морозов был переведен на должность главного агронома в знакомый ему совхоз Дукча, под боком у Магадана. Игорь Михайлович Добротворский выслушал своего агронома с лицом озабоченным. И вдруг неожиданно легко отпустил его. Так легко, что Морозов даже растерялся, обиделся. Получалось, что его здесь не так уж и ценят... Но Добротворский обнял Сергея и рассмеялся.

— Понимаю вас, дорогой Сергей Иванович. Вы ожидали сопротивления, отказа, приготовились отстаивать свои права, а я... Не скрою: у меня заканчивается договорный срок с Дальстроем, и нет ни малейшего желания продлевать его. Уеду следом за вами. Мой бедный разоренный город Петра, моя альма-матер зовет меня, все чаще видится во сне. Там я родился, там и... Поезжайте на родину и вы. Сюда приедут другие, удачливей нас с вами. Совхоз живет и будет жить.

Оля Морозова с закутанными девочками улетела в Магадан, оттуда в Дукчу, где их ждала квартира. Сергей Иванович оставался; работа не обрывалась, ему требовалось время, чтобы ввести в курс дела исполняющего обязанности главного агронома Шидловского, который заведовал третьим отделением совхоза. Заключение Шидловскому, бывшему до ареста главному агроному — консультанту Наркомзема СССР. Никто не сомневался, что новый главный агроном сумеет удержать совхоз в числе лидеров и расширит дарующие добро огороды, как и было задумано до него.

Сергей Иванович уезжал с тяжелым грузом, необходимым для жизни — с рыбой, мясом, икрой, картошкой со своего подворья, все это можно было продать в городе, ведь поездка на материк требовала больших денег. Путь через Армань был знаком, он останавливался у тех же добрых людей. И на память подарил хозяину свое ружье — ижевку. Теперь оно агроному не потребуется.

Казалось, что ангел-хранитель неустанно поддерживал эту семью. Все шло намеченным путем. Вот только совхоз Дукча оказался далеко не чета Талону, он словно застыл на том уровне, что был семь лет назад, когда сюда приехал заключенный Морозов. И опять, как тогда, ему очень хотелось помочь совхозу подняться. Но опыт подсказывал, что такое желание безнадежно; совхоз с самого начала не имел реальной перспективы: вокруг не нашлось подходящих земель, со всех сторон на Дукчу наступали пригородные производства, трасса, река. Не было навоза для полей и парников, не было дров. Продолжалась чехарда с этапами — этот узаконенный обмен всех мало-мальски здоровых и умелых заключенных на больных и слабых, потоком идущих из больниц города. Проходной двор, а не совхоз. И опускались руки. Где Тауйское раздолье, где такие глубокие возможности реализовать все смелые замыслы! Здесь, среди сопков, как в ловушке.

А тут еще подстегивала болезнь. Она ненадолго отступила и снова дала о себе знать. Приступы. Подымалась по вечерам температура. Как у старого ревматика ныли суставы, апатия овладевала организмом. Но через два-три дня болезнь вдруг исчезала, Морозов опять ходил, ездил, много работал. Но проходила неделя-другая, и снова термометр подскакивал до тридцати восьми с долями, мысли путались, тянуло лежать, дремать, ничего не хотелось делать. Очень болела голова.

В прохладный ранний вечер Морозов возвращался из

пригородного отделения совхоза к трассе, чтобы «поголосовать» и добраться до дома. Чувствовал он себя плохо, щеки горели, сердце билось тревожно и часто, словом, был далеко не в лучшей форме. Его путь проходил мимо поликлиники с освещенными окнами. Он остановился, подумал и открыл двери. Была — не была!

Его приняла пожилая женщина-терапевт. Усадила и, прежде чем расспрашивать, поставила Сергею термометр. Он рассказывал о своем недуге, а врач делала свое дело, тщательно прослушивала сердце, грудь, прощупала живот. Позвала еще одного врача:

— Все, кажется, в норме, никаких отклонений. А температура тридцать девять и одна. Представляете, он еще работает!

Снова выслушали его и расспросили. Многозначительно переглянулись.

— В больницу, молодой человек, — произнесла доктор.

— Так сразу?

— Вот именно. Сейчас вызовем неотложку и отвезем. Надо лечиться.

— Да что со мной?

— Честно говоря, ни я, ни коллега не знаем. Потому и в больницу. Там всесторонне обследуют. И вылечат. Иду звонить.

— Нет, так сразу нельзя, — сказал Сергей. — Дома будут искать, телефона у нас нет, от детей отойти нельзя. Пишите направление, завтра я сам поеду и лягу, раз надо. Но спокойно, чтобы не травмировать жену.

Врачи ушли, потом вернулись с главным. Спросили адрес, место работы, выписали направление. На прощанье было сказано:

— Только, пожалуйста, без фокусов. Вы больны. Быть может, опасно больны, скрывать не станем. Пожалуйста, не откладывайте, ложитесь. А мы проверим. В совхозе, надеюсь, телефон есть? Дайте номер.

Вот как могут в одночасье повернуться события! Утром он чувствовал себя почти здоровым, хотел было вечернюю историю обратить в шутку, но Оля взяла сторону врачей. Напомнила:

— Ведь мы собираемся уезжать. Можно ли в дальнюю дорогу отправляться больным? Полежи неделю-другую. Зато потом спокойно — в путь. И будешь знать, по крайней мере, что тебя угнетает, как лечиться, как работать. Ты наработался, вот в чем дело.

В магаданской больнице Морозов пролежал месяц с лишним. Сперва поставили диагноз: суставный ревматизм. И соответствующее лекарство. Оно не помогло. Сошлись на диагнозе более серьезном: сепсис. Успокоили, сказавши, что у них уже есть пенициллин, чудо-лекарство, только что получили

из Канады. Уколы продолжались две недели, каждые четыре часа. Кажется, стало лучше, если не считать издырявленных ягодиц. Главный врач при обходе пожаловалась:

— На вас одного мы истратили треть всего пенициллина.

Сергей обиделся и отвернулся. Когда явилась сестра для укола, он натянул одеяло и заявил:

— Все. Хватит! Мне лучше, так и скажите врачу.

В этот день приезжала Оля, сидела, кормила. Сергей вставал, ходил по палате. И у двери столкнулся с Табышевым.

— О-о! Мы плачем, скорбим, а он разгуливает в пижамах, как барин! Оля, забирай симулянта! И готовьтесь к выезду на «материк». Пропуск есть, документы согласованы. Едешь в отпуск и на лечение. Вам нужно лично явиться в погранкомендатуру с паспортами и фотографиями, вашими и детскими. Твоя забота, Оля. Все строго по времени.

Теперь Морозов уже не просил, а требовал выписать его. Врачи колебались. И тогда он сказал об отъезде, о пропусках.

— Ну, раз такое дело... На вашу ответственность. Пишите бумагу главврачу.

Главврач приходил к Морозову, пытался уговорить не делать рискованных шагов, но больной был настойчив и упрям. Доктор понял, что бывают и такие обстоятельства, когда приходится поступиться врачебной этикой. Возможно, на «материке» этот больной и поправится.

— Решено. Направляю вас в ведомственную поликлинику Москвы, она в центре, на Рождественке. Документы завтра. Так и пишем: больной без улучшения после такой-то и такой терапии. Ваша настойчивость понятна. Но предупреждаю вас: будьте осторожны!

Может быть, силой воли или действительно после курса лечения Морозову удалось приглушить свою болезнь. Он ходил, ездил, хлопотал. Он был на приеме у своей начальницы Александры Романовны Гридасовой. На этот раз она была в мундире капитана органов... Власть ее в Магадане все возрастала. В этом Морозов убедился при оформлении выездных документов.

— Жаль, конечно, что вы заболели, — сказала капитан Гридасова. — Мы лишаемся дельного агронома. Михаил Иванович постоянно рассказывает, что вы лучший в наших совхозах. Поезжайте, подлечитесь, отдохните. У вас восемь месяцев впереди. А потом, если все будет благополучно, возвращайтесь к нам.

Так получилось, что Морозова не увольняли. Ему предоставили отпуск за все годы сразу. Потом он должен вернуться в Дальстрой. Но это его уже не беспокоило. Знал, что

не вернется — ни при каких обстоятельствах!

... Стояла тихая августовская пора. В аэропорт, недалеко от Дукчи, Морозовы ехали на тележке с совхозным кучером и провожающими.

Как на полотнах Ренуара, по сторонам долины в светлой дымке смутно просматривались сонные лиственницы, тронутые желтизной. Щеки у девочек румянились, они без конца вертелись, говорили, рассматривая сопки и долину меж ними.

У края взлетного поля, припав на хвост, стоял серо-зеленый двухмоторный самолет. Всех пассажиров было около двадцати. Судя по виду, по одежде — не рядовые работники. Перед лесенкой в чрево машины два офицера проверяли документы и паспорта, сличали фотографии. У Оли ёкнуло сердце. Раскрыв ее паспорт, офицер задержался, очень внимательно оглядел ее враз вспыхнувшее лицо, снова полистал паспорт. Этот проклятый штамп... Вернул документы и посадил в машину сперва ее, потом девочек. Сергей вошел следом. В железном чреве машины было холодно, по обоим бортам тянулись железные сидения, над головами болтались по проволоке большие металлические кольца. Десантный самолет.

— Исторический момент, — прошептал в ухо жены Сергей. — Отрываемся от земли, в которую сто раз могли лечь...

— Перекрестись, — тихо и строго сказала она. И, не стесняясь соседей, перекрестилась сама, осенила мелким крестом Веру и Таню. Скептически улыбаясь, на нее смотрел пожилой полковник в форме чекиста. Смотрите-ка, в наши дни еще остались верующие!..

Моторы прогрелись, самолет вздрогнул и покатился в сторону Магадана. Иллюминаторы за спиной запотели. Сергей держал на коленях закутанную до глаз Веру, но все-таки успел увидеть черно-серые кварталы города, за ними бухту, похожую сверху на удлинненную каплю воды. Внизу проплыли два, словно оброненные с неба, острова, самолет опустил правое крыло и какое-то время шел вдоль берега, где Армань, Балаганное, Талон. Потом повернул левее, на юг. Прощай, многострадальная земля!

Через четыре часа колеса уже катились по бетонке Хабаровского аэродрома. Вокруг желтели хлебные поля, проглядывали синие васильки. Мир Божий. Теплый воздух с непривычными запахами пьянил. Светило солнце.

Еще через два дня от городского вокзала на запад отошел голубоватый экспресс. Одно купе в его вагоне занимала семья Морозова.

И сам он, и Оля еще не до конца верили, что они вырвались из ада, что наконец-то едут навстречу обычной жизни, пусть и

нелегкой жизни, но настоящей, оставив за спиной то, что называется смертной каторгой.

Чудо свершилось.

«После мрака на свет уповаю», — пронеслось в голове Сергея библейское изречение, когда-то услышанное от покойного Дениса Ивановича.

ГОНИМЫЕ

В Москве они не задержались. Прошли через площадь от Ярославского до Казанского вокзала, Сергей нашел место на диване в огромном гулком зале с неистребимым запахом карболки и немых тел, сложил вещи и, оставив Олю с детьми, строго наказав им смотреть в оба, пошел покупать билет и звонить в Рязань.

Сестра Юля, услышав голос брата, ахнула, по-бабьи запричитала, принялась нервно расспрашивать — что да как, он прервал ее, сказавши, что едет к ним с женой и девочками.

По настороженному молчанию догадался: не очень обрадовал таким известием. Но Юля пересилила себя, защебетала что-то радостное, слезное, пустилась в разговоры. Сергей бросал в автомат монетку за монеткой, ощущал за спиной недовольную очередь и прервал ее многословие, за которым чувствовал нервную напряженность. Понимал сестру: муж ее работал в обкоме ВКП(б), пусть и на малой должности инструктора, но принимать у себя дома родственника, который...

Спросил Юлю, не сможет ли она сегодня, вот сейчас походить по знакомым людям, у кого он с семьей может остановиться на два-три месяца.

Юля вдруг разгневалась, заявила, что она сестра и не позволит, чтобы ее брат ютился у чужих, что она пока еще хозяйка в доме. Словом, подавила вспыхнувший вначале испуг. Ладно, и на том спасибо.

Поезд отходил в пятнадцать двадцать, времени оставалось более двух часов. Сергей пошел в детскую комнату, там, конечно, мест не оказалось, но десятка, положенная в карман распорядительницы, расположила ее «поискать». Оля и дети перебрались в более уютную комнату, а Сергей отправился по близким магазинам.

Его удивило разнообразие, даже богатство товаров. Морозов купил отрез на платье для сестры, очень красивую венгерскую материю, для ее мужа Саши — крепчайшее немецкое вино, что-то еще для племянника, разных закусок — словом, полную корзину добра, свезенную в Россию-победительницу из поверженных стран Запада. И, очень уставший, вернулся к обеспокоенной жене. Девочки безмятежно спали.

В восемь вечера Оля встретила их на «Рязани-второй», со слезами обняла всех, перецеловала, схватила на руки Веру и уже не отпускала. Через считанные минуты они были у нее дома. Саша где-то задерживался. Сын Юра — тоже.

Уже за столом, славно сервированном, обильном, когда девочки уснули, а взрослые успели принять ванну, пришли разом и Саша, и Юра. Теперь прослезился Сергей: племянник был в их породе, они внешне походили друг на друга, этот бывший лагерник и отличник учебы, комсомолец. Саша уже опрокинул в рот большую рюмку, холодноватая его настороженность исчезла, он с радостью обнимал Сергея, тем более что тот показал ему справку НКВД. По-горьковски окая, воскликнул:

— Никаких проблем! Ставим на прошлом крест! Агрономы нам требуются — во! — и провел ладонью по худому, с кадыком горлу. — Устроим, будь здоров.

Семья Юли занимала двухкомнатную квартиру, тесновато, но не бедно. Оба работали, Юра учился отменно хорошо. Словом, все «ол-райт!». Но Юля украдкой вздыхала, Саша все сильнее напивался и терял самообладание. Оля сидела, съезжившись, чувствовала себя неуютно.

— Ты что-нибудь нашла? — спросил Сергей сестру. — Ну, квартиру, дом?

— Не очень чтобы, но в хорошем месте. Одинокая старушка, моя знакомая. Завтра сходим и посмотрим.

Саша вскинул голову, громко и настырно принялся оспаривать решение жены, но Сергей предложил чокнуться, и вся агрессивность инструктора обкома куда-то провалилась.

Ночью Оля плакала. Сергей успокаивал ее, шептал:

— Ты должна их понять. Если узнают на работе, могут быть не приятности. Особенно у Саши. Пригрел бывших врагов народа...

Это же криминал! Для аппаратчиков обкома — чудовищный проступок. Человек он добрый, но трусливый, как, впрочем, и многие.

Воспитание страхом затронуло не одни лагеря, а всю страну. Так что не осуждай, а пойми. Это теперь на десятилетия. Утром пойдем посмотреть квартиру.

Домик был старый, деревянный, в три окошка. Он заметно врос в землю. При доме был дворик и запущенный сад. Окна смотрели через дорогу на глубокий ров, на осадистый старинный мост через него. А далее подымалось чудо: Кремль, звонница, красивейший Успенский собор, слава Богу, неразрушенный, еще две церкви. Все это на холме, а внизу, за Трубежом и за Окой, синела бесконечная лесная и озерная Мещера. Древняя Русь соседствовала с этим домиком, и, похоже, такое соседство сняло с Оли все опасения. Да, здесь она и будет ждать, пока Сережа не вылечится.

Юля бывала у них дважды на день, племянницы очаровали ее,

у нее снова прорезалось уже подзабытое материнство, и перед этим чисто женским явлением смягчилась и Оля, улыбка ее утратила натянутую вежливость.

Прожив на новом месте неделю, побродив по Рязани, Сергей уехал в Москву. Всего-то сто с небольшим километров, столько он за один день наезживал в седле по совхозу!

Долго искал улицу Рождественку, никто не знал, пожимали плечами. Пожилая интеллигентная женщина, спрошенная им, удивилась:

— Такой улицы давно нет, молодой человек, — грустно сказала она. — Есть улица имени Жданова, начинается она от Лубянки. Идите по ней почти до спуска на Трубную площадь. Поликлиника? Вроде бы в конце улицы.

Он нашел нужное здание, очень казенное с виду, построенное конструктивистами из одних квадратов и кубов, наверное, еще в тридцатые годы. Никакой вывески на дверях не было, зато сразу оказался перед вахтером. Показал направление, тот кивнул. Из регистратуры его отправили на четвертый этаж к дверям с продолговатой рамкой: «Профессор Блейхман».

За столом сидел пожилой доктор в больших очках. Указал на стул и продолжал писать, видно, не хотел обрывать незавершенную мысль. Откинувшись, сказал:

— Слушаю вас, молодой человек.

Слушать он умел, не перебивал, смотрел в глаза. Достал из стола толстую старую тетрадь, перелистал ее и остановился на странице, где Морозову удалось прочесть крупно написанный заголовок: «Бруцеллез». И сразу вспомнился Талон.

— В вашем совхозе были коровы-овцы?

— Да, — сказал Сергей. — Кажется, были и больные бруцеллезом.

— Так вот, по вашему рассказу очень похоже. В магаданской больнице при вас не произносили этого слова?

— Нет. Не слышал.

— Чудовищно! Вам надо в больницу. Но я пока не отправлю, сделаем пробу Перке, — и он взялся за телефон. — Тамара? Это Блейхман. Сейчас к вам спустится молодой человек с моей бумажкой. Сделайте ему пробу Перке. Да, подозреваю.

Осторожно положив трубку, он внимательно оглядел Сергея.

— Вид у вас вполне здоровый. И тем не менее... Сейчас вы пройдете на второй этаж, комната двадцать три, там сестра сделает подкожное вливание, совсем простенькое, а завтра к десяти утра извольте прийти ко мне. Все станет ясным.

Морозову влили два кубика какой-то жидкости под кожу, завязали марлей. Он ушел встревоженный. Еще не хватало ему

коровьей болезни! Больных коров в совхозе выбраковывали. Но был навоз, он сам нередко совал руку в парники, чтобы определить, как горит биотопливо.

Утром он снял повязку. Вся кожа была красной, рука опухла, но не болела. Наскоро перекусив в буфете гостиницы, поехал с какой-то обреченностью к Блейхману.

— Та-ак! — многозначительно протянул профессор, осмотрев руку. — Чистая картина, друг мой. Сожалею, но у вас бруцеллез. Не очень приятная болезнь. Месяц-другой в больнице. К кому бы вас направить? Теперь не знаешь к кому... А, вот! К профессору Билибину, он специализируется по бруцеллезу. Кажется, уже нашел лекарства и методы лечения. Будьте уверены, он вам вернет здоровье. Вот направление в Боткинскую больницу. Желаю успеха! Выпишут — загляните ко мне. Где вы подцепили эту неприятность?

— На Колыме. В Тауйском совхозе, побережье Охотского моря.

— И долго там пробыли, на Колыме?

— С тридцать седьмого.

— Понятно. Расспрашивать не стану, — и протянул руку.

У профессоров Билибина и Руднева был отдельный небольшой корпус, видно, оставшийся от старой Боткинской больницы. Деревянное здание, коридор, а на две стороны от него палаты — четыре женских и шесть мужских на четырех больных каждая. Почти все кровати заняты. Здесь лечили эту болезнь, еще не имея твердых навыков и поэтому не всегда успешно.

В первый же день Сергей увидел в открытых дверях неподвижных, почти парализованных людей или страдавших от высокой температуры. Увидел и вполне здоровых на вид, смешливых, с очевидной надеждой на излечение. У каждого из них была своя судьба. Какая у него?..

Хвалили Билибина. Он ищет эффективные способы, испытывает новые средства лечения, создает вакцины. Сергей подписал бумагу с согласием на эксперимент. Такой тут порядок. Или — или... Уже на третий день после осмотра и анализов Морозову сделали первую инъекцию между лопаток и уложили без права подыматься. Через полчаса его била крупная дрожь, потом он весь горел, его обкладывали грелками, одеялами. Сознания не терял даже при сорока одном градусе. Так, минутные забытья. Часа через три вдруг начал потеть, лежал мокрый, ему трижды меняли белье, тщательно укрывали. Боже сохрани, чтобы форточка, сквозняк! Слабость при резком падении температуры ужасающая, за нею следовал долгий сон, а после — чудесное ощущение здоровья, желание встать, идти. Но вот это-то...

Лежать или сидеть, только всего.

За месяц с небольшим ему сделали, кажется, шесть инъекций. Температура уже не подымалась так высоко. Сергей выходил на прогулку, осматривал огромный больничный городок. Выходил на Беговую, на Ленинградский проспект. И чувствовал — одолевает болезнь.

Однажды в его палату внесли молодого, судя по лицу, человека с закрытыми глазами и уложили напротив. Лежал новенький пластом, на спине. Вдруг спросил:

— Здесь кто-нибудь есть?

Сергей поднялся, сел около новенького.

— Ваш сосед, Сергей Морозов, — увидел, как веки больного поднялись и опустились. Екнуло сердце: слепой.

— Если можно, воды, — попросил он.

Сергей принес, поднял ему голову, больной осторожно отпил глоток. Сказал, что зовут его Игорем. Странная отметина краснела у него на лбу. Пулевое ранение?..

— Были на фронте? — спросил Сергей.

— Да, я врач-хирург. Ослеп после ранения. А теперь еще и неподвижен после запущенного бруцеллеза. Билибин обещал, что подымет. Надеюсь.

В тот же день в палатах засуетились няни. Всем меняли белье, мыли полы и стекла. Билибин заходил дважды, с глазу на глаз подолгу оставался с Игорем. В палатах кого-то ждали. Когда Сергей вернулся с прогулки, Игорь сказал в пространство:

— Завтра сюда приедет мой учитель, академик Арендт. Решится судьба. Вы знаете что-нибудь об Арендте? Нет? Одно время он был лечащим врачом самого Сталина, кажется, делал ему операцию на черепе. А до этого его, как немца, сослали в Сибирь. Вождь занемог и велел вернуть. Сейчас работает в Москве, но в Кремль его уже не допускают.

Утром больных в палатах предупредили, чтобы не совались в разговор, помалкивали. Заглянул и Билибин. Оглядел всех и вышел. Опять открылась дверь, появился тучный большой человек с выпяченными губами и бровями Вия. За ним еще пять белых халатов. И Билибин, конечно.

— Здравствуй, Игорь, друг мой, — густым голосом дал о себе знать Арендт. И сел на подставленный стул. — Приехал с коллегами тебя смотреть и помочь. Со мной врачи, которые еще остались... Ты не в курсе, а тут такие события... Из одной Боткинской больницы взяли двадцать шесть самых видных врачей. Какой-то новый заговор. Вот так. Ну, а теперь займемся тобой.

Пять докторов и сам Арендт более часа осматривали и

выслушивали Игоря. Потом вышли, посоветовались. Вернулся только академик. Он грузно опустился на кровать, нашел руку Игоря и пожал ее.

— Ты мой ученик, мой коллега, буду с тобой откровенен. Мы тебя подыдем. Билибин в этом уверен. Подтверждено, что необратимых явлений бруцеллез пока не оставил. А вот зрение вернуть не удастся. Примиришься. Жить надо в любом случае.

Уходя, он поцеловал Игоря в лоб.

Тишина в палате не прерывалась даже вздохами. И вдруг Игорь как-то судорожно зарыдал. Это были самые горькие рыдания, которые пришлось слышать Морозову. Слезы текли из невидящих глаз, тело его содрогалось. Вошла сестра, сделала укол. Он уснул, но и во сне все еще вздрагивал и стонал.

Вот когда Морозов понял, что его ожидало, если бы он остался на Колыме. Лежал и думал о происшедшем. Судьба его миловала. А вот с Игорем беда непоправимая. На фоне другой беды. Значит, в столичном граде Москве опять сажают? Он уже читал о «деле врачей», но никак не предполагал, что массовые аресты продолжаются. Неужели безумие не кончится? Уж если сталинского домашнего врача забирали и держали в Сибири, так что же говорить о простых людях? Надо уехать куда-нибудь в самую глухую деревню, не читать газет, жить и работать, не разговаривать о политике, не иметь знакомых. Но что же это за жизнь в добровольном заточении?..

Вскоре его предупредили о выписке. Здоров? На это Билибин сказал с откровенностью, не присущей врачам:

— Пока еще нездоров. Тебе нужен отдых. Путевку сумеешь купить? В Сочи, в Кисловодск, в Крым? Санаторную карту мы тебе заполним. Поезжай, набирайся сил, колымчанин. Потом еще раз сюда, еще один курс лечения — и ты забудешь о своей болезни.

Поблагодарив профессора и попрощавшись с Игорем, Морозов покинул больницу. В тот же день побывал на Гоголевском бульваре, где представительство Дальстроя. Довольно быстро получил путевку в санаторий имени Орджоникидзе в Сочи и уехал в Рязань, конечно, с подарками для семьи и Юли.

К счастью, в маленьком доме было все спокойно, девочки здоровы, сюда уже приезжала Олина сестра из Сталинграда, раза три все они побывали у Юли. Одиночества не ощущали. Путевка поразила Юлю, еще больше ее мужа.

— Так просто? — спросил Александр. — Для обкомовских работников это проблема. А для тебя — обычное дело. Удивительно!

Так, косвенно, дал понять, что Морозов и его жена люди

последнего сорта. Они промолчали.

Месяц на курорте пролетел, как один день. Прекрасный санаторий, комната с балконом, над которым свисает лавр и какие-то южные кусты с цветами, приятная погода и никаких процедур, кроме ванны с теплой морской водой. Но стало побаливать сердце, в карманах Сергея теперь постоянно был валидол и нитроглицерин.

И снова Рязань, потом Москва, клиника Билибина. Вливания делали редко, они не вызывали тяжелых последствий. Через три недели Морозова выписали. На последнем осмотре профессор сказал:

— На Колыму тебе нельзя. Заказано.

— Но я в отпуске! Если не вернусь, меня попросту повезут! В вагоне с клеточками на окнах. И никакого оправдания.

— Болезнь и есть твое оправдание. Бруцеллез вылечен. А сердце потревожено. Ничто не дается даром. Ты получишь справку о противопоказании жить на севере.

И он написал. Это был документ, который избавлял Сергея от всякой связи с Дальстроем, с его душным страхом, с его дикостью и тщеславием тюремщиков всех рангов — от старшины до генерала

И снова Морозову пришлось побывать в представительстве Дальстроя. Сняв для себя копию, он отдал справку в отдел кадров. Ему велели зайти через два дня, потом еще через три дня, дали на все эти дни бронь в гостиницу, и он жил в безделии, ждал, ходил по столице, названивал Юле, говорил, что все хорошо, а она передавала это Оле.

Именно в эти дни и произошла совсем уж неожиданная встреча, которую надо обозначать словом «вдруг»...

И днем, и вечером Сергей, конечно, бродил по Москве, она для него так и оставалась незнакомой. Впрочем, и для москвичей в те трудные сороковые представлялась в ином свете, чем в более ранние годы — малолюдной, притихшей, плохо освещенной. Она походила на выздоравливающего, но все еще слабого и больного человека. Люди были замкнуты и суровы. Окна большого дома на Лубянке светились целыми ночами. У входа в пересыльную тюрьму Бутырки сутками стояли люди с номерками на ладонях и с передачами для близких — осужденных. «Воронки» не так часто, но сновали по улицам города. Аресты проходили какими-то волнами, и неизвестно, кто становился их жертвами.

...В тот поздний вечер Сергей ехал на метро к Садовому кольцу, где была его гостиница «Селект»^[1]. Он сидел, но и в проходах стояло много пассажиров. Вдруг он поймал на себе чей-то любопытный взгляд с противоположного дивана. Случайность? Снова в просвете между двух фигур на него глянули любопытные глаза. Он вышел из вагона на станции «Маяковская», сделал несколько шагов к эскалатору. Шум уходящего поезда затихал. Сзади кто-то сказал:

— Сергей Иванович...

Он обернулся и тихо ахнул: возле него стояли друзья из Чай-Урьи — Наталья Васильевна Савельева и Николай Иванович Герасименко. Боже мой, такая неожиданная, такая удивительная встреча! Они обнялись, расцеловались. Наталья Васильевна заплакала.

— Это судьба, — говорила сквозь слезы. — Ну, кто мог подумать! В трехмиллионной Москве, почти в полночь — и такая радость! Говорите же, рассказывайте. Где Олечка, как вы сами?

— В Рязани Олечка, вместе с Верой и Таней. Здоровы.

— Уже двое?

— Да, Таня тоже в Сусумане родилась. А потом меня перевели в Тауйский совхоз. Удалось получить отпуск. Только что прошел курс лечения. Кажется, поправился.

— И что же? Опять Магадан?

— Жду решения. У меня есть справка: Дальний Север противопоказан.

— Отлично. Значит, не поедете. А у нас тоже новость, поздравьте: мы поженились!

И они снова обнялись и расцеловались. На них смотрели, оборачивались. Пусть! Такое событие! Не у каждого в жизни счастливые случаи. Тем более, после всего пережитого.

— Ну, а тогда? — спросил Морозов. — Восстановили вас в партии?

— Да-да! Но не сразу, ой, не сразу! Я все-таки написала Бурденко, что уж он делал — не знаю, но меня вызвали в Магадан, чуть ли не с извинениями вручили билет. Такому заступнику не откажешь. А тут и Николая Ивановича освободили, срок кончился, мы проявили настойчивость и уехали на материк, хотя препятствий было предостаточно.

— Значит, москвичи?

— Как вам сказать... Живем пока, — это уже говорил Герасименко.

— Да что мы стоим, людям мешаем! Давайте отойдем в сторонку. И сразу записывайте наш адрес, — скомандовала Савельева. — Сокол. Знаете где? Четвертая остановка отсюда, Песчаные улицы. Завтра сумеете? Вот там мы спокойно посидим и потолкуем. Будем ждать. Спросят — к кому, говорите к Савельевой.

Они попрощались. Гостиница была рядом. Сергей поднялся наверх и так, не погасив удивления, вошел к себе в номер, разделся, лег на спину, руки за голову, и долго-долго лежал, а прошлое-пережитое все прокручивалось в голове с поразительной ясностью до тех пор, пока сон не сморил его.

Квартиру доктора Савельевой он нашел не сразу, походил в растерянности по этим самым Песчаным улицам. Здесь было много новостроек и немало прохожих, у кого можно спросить. Но он сам отыскал нужный дом, поднялся на третий этаж, позвонил. Дверь распахнулась, Наталья Васильевна в красивом платье, с модной прической, помолодевшая и светлая, поцеловала гостя и крикнула:

— Коля, это Сергей Иванович.

Из другой комнаты вышел Герасименко в отглаженной сорочке, чисто выбритый, но несколько встревоженный звонком. Они обнялись.

— Вот наши хоромы, — сказала хозяйка, усаживая Сергея за стол. — Дворник вас не видел? Не спрашивал, к кому идете?

— Не было дворника. Не встретился. А что, такой порядок?

— Ну, как вам сказать... Береженого и Бог бережет. Николай Иванович в этой квартире все еще на птичьих правах.

— А почему? Вы же расписались?

— Его в Москве не прописывают. Ограничения в паспорте. Вы знаете этот «порядок».

— Порядок? Жена здесь, а муж...

— Он в Александрове прописан, есть такой городок на сто втором километре от столицы. А работает в Центральном

институте туберкулеза, на Яузе. И живет, конечно, здесь, но нелегально. Дворник делает вид, что ничего не знает, это ему выгодно, пятерочки приходится класть в его ладонь. В институте тоже знают, что их профессор из «бывших», но расставаться с ним не желают, тем более что ведут все вместе очень сложную работу.

— Сколько же будет продолжаться такая жизнь? — Сергей спросил сердито. — Они все еще сажают! В Боткинской, где я лежал, говорили, что у них увезли чуть не тридцать врачей. Какое-то новое дело, о котором пишут всякие страсти. Хорошо, что моего лечащего — Билибина — не взяли, он вылечил меня.

— Мы все живем, как на птичьем дворе, — с грустной улыбкой заметил Герасименко. — Вот протянется через сетку чья-то волосатая рука и подхватит, уже бесследно. А ведь страна ожидала, что после победы над фашизмом лагеря и тюрьмы разгрузят, всех освободят. Но идут дни, месяцы — в газетах и по радио о бдительности, о вражеской деятельности, похвалы доносам и предательству. Общество растерзано. Какое там счастье!

Наталья Васильевна по-матерински добро смотрела на мужа. Он сидел бледный, расстроенный.

— Как-то не так начали мы разговор, — сказала Савельева. — И себя расстроили. Да и у меня на работе всё вызывают, допрашивают. Плохо. Но жить надо, не поддаваться панике. Всему приходит конец.

Морозов провел у друзей почти три часа. Николай Иванович рассказал о своей работе. С группой врачей он экспериментирует на собаках, делает пересадку легких от здоровых особей больным животным. Есть обнадеживающие результаты. Одна собака по кличке «Цыган» уже несколько месяцев живет с подсаженными органами.

— Мысль о таких экспериментах пришла мне знаете где? В инвалидном лагере на Чай-Урье. Там многие заключенные умирали от обморожения легких. Кислородная гипоксия. Вот тогда я и подумал, нельзя ли гипоксию устранить, если пересадить умирающему здоровые легкие вместе с сердцем только что умершего человека?

Практически операция не намного сложнее, чем пересадка одного легкого. Вернувшись сюда, я собрал группу единомышленников-хирургов, мы пошли по стопам физиолога Ивана Петровича Павлова, который пытался делать нечто подобное еще в двадцатые годы. Но тогда не было оборудования, техники, операции не удавались. А сегодня... Мы можем создать даже банк для хранения здоровых органов от умерших доноров — в контейнере с кровозаменяющим раствором, в условиях, близких

к живому организму. И пользоваться ими при крайних случаях для спасения умирающего.

Он говорил тихо, задумчиво, видимо, стараясь все еще убедить самого себя в реальности такого необычного эксперимента. А Сергей думал, как нужны людям именно такие специалисты и сколько потеряло общество от принудительной изоляции подобных талантов за одно десятилетие «борьбы с врагами народа». Жутко...

Не в первый, конечно, раз слушала рассказ своего мужа Наталья Васильевна и сейчас подбадривала его взглядом, согласным кивком, вниманием, столь необходимым для увлеченного человека. Сергею было трудно понять хирурга, но он отдавал себе отчет, что слышит нечто полуфантастическое, способное спасти даже безнадежных больных. Что благородней этого?

И только когда Николай Иванович умолк, Наталья Васильевна позволила себе встать и включить остывший чайник.

— Да, странная, перевернутая жизнь в наше время, — вздохнул Сергей. — Одни стреляют в невинных людей, уничтожают самых способных. А другие в это же время все способности направляют на продление жизни человека. Кто и кого осилит в таком соревновании?

— Зло на земле если и берет верх, то лишь на время, которое мы называем безвременьем. Иначе бы жизни вообще не было, — отозвался Герасименко. — На короткое время, когда колеса адской машины смазываются теплой кровью, когда уничтожены все тормоза милосердия в нашей христианской стране. Будет и конец безвременью. Ведь все мы рождаемся с зарядом добра и живем, все более понимая, что в основе жизни именно добро, счастье. Но чаши весов качаются, сегодня перевешивает та, что наполнена первобытной дикостью, лубянскими мотивами о классовой борьбе. А ведь еще две тысячи лет назад апостол Павел — бывший гонитель христиан Савл — высказал удивительно глубокую мысль: «Природа является храмом, в котором человек совершает свое творческое служение». Творческое, Сергей Иванович!

Морозов ушел от своих друзей поздно, швейцар в гостинице долго не открывал ему дверь, видимо, уснул. Впустил, пробурчав что-то о ночных гуляках. А Сергей только улыбнулся ему, посмотрел на отключенный лифт и неторопливо пошел по ковровым дорожкам на свой пятый этаж.

Утром он побывал в клинике профессора Билибина, получил две страницы анамнеза, больничные диеты и самое главное, что обещал профессор — справку о болезни, где было написано:

«Работа на Дальнем Севере противопоказана». Этот документ позволял Морозову поставить крест на страшный Дальстрой. Он увольнялся, чтобы жить и работать на родной своей Русской равнине, а не у черта на куличках.

Вот это он и скажет по телефону своей Оле.

И он сказал. И услышал вздох облегчения.

— День-два и я приеду в Рязань. Будем думать, где обосноваться надолго.

Но скоро сказка сказывается... В московском отделе Дальстроя его справку вертели и так и сяк, после чего сказали, чтобы за ответом Морозов пришел дней через десять, когда получат ответ из Магадана.

Шло лето. Рязань выглядела в своем лучшем летнем наряде. Морозовы с девочками ходили по Кремлю, стояли в благочестии перед Успенским собором, перед церквями Святого Духа и Богоявленским храмом — пустыми и под замком; уходили на урез Кремлевского холма, где далеко внизу поблескивала гибкая лента реки Оки в дугowych берегах, и мечтали о жизни именно вот в таких местах, где сохранялась еще и чистота природы, и овечья слава история Древней Руси, когда и были отстроены великолепные рязанские храмы, и дальняя, видная с холма за поймой, стройная звонница Иоанна Богослова. О своей родной стороне Сергей Есенин писал:

О Русь — малиновое поле

И синь, упавшая в реку.

Люблю до радости и боли

Твою озерную тоску.

В назначенное время Морозов появился на Гоголевском бульваре. Хмурый майор долго рылся в бумагах, наконец нашел ответ из Магадана и протянул бланк радиogramмы Морозову:

— Распишитесь, что ознакомились.

Его увольняли из Дальстроя в связи с болезнью. Слава Всевышнему!

В тот же вечер Морозов уехал в Рязань. Оля открыла мужу дверь и с надеждой заглянула в глаза.

— Порядок! Мы свободны. Север не для нас.

И тогда она горько сказала:

— У тебя благополучно, а здесь неприятность. Приходил милиционер, спросил, на каком основании я здесь живу без прописки, посмотрел паспорт, напугал хозяйку и потребовал выехать из областного города куда-нибудь в район или в деревню. Что нам делать?

— Как это что? Мы послушные люди. Раз милиция требует, уедем, — и Сергей насильно улыбнулся. — В район? А почему и нет? В деревню? Хоть завтра. Агрономы нужны как раз в деревне.

Оля пододвинула к нему письмо. Родные приглашали свою дорогую Олечку погостить в Сталинграде. Со всей семьей, конечно.

— Очень хочу, — сказала Оля. — Там бабушка, сестра...

Через несколько дней, простившись с Юлей и Сашей, Морозовы уехали в Сталинград. Беспокойно билось сердце Сергея. Ведь и в волжском городе придет милиционер... Что это за жизнь у них? Как загнанные звери. Но он бодрился и не показывал виду, что напряжен, что переживает.

Оставив своих близких у олинх родственников, он уехал на Кубань, поближе к «грядам Кавказа», к теплу. В краевом управлении сельского хозяйства ему предложили на выбор три машинно-тракторные станции, где не было главного агронома. Морозов выбрал Братскую МТС, одну из тех, что называли «глубинкой». От краевого центра до этой станицы было почти двести верст.

Именно здесь и начнут свою вторую жизнь гонимые...

Хотелось, чтобы была она светлой. Как недалекий снежный хребет — с розоватыми ледниками на высоких пиках.

1978–1988 г.

notes

Примечания

Ныне гостиница «Пекин».